

Н. С. ДЕРЖАВИНЪ.

Привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

БОЛГАРСКО-СЕРБСКІЯ

ВЗАИМООТНОШЕНІЯ

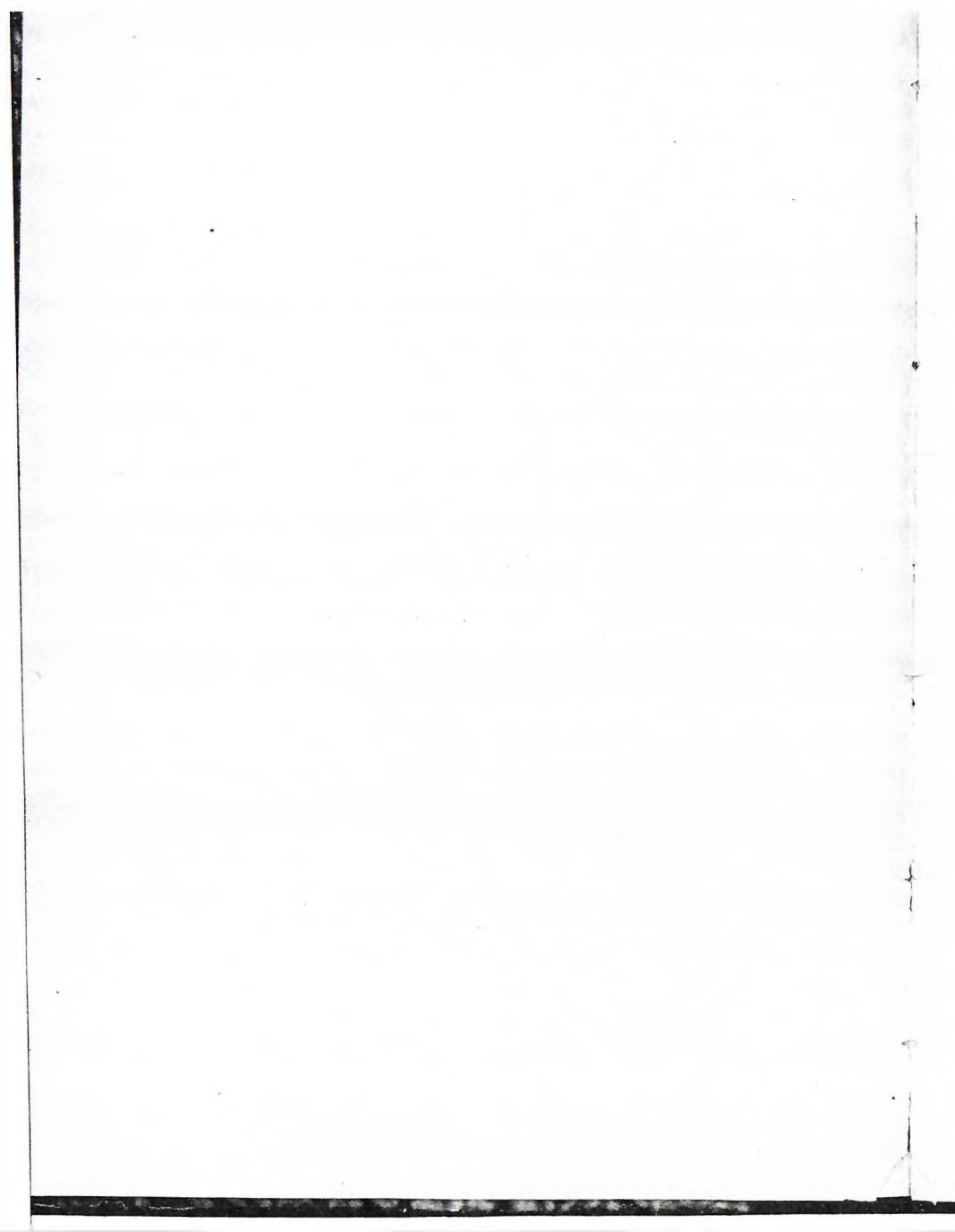
И

МАКЕДОНСКІЙ ВОПРОСЪ.

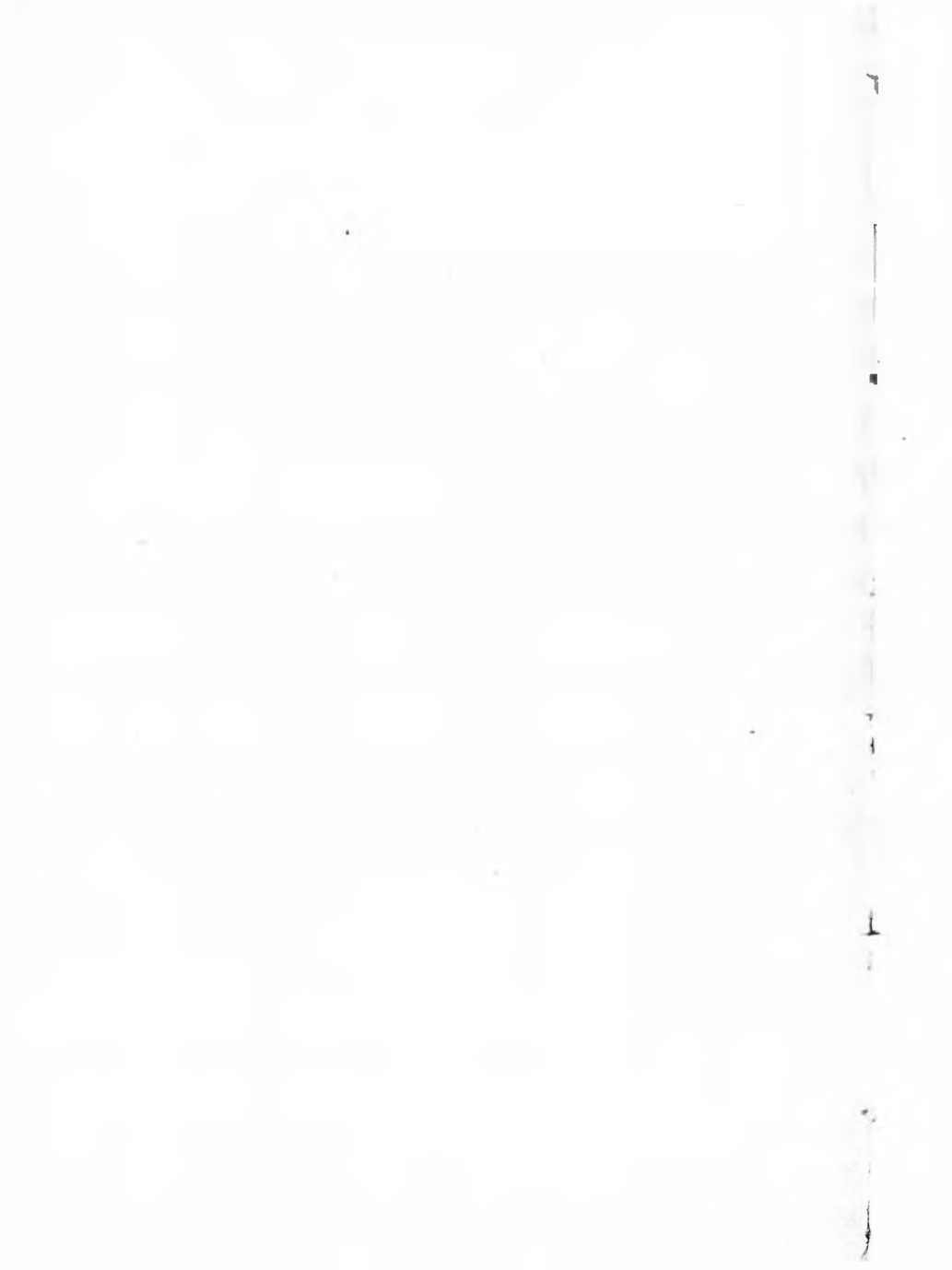
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

... Я знакомился съ характеромъ болгаръ, узнавалъ ихъ способности и прилежаніе и, поистинѣ, научился уважать этотъ, такъ незаслуженно забытый, народъ.

Проф. **В. И. Григоровичъ**: Очеркъ путешествія по Европейской Турціи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Тяжелые дни испытаній, пережитые болгарскимъ народомъ въ связи съ понесенными Болгаріей жертвами, глубокою скорбью отозвались въ нашихъ сердцахъ и еще тѣснѣе сблизили между собою старыхъ друзей двухъ братскихъ народовъ. Надо ли говорить о томъ, что Болгарія, предметъ нашихъ живѣйшихъ интересовъ и симпатій, основанныхъ на глубокомъ сознаніи исторически-сложившихся болгарско-русскихъ традицій и отношеній,—Болгарія, оскорбленная въ свихъ лучшихъ чувствахъ и разбитая въ своихъ мечтахъ, стала для насъ теперь еще ближе, еще дороже...

Въ жизни каждаго народа, какъ и въ жизни отдѣльной личности, помимо повседневности, есть всегда и нѣчто высшее, что налагаетъ свою печать на весь строй жизни и придаетъ вѣчный смыслъ его временному существованію. Это высшее—та идея или тотъ господствующій принципъ общественно-политическаго сознанія наиболѣе активныхъ группъ націи, въ которомъ воплощена сущность національно-историческаго и социально-политическаго міропониманія народа.

Торжество принципа создаетъ обыкновенно эпохи культурнаго подъема и возрожденія, кризисъ принципа вызываетъ упадокъ и застой національной жизни до тѣхъ поръ, пока новыя привходящія обстоятельства, каковы бы они ни были по своей сущности, т. е. идейныя или матеріальныя, не создадутъ толчка, который двинетъ народную жизнь впередъ по пути, диктуемому господствующимъ въ данный моментъ соотношеніемъ дѣйствующихъ въ народѣ силъ.

Болгарія оказалась побѣжденною, хотя, въ сущности, мы не знаемъ ни объ одномъ ея пораженіи; больше того, насколько Болгарія дѣйствительно «побѣждена», объ этомъ мы говоримъ только условно, не будучи вовсе склонными квалифицировать ея вынужден-

ной капитуляціи съ положеніемъ стороны, потерпѣвшей пораженіе, и ближайшее будущее, мы думаемъ, освѣтитъ намъ этотъ вопросъ лучше, конечно, чѣмъ это могли бы сдѣлать мы въ настоящій моментъ. Несомнѣнно только, что Болгарія переживаетъ сейчасъ тяжелый кризисъ, не кризисъ финансовый или политическій—эти кризисы не страшны!—но кризисъ моральный, кризисъ культурно-національнаго сознанія, когда, обыкновенно, въ народѣ поднимаются и ставятся общіе вопросы, въ родѣ вопроса о смыслѣ жизни, о возможности и цѣлесообразности какой бы то ни было работы и т. п. И это переживаемое Болгаріей угнетенное настроеніе, этотъ кризисъ болгарской національной жизни вызванъ именно тѣмъ, что вмѣстѣ съ своимъ вынужденнымъ пораженіемъ болгарскій народъ лишился того, что въ теченіе десятилѣтій было для него національной святыней, что придавало высокій смыслъ его скромной національной жизни, во имя чего народъ жилъ, въ жертву чему было принесено такъ много усилій, на что было положено такъ много труда...

Идея культурно-національно-политическаго объединенія болгарскаго народа—вотъ та идея, которой Болгарія обязана своимъ возрожденіемъ, своею политической свободой, успѣхами своего культурнаго развитія, своими, наконецъ, послѣдними блестящими побѣдами, ибо Лозень-градъ и Адрианополь—не что иное, какъ эхо, которымъ свободный болгарскій народъ, сто пятьдесятъ лѣтъ спустя, отвѣтилъ на призывъ къ національному возрожденію, раздавшійся впервые въ 1762 г. изъ устъ великаго будителя народной совѣсти, аѳонскаго инока Паисія.

Эта выросшая и окрѣпшая вмѣстѣ съ возрожденнымъ народомъ основная идея его національно-политической жизни въ наши дни подверглась вновь суровому испытанію, и Болгарія, счастливая сознаніемъ предстоящей близости реального осуществленія своей мечты, силою сложившихся обстоятельствъ оказалась вдругъ лишенною всего, что въ теченіе цѣлаго столѣтія было для нея наиболее дорогимъ въ ея жизни. И это не слова, это дѣйствительный фактъ, фактъ очень хорошо, впрочемъ, знакомый всѣмъ, кто ближе присматривался къ болгарской жизни, кто имѣлъ возможность непосредственно наблюдать эту жизнь, кто видалъ, напримѣръ, эти многотысячныя толпы македонскихъ бѣглецовъ, изъ года въ годъ періодически наводнявшихъ собою болгарскіе города, ища здѣсь защиты и спасенія, или кто лично былъ свидѣтелемъ, какъ вполне нормальная болгарская жизнь вдругъ выбивалась

изъ колеи при малѣйшемъ эксцесѣ со стороны турецкаго режима въ несчастной Македоніи. Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что Болгарія съ честью выйдетъ изъ своего настоящаго положенія, но несомнѣнно также и то, что переживаемый болгарскою народною жизнью моральный кризисъ слишкомъ серьезенъ, глубоко и чреватъ самыми непредвидимыми возможностями и послѣдствіями.

I.

Сложность македонской проблемы.

Интересно отмѣтить, что еще 13 лѣтъ тому назадъ, въ 1901 г. проф. Нидерле, одинъ изъ выдающихся современныхъ славистовъ, въ спеціальной статьѣ—«Makedonska otazka», напечатанной въ журналѣ «Czeska Revue» и посвященной Македонскому вопросу, определенно высказывался въ томъ именно смыслѣ, что для него, какъ и для всякаго, по его словамъ, кто близко знакомъ съ балканскими дѣлами, совершенно ясно, что болгаро-сербскій споръ изъ за Македоніи не кончится миромъ, и что эти два родственные братскіе народа рано или поздно, но неминуемо должны столкнуться другъ съ другомъ въ кровавой распрѣ. И этотъ печальный фактъ, рисовавшійся воображенію безпристрастнаго изслѣдователя-слависта неизбежнымъ только лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, свершился на нашихъ глазахъ и, быть можетъ, свершился прежде, чѣмъ кто-либо могъ того ожидать. Объясняется это, конечно, не какимъ либо національнымъ самообольщеніемъ или излишнимъ упоеніемъ головокружительными побѣдами съ чьей либо стороны, не капризомъ, не тѣмъ, наконецъ, что такъ часто и охотно возводится нѣкоторыми въ своеобразный принципъ расоваго славянскаго темперамента, какъ абсолютная неспособность славянъ къ коопераціи и сожительству,—но дѣйствительною сложностью македонской проблемы и трудностью найти здѣсь какой либо примиряющій компромиссъ.

Для того, чтобы хотя отчасти уяснить себѣ, въ чемъ, собственно, заключается сложность вопроса, такъ своеобразно рѣшеннаго въ Бухарестѣ и, конечно, далеко не рѣшеннаго по существу,—намъ придется начать нѣсколько издалека и прежде всего обратить вниманіе на нѣкоторыя данныя общаго характера, которыя, между прочимъ,

такъ обстоятельно отмѣчены у сербскаго ученаго проф. Цвиича въ его капитальномъ изслѣдованіи—«Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије» (Београд, 1906, кн. I—III), гдѣ въ спеціальной главѣ, посвященной обзору географическаго положенія и общихъ географическихъ особенностей Балканскаго полуострова вообще и интересующей насъ области Македоніи и Старой Сербіи въ частности (кн. I, стр. 15—58), почтенный сербскій ученый сразу же вводитъ читателя въ самую сущность македонской проблемы путемъ изслѣдованія геологическаго строенія Балканскаго полуострова и вытекающихъ отсюда взаимоотношеній территорій нынѣшняго Болгарскаго царства, Македоніи и Сербіи.

Исключительное географическое положеніе Балканскаго полуострова въ центрѣ Стараго міра на торговомъ пути изъ Европы въ Азію и Африку было всегда причиною того, то этотъ полуостровъ издавна служилъ желанною приманкою для всѣхъ народовъ, связывавшихъ такъ или иначе съ его обладаніемъ свои экономическіе и торговые интересы, вслѣдствіе чего, между прочимъ, въ исторіи Европы онъ нерѣдко игралъ роль своеобразной культурно-этнографической станціи, гдѣ въ теченіе ряда вѣковъ одна за другою осѣдали различныя народности съ тѣмъ, чтобы послѣ извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго времени, подъ напоромъ новыхъ иноземныхъ пришельцевъ, вновь сняться съ своихъ насиженныхъ мѣстъ и уйти куда либо далѣе на югъ и западъ, или же слиться съ этими пришельцами въ одну этническую массу. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ новое время Балканскій полуостровъ въ исторіи международныхъ отношеній, благодаря своему выгодному географическому положенію, продолжаетъ играть ту же роль, какую онъ игралъ и въ древности, попрежнему привлекая къ себѣ взоры заинтересованныхъ въ его обладаніи народовъ Европы и Азіи.

Съ другой стороны, въ историческихъ судьбахъ Балканскаго полуострова большое значеніе имѣло всегда также и то обстоятельство, что онъ испоконъ вѣковъ былъ носителемъ тѣхъ высокиихъ культуръ, которыя въ разное время создавались въ области «средиземья»—египетской, финикійской, древне-греческой, римской, — и отсюда уже разными путями расходились за его предѣлы. Высокая, сравнительно, культурность мѣстнаго населенія дѣлала его хорошимъ потребителемъ, а это, въ свою очередь, создавало изъ Балканскаго полуострова выгодный рынокъ для торговца и предпринимателя. Но въ

особенно выгодномъ положеніи, съ указанныхъ выше точекъ зрѣнія, находились преимущественно южныя области полуострова, Фракія, Македонія и Греція, выдвинувшія въ свое время такіе крупные центры, какъ Константинополь, Солунъ и Афины, утратившіе, конечно, съ теченіемъ времени свою былую первенствующую роль въ связи съ позднѣйшимъ развитіемъ Западно-Европейской культуры и новыхъ средствъ и путей сообщенія.

Пути сообщенія въ исторіи народовъ, дѣйствительно, являются обычно тѣмъ первостепеннымъ факторомъ, который реализуетъ цѣнность географическаго положенія страны и опредѣляетъ собою политическія взаимоотношенія сосѣднихъ народовъ. И вотъ, что касается въ частности Балканскаго полуострова, то, несомнѣнно, два продольныхъ его пути: Нишъ—Солунъ и Нишъ—Константинополь, согласно опредѣленію профессора Цвѣича, представляютъ собою важнѣйшія и кратчайшія коммуникаціонныя линіи, соединяющія Европу съ мировымъ морскимъ путемъ черезъ Суэцкій каналъ, а потому и имѣющія, какъ это было и въ средніе вѣка, огромное значеніе для среднеевропейскихъ державъ (I, стр. 30).

Изъ этихъ двухъ коммуникаціонныхъ артерій: Нишъ—Солунъ и Нишъ—Константинополь, первая, т. е. Нишъ—Солунъ, пересѣкающая по мораво-вардарской долинѣ съ С. на Ю. всю Сербію и Македонію и какъ бы объединяющая эти двѣ области въ одно географическое цѣлое, профессору Цвѣичу представляется болѣе существенной, приобретающей постепенно перевѣсъ надъ линіей Нишъ—Константинополь въ виду особенныхъ преимуществъ открытой Солунской бухты предъ закрытымъ Босфоромъ и невыгодъ Константинополя, какъ периферіи, слишкомъ удаленной отъ центра страны. Мировое же значеніе пути Нишъ—Солунъ, естественно, выдвигаетъ на сцену вопросъ о политическихъ судьбахъ Македоніи въ ближайшемъ будущемъ и сталкиваетъ на этой почвѣ цѣлый рядъ заинтересованныхъ въ обладаніи этой страной претендентовъ, связывающихъ съ обладаніемъ Македоніей собственныя экономическія и торговыя выгоды.

И такъ: выгодное географическое положеніе Македоніи, какъ территории посредствующей, связующей свою мораво-вардарскую артерію, какъ найкратчайшей линіей Западную Европу съ великимъ мировымъ воднымъ путемъ, дѣлаетъ Македонію, богатую при томъ же своими производительными силами, «золотымъ дномъ» для обладателя. Только благодаря своему выгодному географическому поло-

женію, Македонія есть ключъ къ національному богатству и политической свободѣ, и борьба за обладаніе этимъ ключемъ должна, безъ сомнѣнія, стоить большихъ жертвъ. Для Болгаріи, которой больше некуда расширяться, которая въ своихъ границахъ уже почти объединила свою народность, за исключеніемъ той ея части, которая входитъ въ составъ македонскаго населенія, Македонія сейчасъ, въ данный моментъ, какъ залогъ дальнѣйшаго нормальнаго развитія и національнаго благосостоянія, и какъ важнѣйшее условіе дальнѣйшей нормальной культурно-политической жизни страны, представляетъ собою важнѣйшую проблему національной жизни.

Вотъ тѣ данныя, на которыхъ, прежде всего, базируется злополучный Македонскій вопросъ, которыми опредѣляется его сущность, данныя, несомнѣнно, убѣждающія насъ въ томъ, что Македонскій вопросъ не плодъ досужаго воображенія, но дѣйствительный фактъ огромной политической важности для непосредственно заинтересованныхъ въ его удовлетворительномъ разрѣшеніи болгаръ и сербовъ.

Не нужно быть сербомъ, говорить авторъ только что вышедшей въ Бѣлградѣ брошюры, посвященной тому же вопросу о Македоніи, Марко П. Цемовичъ,—не нужно, подобно сербу, понимать сербскіе народныя интересы, достаточно взглянуть на современную политическую карту Балканскаго полуострова, чтобы убѣдиться, что интересы сербскаго народа больше чьихъ либо иныхъ, т. е. болгарскихъ и греческихъ, связаны съ этими двумя областями: Македоніей и Старой Сербіей. (Марко П. Цемовичъ: *Македонски проблем и македонци. Београд, 1913*). Повторяя затѣмъ мысли профессора Цвиича, тотъ же авторъ продолжаетъ: занимая центральное положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, Македонія своею Мораво-вардрской долиной представляетъ удобнѣйшій и кратчайшій путь изъ Европы въ Азію, къ Суэцкому каналу, къ Индіи. Солунская гавань, глубокая, просторная, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Константинополь, расположенный на периферіи, и это свое значеніе она, несомнѣнно, вскорѣ будетъ имѣть на самомъ дѣлѣ. Но огромное значеніе географическаго положенія Македоніи и Старой Сербіи стоить въ тѣсной связи и очень зависитъ отъ географическаго положенія Сербіи. Наибольшую выгоду своего географическаго положенія эти области пріобрѣтаютъ лишь въ связи съ Сербіей и обратно: географическое положеніе Сербіи имѣетъ свои преимущества только въ связи съ этими землями,

ибо исключительное значение этих земель заключается в томъ, что онѣ занимають центральное положеніе, и что черезъ нихъ проходитъ мораво-вардрская коммуникація, которая дѣлаетъ Македонію и Сербію неразрывно связанными другъ съ другомъ, какъ начало и конецъ. Мораво-вардарская коммуникаціонная линія и путь Бѣлградъ-Солунь, по мнѣнію автора, при создавшемся положеніи вещей въ связи съ приобретениемъ Болгаріей выхода къ Эгейскому морю, Греціей-Солуня и въ связи съ созданиемъ Албаніи, обезпечивающей Австріи преобладаніе на Адриатическомъ морѣ,—Мораво-вардарская коммуникація и путь Бѣлградъ-Солунь являются условіемъ экономической независимости Сербіи. Однако, на этомъ естественномъ пути своего развитія Сербія, по заявленію г. Цемовича, встрѣчаетъ преграды со стороны сосѣдей, Болгаріи и Греціи. Столкнувшись на Адриатикѣ съ интересами Италіи и Австріи, Греція, по мнѣнію автора, поставила свою задачу расширеніе на счетъ Болгаріи и Сербіи въ направленіи къ Битолу и Солуню, при чемъ, стремясь къ Битолу, она имѣетъ въ виду, во-первыхъ, оттѣснить болгарскую границу отъ юго-восточныхъ границъ импровизированной Албаніи, ибо отъ Охриды до Валоны не такъ ужъ далеко, а соперничать съ Болгаріей на двухъ моряхъ Греціи было бы не подь силу; съ другой стороны, ея экономическіе интересы требуютъ, по мнѣнію сербскаго публициста, непосредственнаго соприкосновения съ Сербіей, такъ какъ Сербія, какъ скотоводческая страна, представляетъ собою большія выгоды съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Греціи, страны морской и торговой по преимуществу. Допустивъ Болгарію къ непосредственному соприкосновению съ Сербіей, Греція лишится своей экономической связи съ Сербіей, и Сербія найдетъ для себя выходъ къ морю черезъ Болгарію, помимо Греціи. Такова, повидимому, и точка зрѣнія Греціи. Что касается Болгаріи, то, по мнѣнію автора, ей положительно везетъ, ибо она никогда не встрѣчаетъ ни въ одной изъ великихъ державъ отпора въ своихъ домогательствахъ на турецкое наслѣдіе въ Европѣ, (на вѣрное теперь и г. Цемовичъ убѣдился въ противномъ!), а между тѣмъ, если бы сейчасъ были удовлетворены ея домогательства на территорію отъ линіи Мидія-Эносъ вплоть до Крива-Паланка, Велесъ, Охридъ и Флорина, то Болгарія получила бы 95,250 кв. километровъ, что съ прежними 96,345 кв. килм. составило бы территорію въ 191,595 кв. килм., въ сравненіи съ чѣмъ другія балканскія державы оказались бы въ такомъ положеніи: Сербія и Черногорія 86,250 кв.

килм., Греція 75,407 кв. килм., Албанія 24,000 кв. килм., т. е. вмѣстѣ всѣ четыре названныя государства составили бы 185,657 кв. км., менѣе Болгаріи на 5,938 кв. килм. Такое положеніе вещей, думаетъ авторъ, нарушило бы равновѣсіе на Балканахъ вплоть до полной гегемоніи Болгаріи...

Если мы обратимся къ представителю сербской ученой интеллигенціи, проф. Беличу, то и у него найдемъ развитіе того же взгляда проф. Цвіича, сумѣвшаго, между прочимъ, свой взглядъ на сербо-македонское единство, въ противоположность такому же единству болгаро-эракійскому, остроумно обосновать на несомнѣнныхъ геологическихъ данныхъ. Въ своей брошюрѣ: «*Сербы и болгары въ Балканскомъ союзѣ*», изданной въ 1913 г. въ Петербургѣ, на стр. 25 авторъ говоритъ; то, что вардарская долина представляетъ единственно возможный и въ силу этого жизненно необходимый торговый путь для Сербіи, станетъ яснымъ каждому, кто броситъ хотя бы бѣглый взглядъ на карту новыхъ приобрѣтеній балканскихъ союзниковъ. Извѣстно, что и до сихъ поръ путь Солунь-Бѣлградъ является для Сербіи единственнымъ, когда двуединая монархія закрывала границы для сербскихъ товаровъ... Послѣ того, какъ Сербія нашла новые рынки на Востокѣ и Западѣ (Египетъ, Сирія, Италія и др. страны) и послѣ этой войны, когда съ увеличеніемъ сербской южной территоріи является еще большая необходимость южнаго торговаго пути, Сербія никакимъ образомъ не можетъ отказаться отъ вардарской долины и отъ вардарской желѣзной дороги... Не слѣдуетъ, однако, думать, что Сербія удерживаетъ за собою вардарскую долину только потому, что ей не дали выхода на Адриатическое море. Этотъ экономическій путь необходимъ для сербскихъ южныхъ владѣній и съ выходомъ на Адриатическое море и безъ него, и, что также важно, существенное значеніе онъ имѣетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ только для Сербіи... По отношенію къ сербской землѣ не трудно убѣдиться, что вардарская долина является продолженіемъ большого Моравскаго пути, соединяющаго Бѣлградъ со Скоплемъ. Морава-Вардаръ—это не только кратчайшее сообщеніе Бѣлграда съ Солунемъ, разрѣзывающее Балканскій полуостровъ поперекъ на двѣ части и соединяющее Эгейское море и Азію съ Европой, но, что еще важнѣе, это — рѣки, притягивающія къ себѣ экономическія блага цѣлой Сербіи...

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, точка зрѣнія проф. Цвіича, высказанная имъ въ 1906 году, а главное, обоснованная имъ

на извѣстныхъ геологическихъ данныхъ о географическомъ единствѣ Сербіи и Македоніи, объединенныхъ Мораво-вардарской коммуникаціонной линіей, подобно такой же коммуникаціонной линіи Искръ-Струма, объединяющей Болгарію съ Восточной Румеліей и Фракіей, эта точка зрѣнія вошла въ сознание широкихъ общественныхъ круговъ Сербіи и въ настоящій моментъ, повидимому, составляетъ одинъ изъ основныхъ элементовъ сербскаго національнаго кругозора. Я не знаю, высказывалась ли эта точка зрѣнія кѣмъ нибудь у сербовъ раньше профессора Цвѣича, впрочемъ это меня сейчасъ и не интересуетъ, но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что если до геологическихъ изысканій проф. Цвѣича кѣмъ либо и была высказана та же мысль, то несомнѣнно проф. Цвѣичу принадлежатъ заслуга обоснованія ея на прочныхъ, повидимому, научныхъ данныхъ, оказавшихся столь убѣдительными для сербскаго общественнаго мнѣнія и, можетъ быть, не кстати убѣдительными для политическихъ судебъ сербскаго народа, какъ они вообще мало убѣдительны для несербскаго читателя, ибо всѣмъ прекрасно извѣстно, что при современныхъ успѣхахъ техники и усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, съ одной стороны, и директивахъ всемогущаго капитала—съ другой, геологическія теории территоріальнаго единства смежныхъ областей не могутъ имѣть рѣшающаго политическаго значенія; напротивъ, чѣмъ болѣе онѣ убѣдительны, тѣмъ болѣе онѣ могутъ быть основаніемъ для политическихъ домогательствъ противника, ибо тѣмъ болѣе онѣ убѣждаютъ его въ политической цѣнности оспариваемой территоріи. Единство географическое и геологическое Добруджи съ Болгаріей не спасло первую отъ румынскихъ хищниковъ; безусловная геологическая пропасть между Россіей и Кавказомъ не помѣшала, однако, ихъ культурно-политическому объединенію. Такимъ образомъ, попытка обоснованія политическихъ домогательствъ на принципахъ геологіи, какъ бы эти принципы сами по себѣ и ни были правильны, не всегда можетъ быть убѣдительною. Еще менѣе она становится убѣдительною, когда вдругъ въ тяжеловѣстномъ аппаратѣ геолога оказывается скрытою самая примитивная націоналистическая дудка. И тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что въ цѣломъ Македонскомъ вопросѣ ссылка сербскихъ публицистовъ и ученыхъ на экономическую заинтересованность Сербіи въ обладаніи обоими берегами Вардара, вытекающую изъ особенностей географическаго положенія сербомакедонской территоріи, намъ представляется единственнымъ существ-

веннымъ, хотя и не безспорнымъ, доводомъ, на которомъ могла-бы настаивать Сербія въ обоснованіи своихъ политическихъ правъ на Македонію.

Насколько, однако, націоналистическія тенденціи оказываются доминирующими даже въ настроеніи такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ сербскій профессоръ Цвѣичъ, эволюція научныхъ этнографическихъ воззрѣній котораго подъ влияніемъ «этнографіи политической» прекрасно отмѣчена, между прочимъ, П. Н. Милюковымъ въ статьѣ «Сербскіе аргументы», напечатанной въ № 120 газ. «Рѣчь» за 1913 г. и проф. Л. Милетичемъ въ статьѣ: *La Science e 'la politique de l'Etat Serb* — въ *L'Echo de Bulgarie*, 1913 № 2. (ср., напримѣръ, этнографическую карту проф. Цвѣича, приложенную къ брошюрѣ: *L'annexion de la Bosnie et la question Serbe* 1912 г. съ его же позднѣйшею этнографическою картою Македоніи въ *Petermann's Mittheilungen*), объ этомъ, между прочимъ, могутъ свидѣтельствовать также: крикливая шовинистическая брошюра сербскаго профессора М. І. Андоновича: «*Македонски су словени Срби*» (Београд, 1913), претенціозная брошюра, отчасти нами уже цитированная, проф. А. Белича:—«*Сербы и Болгары въ Балканскомъ союзѣ*» (СПБ., 1913), брошюра Марко П. Цемовича: «*Македонски проблем и Македонци*» (Београд, 1913), брошюра Balkanicus-а: «*Срби и буари у балканскомъ рату*» (Београд, 1913) и др. А между тѣмъ, другихъ данныхъ, кромѣ того, что имѣется по македонскому вопросу у болгаръ и сербовъ, у насъ почти нѣтъ, и мы поневолѣ принуждены пользоваться этими данными, критически провѣряя ихъ непосредственнымъ знакомствомъ съ юго-славянскою жизнью, языкомъ и этнографіею и тѣми незначительными данными, которыя можно найти въ иностранной, не юго-славянской литературѣ по интересующему насъ вопросу. Идя такимъ, единственно возможнымъ въ настоящее время для насъ путемъ, мы надѣемся близко подойти къ всестороннему освѣщенію интересующаго насъ вопроса и помочь русскому читателю самому выяснитъ себѣ ту или иную точку зрѣнія на рѣшеніе сложной македонской проблемы.

II.

Сербская точка зрѣнія и сербскіе методы трактовки вопроса.

Сербскій профессоръ Андоновичъ въ названной выше книгѣ: «Македонски су словени Срби» (Београдъ, 1913), игнорируя самыя элементарныя общепризнанныя научныя истины, категорически утверждаетъ, что *въ теченіе VI в. сербскія племена заняли уже весь Балканскій полуостровъ, придя въ непосредственное соприкосновеніе съ греческой культурой и занявъ такимъ образомъ всю территорію бывшей Македоніи, что во время с.с. Кирилла и Меводія въ IX в. на языкъ этихъ илленно сербскихъ племенъ, а не на болгарское, была основана славянская письменность, что всѣ историки древняго міра, начиная съ Геродота, Діадора и т. д., утверждаютъ, будто всѣ области нынѣшней Македоніи издавна были заняты сербскими племенами, что Македонія—это въ сущности узкая полоса, сѣверную границу которой составляетъ линія Солунь—Охрида, а все, что къ сѣверу отъ этой линіи, есть Старая Сербія Милутина, Стефана Дечанскаго и Душана, что имя Македонецъ есть только географическое понятіе, а не имя народа, что до XV-го в. въ Македоніи и Старой Сербіи и не было никакого друаго народа, кроль Сербовъ, что, наконецъ, нѣтъ македонскаго вопроса, а есть только вопросъ сербскій и т. д., и т. д...*

О наукѣ здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Мало того, профессоръ университета, г. Андоновичъ не стѣсняется заведомой лжи, повторяя, напримѣръ, обычное еще у старыхъ сербскихъ шовинистовъ (Веселиновичъ и др.) утвержденіе, что болгарскія пѣсни изъ Македоніи бр. Миладиновыхъ, Верковича, Качановскаго, Чолакова и

т. д., и т. д. все это сербскія пѣсни, купленныя за деньги этили боларофилами и или же поболаренныя! Какой серьезный ученый сталъ бы говорить подобныя вещи, и кто изъ читателей г-на Андоновича могъ бы повѣрить этой выдумкѣ?

Извѣстно, что Македонскіе славяне обыкновенно называютъ себя «бугарами». Для г. Андоновича ничего не стоитъ утверждать, что *боларофилы платили мѣстнымъ властямъ деньги, чтобы они преслѣдовали сербовъ и заставляли ихъ говорить европейскимъ путешественникамъ, что они болары!*

И такава вся аргументація сербскаго профессора!

Вы приводите цѣлый рядъ именъ европейскихъ ученыхъ, несомнѣнно, крупныхъ ученыхъ или просто знатоковъ дѣла, которые на протяженіи цѣлаго столѣтія говорятъ вамъ о македонскихъ славянахъ, какъ о болгарахъ, и о ихъ языкѣ, какъ о болгарскомъ языкѣ, сербъ Беличъ съ сознаниемъ собственного достоинства однимъ несходительнымъ жестомъ отстраняетъ всѣхъ этихъ свидѣтелей по той простой причинѣ, что всѣ они или болгарофилы или просто невѣжи. При такихъ методахъ защиты своей идеи не можетъ быть, конечно, рѣчи ни о какомъ безпристрастіи, ни о какомъ разумномъ спорѣ, направленномъ къ выясненію правды.

Сербъ Цемовичъ категорически утверждаетъ: научныя данныя (?) не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно происхожденія и этнографіи македонскихъ славянъ: *македонскіе славяне несомнѣнно сербы, какъ и славяне во друихъ сербскихъ областяхъ* (стр. 23)— и затѣмъ подробно и очень хорошо говоритъ о томъ, какое огромное значеніе и какую важнѣйшую роль суждено играть Сербіи въ политическихъ судьбахъ всего славянства въ качествѣ могучаго оплота противъ разрушительныхъ тенденцій германизма, но въ подтвержденіе своихъ словъ сообщаетъ слѣдующія статистическія данныя:

1. Сербо-хорватовъ 10,000,000
2. Поляковъ 9,000,000
3. Болгаръ 4,500,000

Сравнимъ, однако, эти данныя съ общеизвѣстными данными проф. Флоринскаго (1906) и проф. Нидерле (1908) и мы увидимъ:

а) у Флоринскаго:

1. Сербо-хорватовъ	9,135,000
2. Поляковъ	19,135,000
3. Болгарь	5,440,000

б) у Нидерле:

1. Сербо-хорватовъ	8,550,000
2. Поляковъ	17,500,000
3. Болгарь	5,000,000

Проф. Цвѣичъ когда то, очевидно, по своей неосторожности, утверждалъ, что македонскіе славяне не сербы и не болгары. Г. Цемовичъ уличаетъ Цвѣича въ грубѣйшей ошибкѣ, а проф. Андоновичъ идетъ еще дальше и ставитъ вопросъ ребромъ: имѣетъ ли право сербскій ученый, заявившій, что македонскіе славяне не сербы, занимать кафедру въ сербскомъ университетѣ?... Дальше этого итти некуда, и мы безусловно легко можемъ представить себѣ, что творятъ сейчасъ въ Македоніи эти г.г. Андоновичи надъ тѣми, кто дерзнетъ сказать о себѣ, что онъ не сербъ, а болгаринъ!

Г. Цемовичъ возражаетъ, между прочимъ, болгарскому проф. Иширкову, автору прекраснаго изслѣдованія: *Etude ethnographique sur les slaves de Macedoine* (Paris, 1908) — и безъ стѣсненія искажаетъ французскій текстъ оригинала, передавая его по сербски. Такъ, напр., проф. Иширковъ говоритъ: *Le nom de Macédoine ne devient synonyme de partie de toute la Patrie bulgare, que lorsque nous parlons de cette «Bulgarie tout entière», dont les bornes ont été tracées à San Stefano...* Г. Цемовичъ передаетъ этотъ текстъ такъ: Македонѣ ја синоним бугарске отачбине, кад говоримо о целој Бугарској и т. д. Проф. Иширковъ констатируетъ любопытный фактъ, характеризующій собою настроеніе болгарскаго общественнаго мнѣнія, говоря: *Maintenant que ce nom glorieux désigne une contrée de la Turquie d'Europe, dont les limites ont été tracées avec le sang de tant de Bulgares de Macedoine, et que la tendance de la commission du Contrôl international en Macédoine à faire de cette malheureuse contrée une chos à part, une chose isolée, s'aperçoit très clairement, le nom de Macédoine nous est devenu plus cher encore...* Эту цитату г. Цемовичъ передаетъ такими сло-

вами: *Sad ovo slavno ime oznacuje jedan predeo Evropske Turске, чије су границе оцртане крвљу толиких македонских синова*—и находя, что изложенное выше сужденіе про ф. Иширкова — «*на велику жалост лишено сваке научности*» (1), не желаетъ на немъ останавливаться подробнѣе и идетъ дальше. Санъ-Стефанская Болгарія, созданная кровью русскихъ братьевъ, для г. Цемовича, такъ же, какъ и для г.г. Беличей, Андоновичей et tutti quanti,—это наивная политическая иллюзія, патетизмъ, не имѣющій никакой цѣны, ибо въ немъ нѣтъ—«везе с научнимъ истраживаньемъ истине»...

Проф. Цвѣичъ утверждаетъ, что имя «болгаринъ», которымъ обыкновенно называютъ себя македонцы, не этнографическаго характера и не означаетъ этническаго Болгарина. Болгарскій проф. Иширковъ доказываетъ, что единство политической жизни, единство литературнаго и церковнаго языка, единство исторіи создали въ теченіе четырехъ вѣковъ въ предѣлахъ Болгаріи, Фракіи и Македоніи одинъ народъ, который назыв. болгарскимъ народомъ, одну землю, которая называется болгарской землей, Болгаріей. Возражая проф. Иширкову, г. Цемовичъ, пользуясь историческими данными извѣстнаго изслѣдованія о Македоніи академика Кондакова, т. е. тѣми данными, которыя въ изслѣдованіи акад. Кондакова представляютъ наименьшій интересъ и въ которыхъ акад. Кондаковъ, можетъ быть, наименѣе компетентенъ, г. Цемовичъ утверждаетъ, что въ концѣ VIII в. Македонія была населена славянами, которые не имѣли ничего общаго съ кочевымъ болгарскимъ племенемъ, и затѣмъ путемъ хитроумно построеннаго разсужденія, явно разсчитаннаго на незнакомство читателя съ древнѣйшею исторіей южнаго славянства, исходя изъ факта, что *болгары, какъ неславянскій народъ* (sic!), никогда не были на нынѣшнемъ славянскомъ югѣ, утверждаетъ, что первыя славянскія передвиженія и первыя славянскія вторженія въ Македонію несомнѣнно были вторженія сербо-хорватской группы славянскаго племени (?), что языкъ старо-славянскій и культура славянъ IX-го в. это, собственно, культура той группы славянскаго племени, которая занимала тогда Македонію (читай: сербо-хорв. группы!), что физическій типъ болгарина не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ славянскихъ народовъ—это типъ монгольской расы (1). Въ концѣ IX в., говоритъ онъ, возникаетъ новая группировка юго-славянскихъ племенъ и новая славяно-болгарская народность; живя въ теченіе вѣковъ бокъ о бокъ со славянами, болгары постепенно осла-

явились, при чемъ: *этотъ процессъ этнической ассимиляціи не завершенъ еще и до настоящаго времени (!?)*; въ частности же въ X в. болгары не представляли еще собою составной части балканскихъ славянъ, а между тѣмъ въ это время уже существовала славянская Македонія, причемъ, согласно съ историческими данными, жизнь македонскихъ славянъ политически была связана съ Болгаріей нѣсколько болѣе полустолѣтія: съ начала X в. и до 971 года (!). Г-ну Цемовичу очень не нравится утвержденіе академика Кондакова о несомнѣнно родственныхъ связяхъ Македоніи съ Болгаріей, выразившихся, между прочимъ, въ утвержденіи въ Македоніи болгарской династіи Шишмановичей, а также и другое утвержденіе акад. Кондакова, что Македонія въ это время заселилась славянами—выходцами изъ Болгаріи. Возраженія г. Цемовича по этимъ пунктамъ лишены, однако, какихъ либо оснований и представляютъ собою только личный домыселъ автора. Тотъ же 971 г., съ точки зрѣнія автора, имѣлъ въ исторіи юго-славянскихъ отношеній рѣшающее значеніе не только въ смыслѣ окончательнаго размежеванія Болгаріи и Сербіи, но также и въ томъ смыслѣ, что съ этого момента восточно-македонскія племена окончательно объединились съ другими племенами, вошедшими въ составъ сербской народности, и затѣмъ послѣ 971 года вплоть до настоящаго времени Македонія ни на одинъ моментъ не оставалась внѣ другихъ сербскихъ областей, утративъ въ концѣ XIV-го вѣка вмѣстѣ съ Сербіей же свою политическую независимость. Что касается болгарскаго вліянія въ Македоніи, то, по мнѣнію автора, оно ведетъ свое начало только лишь съ 1870 года. Г. Цемовичъ, наконецъ, глубоко убѣжденъ въ томъ, что народная поэзія македонскихъ славянъ образуетъ собой часть обще-сербской поэзіи и что въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи македонцы образуютъ одно цѣлое съ другими частями сербскаго народа. Въ частности, относительно діалектологическихъ изысканій г. Белича, авторъ находитъ, что проф. Беличъ не достаточно знакомъ съ македонскими говорами, и что всякій добросовѣстный филологъ, который основательно изучилъ бы македонскіе говоры, пошелъ бы гораздо дальше Белича въ утвержденіи, что македонскіе говоры—говоры именно сербскаго языка.

Конечно, было бы большою ошибкою искать какой либо научности во всѣхъ этихъ упражненіяхъ по македонскому вопросу: всѣ они, повторяю, искусно разсчитаны на то, чтобы оказать извѣстное дав-

ление на общее настроеніе мало освѣдомленной въ специальныхъ вопросахъ читающей массы и вызвать въ ней извѣстную алармистскую реакцію. Насколько, однако, разжиганіе алармистскихъ страстей въ толпѣ по адресу сосѣдней, родственной по крови, націи входитъ въ сферу научной дѣятельности и согласно съ общимъ духомъ науки, на этотъ вопросъ отвѣчать я не стану.

III.

Заселеніе Балканскаго полуострова славянами.

Въ эпоху классической древности, задолго еще до Рожд. Хр. Балканскій полуостровъ былъ заселенъ многочисленными племенами трехъ народностей: еракійцевъ, иллирійцевъ и македоно-эпиротянъ. Самымъ многочисленнымъ изъ этихъ племенъ были еракійцы, занимавшіе восточную половину полуострова. Геты, кробизы, трибаллы, мизы, сатры, виссы или биссы, адризы, сапаи, неропы, киконы и т. д.—вотъ нѣкоторыя изъ этихъ еракійскихъ племенъ. На такія же отдѣльныя племенные группы дѣлились иллирійцы, жившіе къ западу отъ еракійцевъ, и македоно-эпироты, жившіе въ Эпирѣ и горной Македоніи по верховьямъ рр. Быстрицы, Карашмака. Дѣвола и въ окрестностяхъ Охридскаго, Преспанскаго и Костурскаго озеръ. Нѣсколько позже, въ римскую эпоху, съ начала III-го в. до Р. Хр. на Балканскомъ полуостровѣ появляется кельтское племя скордисковъ; еще позже, въ началѣ II-го в. до Р. Хр., нѣмецкое племя бастрановъ и нѣкоторыя племена скиескія и сарматскія. (См. *М. С. Дриновъ*: Заселеніе Балканскаго полуострова славянами, Соч., т. I; *Niederle*: *Slovanské starožitnosti*, D. II).

Таковъ былъ этнографическій составъ населенія Балканскаго полуострова въ древнѣйшее время по даннымъ классическихъ писателей. Слѣды этого древнѣйшаго населенія сохраняются на Балканскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ; такъ, напр., въ албанскомъ племени геговъ современная наука склонна видѣть представителей древнихъ иллировъ, въ другомъ же албанскомъ племени—тосковъ представителей древнихъ македоно-эпиротянъ, что въ свою очередь ука-

зываетъ на извѣстную родственную связь между иллирами и македо-эпиротами; съ другой стороны, имѣются также данныя, указывающія на родственныя связи и древнихъ еракійцевъ съ иллирами. Съ III-го в. до Р. Хр. Балканскій полуостровъ постепенно начинаетъ переходить во власть римлянъ. Новые завоеватели, естественно, встрѣчаютъ въ мѣстномъ населеніи сильный отпоръ своимъ домогательствамъ, но силою огня и меча утверждаютъ здѣсь свое господство, превращая густо населенныя области въ пустыню и расчищая такимъ образомъ почву для новыхъ насельниковъ, которые дѣйствительно и не замедлили явиться на полуостровъ съ сѣвера.

Въ общемъ, ни исторія, ни лингвистика не представляютъ намъ никакихъ данныхъ, которыя давали бы основаніе предполагать, что славяне на Балканскомъ полуостровѣ являются древнѣйшимъ, исконнымъ населеніемъ полуострова, извѣстнымъ чуть ли не Геродоту, жившему за 5 вѣковъ до Р. Хр., какъ это склонны утверждать нѣкоторые авторы, говоря даже не о славянахъ вообще, а просто о сербахъ, извѣстныхъ яко бы Геродоту.

Въ средніе вѣка, между прочимъ, существовала тенденція давать новымъ пришельцамъ на территоріи античнаго міра имена болѣе древнихъ народовъ, хотя бы даже сошедшихъ уже съ исторической сцены, но извѣстныхъ изъ литературныхъ источниковъ. Такъ, напр., позднѣйшіе готы, аланы, геты, даки, гунны и пр. нерѣдко назывались скивами только потому, что они являлись на территорію римской имперіи изъ областей древней Скивіи; такъ же точно и славяне VI—VII ст. часто назывались гетами, а въ IX ст. готами. Иногда такое приуроченіе дѣлалось безъ всякой мысли, но иногда оно являлось и результатомъ извѣстной опредѣленной тенденціи. Такъ, между прочимъ, въ XIII в., если не раньше, въ клерикальныхъ интересахъ иллиры были объявлены славянами, чтобы доказать, что христіанство было принесено южнымъ славянамъ непосредственно самимъ апостоломъ Павломъ, откуда затѣмъ съ несомнѣнностью дѣлался выводъ, что славяне въ эпоху дѣятельности св. апостоловъ уже жили на Балканскомъ полуостровѣ и что они тождественны съ иллирійцами. Такое отождествленіе славянъ съ иллирійцами имѣется, напримѣръ, у кievскаго лѣтописца и затѣмъ оно же повторяется какъ у русскихъ такъ и у иностранныхъ писателей вплоть до начала XIX в., когда этотъ вопросъ уже вступилъ въ фазу научно-критическаго изученія источниковъ, которые, какъ оказалось, вплоть до VI ст.

послѣ Р. Хр. ничего не говорятъ о славянахъ на полуостровѣ. Начало же массоваго движенія славянъ на югъ къ среднему и нижнему Дунаю и отсюда далѣе вглубь полуострова по ту сторону Дуная, согласно съ документальными данными, должно быть отнесено только лишь къ концу V-го ст. послѣ Р. Хр., хотя частичныя поселенія славянъ на полуостровѣ, надо полагать, имѣли мѣсто и раньше, по крайней мѣрѣ, начиная съ V-го в. послѣ Р. Хр., когда они являлись на полуостровѣ въ составѣ другихъ народностей въ родѣ: костобокъ, языговъ, даковъ, аланъ, сарматовъ, готовъ, гунновъ и т. д. Къ концу же VII в. послѣ Р. Х. весь Балканскій полуостровъ уже былъ занятъ осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ. Но первыя безспорныя свидѣтельства о славянскомъ движеніи за Дунай, повторяемъ, относятся только къ началу VI-го ст. послѣ Р. Хр., при чемъ у всѣхъ современныхъ византійскихъ историковъ господствуетъ представление о славянахъ, появившихся на полуостровѣ въ VI—VII ст., какъ о новыхъ пришлыхъ поселенцахъ, появившихся изъ за дунайскихъ областей (*L. Niederte: Slov. Starožitnosti, dil II, svaz I, стр. 180 и сл.*).

Уже въ началѣ VI-го ст. при византійскомъ императорѣ Юстинѣ I (518—527) славянскія вторженія распространились на Македонію, Фессалію и Эпиръ. Съ 527 г. славянскія вторженія становятся все болѣе частыми и настойчивыми. Въ 547 г. славяне уже дошли до Эпидамна (Диррахіумъ—Дураццо); къ 548—549 гг. относится вторженіе 6000 славянъ въ Сѣверную Италію; въ 549 г. славяне появились по ту сторону Родопскихъ горъ въ области рѣки Месты. Въ 550 г. новая орда славянъ перешла Дунай, направляясь къ Нишу, чтобы оттуда двинуться на Солунь; однако, угрожаемые въ Сардикѣ (Софія) византійскимъ императоромъ, они направились въ Иллирію и сѣверную Далмацію. Къ концу VI-го в. (578—589) относится новое сильное вторженіе славянъ на византійскую территорію, причемъ на этотъ разъ славяне заняли не только Фракію и Македонію, но и распространились далѣе на югъ по всей Греціи.

Такъ путемъ періодическихъ частичныхъ вторженій отдѣльныхъ славянскихъ ордъ Балканскій полуостровъ ко второй половинѣ VII-го вѣка былъ уже сплошь занятъ славянскими племенами, не объединенными пока еще въ одно національное политическое цѣлое и жившими каждое въ отдѣльности своими родами независимо другъ отъ друга. Когда, между прочимъ, по свидѣтельству византійскаго писателя Теофана, въ VII вѣкѣ черезъ Дунай перешли болгары подъ

предводительствомъ Испериха (Аспаруха) и овладѣли Мизіей, они подчинили здѣсь себѣ семь—какихъ, въ точности неизвѣстно—славянскихъ племень.

Всѣ имѣющіяся сейчасъ въ нашемъ распоряженіи данныя о заселеніи Балканскаго полуострова славянами основываются на извѣстныхъ показаніяхъ греческихъ и римскихъ историковъ, начиная съ византійскаго историка Прокопія и латинскаго Юрдана. Къ числу историковъ болѣе поздняго времени, у которыхъ имѣются данныя о южныхъ славянахъ, принадлежитъ, между прочимъ, византійскій императоръ Константинъ Порфирородный (912—959). Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, посвященномъ обзору областей и населенія имперіи, вѣнценосный авторъ между прочимъ говоритъ о происхожденіи Хорватовъ и Сербовъ. По его свидѣтельству, одинъ изъ хорватскихъ родовъ, отдѣлившись подъ предводительствомъ пяти братьевъ и двухъ сестеръ отъ племени бѣлохорватовъ, прибылъ въ Далмацію, которая въ это время была занята аvarами, покорилъ аvarовъ и подчинилъ ихъ своей власти. Отъ этихъ далматскихъ хорватовъ въ свою очередь отдѣлилась затѣмъ новая часть и заняла Иллирикъ и Паннонію, имѣя собственнаго верховнаго повелителя, сохранявшаго дружественныя связи съ повелителемъ хорватовъ. Что касается имени хорваты, то Константинъ Порфирородный его толкуетъ въ смыслѣ—властители большихъ земель (*οἱ τῶν πολλῶν χωρῶν κατέχοντες*).

О сербахъ императоръ Константинъ говоритъ слѣдующее: сербы ведутъ свое начало отъ необращенныхъ въ христіанство бѣлыхъ сербовъ, жившихъ въ мѣстности Бойки въ сосѣдствѣ съ франками и великими или бѣлыми хорватами. Одинъ изъ братьевъ правителей съ половиною своего народа обратился къ императору Ираклію съ просьбою отвести имъ мѣсто для поселенія, и онъ назначилъ имъ для этой цѣли мѣстность *τα Σερβία* въ солунскомъ округѣ, сохранившую свое названіе и до сихъ поръ; имя сербы по латыни значитъ рабы: такъ они были названы потому, что, подчинившись императору, стали какъ бы его слугами. Но когда эти сербы перешли черезъ Дунай, они стали просить императора предоставить имъ другую какую либо мѣстность для поселенія, а такъ какъ нынѣшняя Сербія, Паганія, такъ называемая Захлумія (*Ζαχλομίαν χωρῶν*), Требунія и земля Каналитовъ находилась во владеніи римскаго императора и были обезлюжены аvarами, то императоръ и поселилъ въ этихъ областяхъ сербовъ...

Это свидѣтельство императора Константина вызвало въ недавнее

время огромную специальную литературу, посвященную изслѣдованію вопросовъ, откуда въ дѣйствительности явились на Балканскомъ полуостровѣ сербо-хорваты, когда они явились, и гдѣ находились Бѣлая Сербія и Хорватія, которыя указаны Константиномъ, какъ прародина позднѣйшихъ сербо-хорватовъ. Въ связи съ этимъ показаніемъ императора Константина созданъ цѣлый рядъ теорій и, между прочимъ, теорія о Великой Хорватіи или Великой Сербіи, которая лежала гдѣ то къ сѣверу отъ Карпатъ въ области между рр. Одеромъ и Днѣпромъ, откуда, предполагалось, въ VII в., во время императора Геракла, между 630—640 гг. и вышли хорваты и сербы. Эта теорія древнѣйшаго распространенія славянскаго племени, основанная на авторитетномъ показаніи византійскаго императора, оказала свое вліяніе и на постановку другихъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ славянства. Такъ, напр., знаменитый славянинъ Копитаръ стоялъ на точкѣ зрѣнія первоначальнаго единства языка южныхъ славянъ, начиная отъ Тироля и до Чернаго моря, разбившагося затѣмъ, въ связи съ появленіемъ въ VII в. въ западной области этого единства сербо-хорватовъ, на двѣ половины: западную, — словинскую, и восточную, изъ которой образовались болгары. На этой же точкѣ зрѣнія о позднѣйшемъ, сравнительно съ другимъ славянскимъ населеніемъ полуострова, приходѣ сюда сербовъ стоялъ въ 70-хъ годахъ знаменитый славистъ Миклошичъ. Однако, уже съ 60-хъ годовъ, по почину хорватскаго ученаго Рачкаго, начинается критическое отношеніе къ показанію византійскаго императора, на каковую точку зрѣнія, кромѣ Рачкаго, стали академикъ Ягичъ (Archiv f. Sl. Philologie, VI, VIII и особенно XVII) и покойный ученный Облакъ, выдвинувшіе принятую въ настоящее время въ наукѣ теорію о единствѣ всѣхъ юго-славянскихъ нарѣчій. Такъ, напр., проф. Ягичъ, изслѣдуя взаимное отношеніе всѣхъ юго-славянскихъ нарѣчій, пришелъ къ убѣжденію, что между сербо-хорватскими и словинскими діалектами — съ одной стороны, и болгарскими — съ другой, нѣтъ и не было никогда такой рѣзкой пропасти, на основаніи которой можно было бы предполагать о какомъ либо разрывѣ стараго, Копитарова или Миклошичева, словинско-болгарскаго этнографическаго и языковаго пояса какимъ либо чужимъ, врѣзавшимся въ него позднѣйшимъ клиномъ; естественныя точки языковаго соприкосновенія и переходы отъ одного діалекта къ другому на этой территоріи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, убѣждаютъ, напротивъ, насъ въ томъ, что сербо-хорваты не

выступают между словинцами и болгарами как элементъ чужой, явившійся позже, но представляются элементомъ, издавна находившимся и органически развившимся на своихъ настоящихъ мѣстахъ поселенія между этими двумя крайними элементами и въ тѣсной съ ними связи.

Это авторитетное свидѣтельство академика Ягича, въ тѣсной связи съ данными историческими, окончательно убѣдило изслѣдователей въ томъ, что свидѣтельство императора Константина о позднѣйшемъ (въ VII в.) приходѣ на полуостровъ хорватовъ и сербовъ страдаетъ нѣкоторой неточностью, а потому и не можетъ имѣть характера научной достовѣрности. Какъ могла возникнуть у Константина историческая справка о происхожденіи хорватовъ и сербовъ, акад. Ягичъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Ich glaube, говоритъ онъ: es lässt sich ganz gut folgende Vermuthung hören. Die Byzantiner hatten lange Zeit noch nach der Occupation Dalmatiens durch die Slaven ihre Statthalter in den Städten Dalmatiens. Diese oder einer von diesen mag gelegentlich in nähere Beziehungen zu einem von den vornehmeren, vielleicht der herrschenden Familie angehörenden Kroaten getreten sein und sich von diesem über die Provenienz ihrer Herrschaft erzählen lassen. Herrschende und vornehme Familien wahren genealogische Traditionen viel länger als das gemeine Volk, ja sie schmücken sie gern noch aus. So mag denn jener Mann dem Byzantiner davon erzählt haben, dass die Kroaten aus einem nördlichen Land stammen,— das war auch richtige Erinnerung, insofern ja alle «Slovenen» (also auch der darunter begriffene Stamm der Kroaten) aus dem europäischen Nordosten über die Donau gekommen waren, wo natürlich alles grossartiger war. Const. Porphyр. suchte diese dunkle Erinnerung mit seinem historischen Wissen nach Möglichkeit in Einklang zu bringen.. См. V. Jagic: Ein Kapitel aus der Geschichte der Südslavischen Sprachen (Arch. XVII, стр. 59); также у L. Niederle, Slov. Starož. d. II, sv. I, стр. 258, 261, 275—277.

По моему мнѣнію, говоритъ Ягичъ, вполне приемлемо слѣдующее предположеніе. У византийцевъ, еще много лѣтъ спустя послѣ занятія Далмаціи Славянами, въ городахъ оставались свои намѣстники. Возможно, что эти намѣстники, или одинъ изъ нихъ, входили въ болѣе близкія связи и сношенія съ знатнѣйшими представителями царствующаго хорватскаго рода, и тѣ имъ рассказали о началѣ и прошломъ.

ихъ господства. Владѣтельныя и знатныя семьи обыкновенно относятся къ своей генеалогіи съ несравненно большимъ почитаніемъ, нежели простой народъ, и склонны даже приукрашать свои генеалогическія традиціи. Вполнѣ возможно, что такой именно субъектъ и разсказалъ византійцу, что хорваты пришли сюда съ сѣвера,—какое сообщеніе покоилось на совершенно правильной исторической реминисценціи, ибо всѣ славяне, а слѣдовательно и родъ хорватовъ, выйдя изъ европейскаго сѣверо-востока, перешли черезъ р. Дунай,—а тамъ на сѣверѣ, естественно, все носило болѣе пышный характеръ. Константинъ Порфирородный старался подобное туманное воспоминаніе согласовать по возможности со своими историческими знаніями...

Для акад. Ягча не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что славяне, извѣстные со времени Константина и вплоть до настоящаго дня подъ именемъ хорватовъ и сербовъ, входили въ качествѣ составной части въ тотъ могучій славянскій потокъ, который, начиная съ VI в., постепенно распространился на огромную территорию и придалъ ей постепенно новую этнографическую фizioномію, при чемъ спеціальныя этническія племенные названія хорватовъ и сербовъ, входившихъ въ составъ общей славянской массы, выдвинулись надъ общеплеменнымъ названіемъ только лишь постепенно, образуя собою какъ бы политически кристаллизационную силу и не опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ еще, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, этнографическаго противоположенія какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ общему этническому названію племени, которое съ начала VI-го ст. у византійцевъ извѣстно просто подъ именемъ—*славяне*. Сосредоточивавшаяся постепенно въ рукахъ этихъ двухъ изъ множества другихъ славянскихъ племень политическая роль и вліяніе выдвинули ихъ, какъ центры, вокругъ которыхъ стали политически группироваться другія родственныя группы, забывая постепенно свое индивидуальное племенное имя и принимая на себя имя политически господствующей группы или племени. Такимъ образомъ, племенные политическія вначалѣ названія получали впоследствии болѣе широкій этнографическій характеръ. Начавшись еще въ VII в., этотъ процессъ этническо-политической кристаллизаціи группы славянскихъ племень, къ X-му вѣку уже былъ совершившимся фактомъ. Но это не значитъ еще, что въ X-мъ в. въ западной части Балканскаго полуострова уже не было другихъ славянскихъ племень, кромѣ хорватовъ и сербовъ. Конечно, эти племена были, и не только были, сохраняя вполнѣ свою

этническую самобытность, но и долгое время уже и послѣ частичнаго политическаго объединенія вокругъ, напр., сербскаго племени, продолжали играть роль центробѣжной силы, нерѣдко разрушавшей налаживавшееся национально-политическое объединеніе отдѣльныхъ племенъ вокругъ того или другого, по тѣмъ или инымъ причинамъ выдвинувшагося или господствующаго племени.

...Vielmehr sind die Kroaten und Serben, говоритъ проф. Ягичъ, in jener grossen Völkerwanderung der Slovenen, welche das VI Jahrh. ausfüllte und zu anfang des VII zum Abschluss kam, einbegriffen; die beiden Specialnamen tauchten in der Mitte der allgemeineren ethnischen Bezeichnung erst allmählich aus, sie bildeten Crystallisationspunkte der politischen Macht, ohne wenigstens anfänglich ethnische Gegensätze zu einander oder zur allgemeineren Benennung zu enthalten. Die Slovenen selbst des VI—VII Jahrh. bildeten noch keineswegs eine ethnische oder sprachliche Einheit selbst wenn man die Kroaten und Serben ausschliessen wollte, was unrichtig wäre. In der grossen sprachlichen Verwandtschaft der stufenweise aufeinander gereihten Dialecte aller jener Slovenen waren ausreichende Bedingungen selbst zur Bildung einer einheitlichen Literatursprache geboten, wenn das politisch-religiöse Leben zu einer solchen Einheit disponirt hätte (Arch. f. Sl. Philologie, XVII, стр. 85).

...Скорѣе всего хорваты и сербы входятъ въ тотъ великій потокъ нередныхъ движеній славянъ, который заполнялъ собою VI ст. и окончился въ началѣ VII-го ст.; эти специальныя ихъ названія появились лишь постепенно, образуя въ своемъ родѣ кристаллизационные пункты политическаго могущества и не держа въ себѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, никакой этнической противоположности другъ къ другу или къ общему названію славянъ. Сами вообще славяне въ VI—VII в. не представляли еще собою какого либо этническаго или лингвистическаго единства, если бы даже мы и выдѣлили изъ общей ихъ массы группу хорватовъ и сербовъ, каковое выдѣленіе, во всякомъ случаѣ, было бы ошибкой. Въ близкомъ языковомъ родствѣ всѣхъ ступенеобразно идущихъ другъ къ другу діалектовъ всѣхъ тогдашнихъ славянъ имѣлись налицо достаточныя условія для созданія единого литературнаго языка,—если бы, конечно, политическая и религіозная жизнь способствовала созданію такого единства.

Es unterliegt wohl nicht dem geringsten Zweifel, говоритъ проф. Ягчъ нѣсколькими строками выше, dass diejenigen Slaven, die seit Constantin's Zeiten bis auf den heutigen Tag den Namen Kroaten und Serben führen, in dem gewaltigen Strome mit enthalten waren.

der sich seit der zweiten Hälfte des VI Jahrh. langsam über die Donau—Haemus,—Adria—und Alpenländer ergoss und diesem ausgedehnten Gebiete allmählich einen neuen ethnischen Charakter aufdrückte. Dass die später, im X Jahrh., schon sehr bekant gewordenen Specialnamen Kroaten, Serben weder zur Zeit eines Procopius und Iornandes, noch bei den späteren Byzantinern, aber vor Constantin Porphyrogenitus, genannt werden—aus diesem stillschweigenden etwas schliessen zu wollen, das es vor der von Const. Porphyrogenitus angegebenen Zeit, auf der Halbinsel keine Kroaten und Serben sich nennende Slaven («Slovenen») gegeben habe.

V. Jagic: Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen, Arch. XVII, стр. 54—55.

Не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, что славяне, носящiе со времени Константина до настоящаго дня имя Хорватовъ и Сербовъ, также входили въ составъ того огромнаго потока, который со второй половины VI ст. распространился черезъ Дунай по Балканскому полуострову; Адриатикѣ и Альпамъ, придавая этой обширной области постепенно совершенно новый этнический характеръ.

Никоимъ образомъ нельзя заключать, что до Константина Порф.—на полуостровѣ не было славянъ, носившихъ названіе Хорватовъ и Сербовъ изъ того факта, что эти специальныя названія, получившія въ X ст. такое широкое распространеніе, не называются ни въ эпоху Прокопія, Иорнанда, ни у позднѣйшихъ византийцевъ.

Что же касается вообще племеннаго состава славянскаго населенія полуострова въ VII в., т. е. въ моментъ завершенія славянской колонизаціи, то современные историки, кромѣ семи неизвѣстныхъ по имени славянскихъ племенъ въ Мизіи, подпавшихъ подъ власть болгаръ, называютъ еще слѣдующія племена: сѣверяне—въ нынѣшней Добруджѣ, тимочане—по теченію рѣки Тимока, мораване—въ области рѣки Моравы, сербы—западнѣе мораванъ между р.р. Савою, Колубарою, Ибаромъ, Лимомъ и Дриной; босняки — къ западу отъ сербовъ, между рѣками Босною и Врбасъ; захумяне — къ юго-западу отъ босняковъ до р. Неретвы; травуняне и коновляне—на югъ отъ захумянъ до Котора; дукляне—на югъ отъ Котора къ Драчу (Дураццо); неречане или погане между р.р. Неретвой и Цетиной; хорваты—на сѣверъ отъ неречанъ.

Славянское населеніе Македоніи тоже распалось на рядъ отдѣльныхъ племенъ, въ родѣ берзитовъ, стримонцовъ, смолѣнъ, ринхиновъ, сагудатовъ, драговичей солунскихъ и драговичей еракійскихъ.

IV.

Образование славянской болгарской державы и древнѣйшій періодъ исторіи славянской болгарской народности.

Такимъ образомъ, въ концѣ VII в. по Р. Хр. Балканскій полуостровъ былъ уже занятъ славянскимъ племенемъ, извѣстнымъ у со-сѣдей подъ общимъ именемъ—*славяне* и распадавшимся на рядъ отдѣльныхъ этническихъ группъ или племенъ. Въ это же время въ сѣверо-восточной части полуострова, въ областяхъ Мизіи и Малой Скиѣи уже была организована, на основаніи договора, заключеннаго въ 679 г. между Аспарухомъ и Византійскимъ императоромъ Константиномъ IV Погонатомъ, территория Болгарскаго ханства, въ которую входила и территория семи славянскихъ племенъ *Это былъ первый моментъ въ исторіи территориально-политическаго объединенія южныхъ славянъ, и съ этого же момента начинается процессъ культурно-этнической ассимиляціи пришедшей орды болгаръ завоевателей съ славянскимъ населеніемъ занятой или территоріи.* При преемникѣ Аспаруха, Тервелѣ, получившемъ отъ Византіи титулъ кесаря, въ составъ Болгарскаго ханства вошла новая область—Загорія (Восточная Румелія). Въ 809 г. болгарскій князь Крумъ взялъ Сардику (Софія), т. е. расширилъ территорію болгарскаго ханства дадше на западъ и затѣмъ, разбивъ византійскаго императора Никифора, разграбилъ Фракію и Македонію. Въ 817 г. при болгарскомъ ханѣ Омортагѣ въ границы стараго Болгарскаго ханства входила область Премъ (Сирміймъ) между р.р. Савой и Дравой. Одинъ изъ преемниковъ Омортага, Пресіянъ, княжившій до 852 г., предпринялъ походъ въ область западныхъ Родоповъ (Македонія), подчинилъ здѣсь себѣ славянское племя—*смольнъ*, жившее по среднему теченію Месты, а при ея сѣнѣ Бористъ, въ связи съ значительнымъ расширеніемъ территоріи стараго болгарскаго ханства и политическимъ объединеніемъ цѣлаго ряда новыхъ славянскихъ племенъ, славянской элементъ получилъ уже полное преобладаніе какъ въ государственной такъ и въ частной жизни Болгаріи. Въ 865 г. Борисъ принялъ христіанство и сталъ его распространять среди своего славянскаго населенія на славянскомъ же языкѣ, что съ несомнѣнной очевидностью подтверждаетъ фактъ уже преобладающей въ это время

роли славянского элемента и его господства въ жизни болгарской державы. Всѣмъ извѣстна христіанская просвѣтительная дѣятельность этого равноапостольнаго болгарскаго князя; всѣмъ извѣстно, съ какою сердечностью онъ отнесся къ гонимымъ изъ Моравіи ученикамъ св. славянскихъ учителей, Кирилла и Меѳодія:—Клименту, Горазду, Науму, Саввѣ и Ангеларію, не только оказавъ имъ гостепріимство, но и назначивъ для каждаго изъ нихъ въ своихъ владѣніяхъ опредѣленную область учительской просвѣтительной дѣятельности, при чемъ *лѣтопись служенія для св. Климента была опредѣлена Кутличивица, находящаяся въ Охридской области въ Македоніи. Здѣсь же въ Македоніи протекла и вся дѣятельность эту первою болгарскою славянскою епископа*, скончавшагося при преемникѣ Бориса, знаменитомъ царѣ Симеонѣ въ 916 году и *погребеннаго въ Охридѣ же въ храмѣ монастыря св. Пантелеймона, построеннаго покойнымъ епископомъ въ царствованіе Симеона.*

При князѣ Борисѣ (IX в.) болгарскія владѣнія обнимали: Македонію, восточныя части нынѣшней Сербіи съ Бѣлградомъ и области нынѣшней Румыніи по лѣвой сторонѣ Дуная. Въ 888 г. Борисъ отрেকся отъ престола въ пользу своего сына Владимира, принявъ схиму и умеръ въ 907 г. Попытка Владимира возстановить язычество не имѣла успѣха, онъ былъ лишень своимъ отцомъ престола, и мѣсто его занялъ младшій братъ, Симеонъ—первый болгарскій царь (умеръ въ 927 г.). Судя по надписямъ, открытымъ во время раскопокъ у болгарской деревни Абобы, границы болгарской территоріи во время царя Симеона опредѣлялись слѣдующими пунктами: Родосто—на Мраморномъ морѣ, Эски-баба, Димотика, Виза, Люле-Бургасъ, Сизеболу, Месемврія, Сересъ и Скутари, т. е., проще говоря, при болгарскомъ царѣ Симеонѣ болгарскія владѣнія отъ береговъ Чернаго и Мраморнаго морей чрезъ городъ Сересъ шли вплоть до Адриатическаго побережья (Скутари), обнимая собою всю Фракію и Македонію.

При преемникѣ царя Симіона Петрѣ болгарское царство распалось на двѣ части: восточную и западную. Восточная часть осталась вѣрною старой династіи, а западная образовала самостоятельное государство, и во главѣ этого западно-болгарскаго царства сталъ царъ Шишманъ. При преемникѣ Петра, царѣ Борисѣ, восточно-болгарское царство подверглось нападенію со стороны русскаго князя Святослава. На выручку Болгаріи пришелъ византійскій императоръ Іоаннъ Цимис-

хий, но онъ не ограничился освобожденіемъ Болгаріи отъ русскаго владычества, а присоединилъ ее къ Византіи и уничтожилъ болгарское патріаршество. Такимъ образомъ, восточно-болгарское царство и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи оказалось подчиненнымъ Византіи. *Что касается западно-болгарскаго царства, то оно продолжало сохранять свою независимость: мало того, сюда же въ западно-болгарское царство, сначала въ Софію, а потомъ въ Охридъ, была перенесенъ и болгарскій патріаршій престолъ.*

Владычество грековъ въ восточной Болгаріи было, однако, весьма непродолжительнымъ, и уже въ 976 г. болгары возстали во главѣ съ Самуиломъ, который съ 980 г. становится во главѣ западно-болгарскаго царства, причемъ его резиденціями были сначала г. Водень въ южной Македоніи, затѣмъ г. Преспа — въ юго-западной Македоніи и г. Охрида. Онъ завоевалъ также Дураццо, Алессію, Дуклянскую землю, Травунію, Захумію, часть Босніи и Сербіи, въ 985 г. взялъ Нишъ, въ 989 г. взялъ крѣпость Веррею, (турецк. Караферію) и въ 991 г. началъ осаду Солуня, которая безъ успѣха тянулась въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ 996 г. Самуиль провозгласилъ себя царемъ. Такимъ образомъ, Самуиль возстановилъ Болгарію царя Симеона, но съ его смертью (14 сент. 1014 года) Болгарію преслѣдуютъ неудачи, и въ 1018 г. первое Болгарское царство, просуществовавъ 350 лѣтъ, прекращаетъ свое независимое существованіе, переходитъ во власть Византіи, и во главѣ ея становится византійскій наместникъ съ льстопребываніемъ въ столицѣ Болгаріи, Скопіе (Ускюбъ). Рядъ неудачныхъ болгарскихъ попытокъ къ возстанію завершается, наконецъ, утвержденіемъ въ Болгаріи съ 1186 г. двухъ предполагаемыхъ потомковъ прежнихъ болгарскихъ царей, Петра и Асѣня, а при одномъ изъ ихъ преемниковъ Іоаннѣ Асѣнѣ II (съ 1218) вся нынѣшняя Болгарія, Фракія съ Ардіанополемъ, Солунъ, почти вся Македонія (въ грамотѣ упоминается Прилѣпская область), Бѣлградъ, Нишъ, Кюстендиль стоставляли владѣніе болгаръ. Такимъ образомъ, заключаетъ историкъ, вся Европейская Турція (за исключеніемъ Константинополя), почти вся Сербія и вся Болгарія составляли сферу вліянія болгарскаго царя Асѣня. Ни одинъ изъ славянскихъ государей Балканскаго полуострова не собиралъ въ своихъ рукахъ такихъ обширныхъ владѣній, даже Стефанъ Душанъ не проникалъ такъ далеко на югъ (проф. А. Л. Погодинъ, *Исторія Болгаріи*, стр. 88—89).

Такимъ образомъ, свыше двухъ вѣковъ (IX—X) въ числѣ другихъ областей Македоніи входила въ составъ Болгаріи. Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что первоначальное политическое объединеніе родственныхъ славянскихъ племенъ на полуостровѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ этническаго и національнаго единства этихъ сгруппированныхъ въ одно политическое цѣлое племенъ. Болгары и Сербы на полуостровѣ ведутъ свое начало только съ момента образованія въ VII—VIII в. двухъ политическихъ центровъ, болгарскаго и сербскаго, до этого же момента о болгарахъ и сербахъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Славянскія племена превратились въ сербовъ съ того момента, когда одному изъ многочисленныхъ родственныхъ славянскихъ племенъ, именно сербскому, удалось создать извѣстную политическую организацию и привязать къ себѣ рядъ другихъ родственныхъ племенъ единствомъ культурно-политическихъ задачъ и интересовъ. Такъ же точно, съ другой стороны, и болгарскій народъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, ведетъ свое начало съ того момента, когда была создана впервые здѣсь болгарская политическая организациа, объединившая рядъ родственныхъ славянскихъ племенъ, которыя, утративъ свои племенные имена, стали называться именемъ ихъ политической организации—болгарами, и это имя съ теченіемъ времени сдѣлалось и именемъ извѣстной народности, т. е. получило въ послѣдствіи этнографическое значеніе. Слѣдовательно, въ частности и славянское населеніе Македоніи, входившей въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ въ составъ болгарскаго царства, естественно, наряду съ сохраняющимися здѣсь и до сихъ поръ племенными этническими названіями могло успѣть усвоить себѣ имя болгары, то именно имя, которымъ македонцы обыкновенно называютъ себя и по сей день...

Послѣ смерти Іоанна Асѣня II, въ 1241 году вновь Болгарія постепенно лишается большей части своихъ владѣній, которыя переходятъ во власть Византіи. Нападенія на Болгарію въ 1285 году ногайскихъ татаръ, столкновеніе Болгаръ въ 1330 году съ сербами, распадненіе Болгаріи въ 1365 г. на три самостоятельныхъ государства и вызванное этими событіями ослабленіе страны — ускорили общій политическій упадокъ Болгаріи и подготовили завоеваніе ея турками: въ 1371 году была завоевана Македонія, въ 1382 г. послѣ двухъ-

лѣтней осады пала Софія, въ 1389 году была завоевана турками Сербія, въ 1393 г. палъ Тырновъ, а въ 1396 г., вмѣстѣ съ завоеваніемъ Видина, и вся Болгарія на цѣлыхъ 480 л. прекратила свою самостоятельную политическую жизнь.

Этотъ бѣглый историческій очеркъ возникновенія и развитія Болгаріи за время съ VII по XIV вѣка убѣждаетъ насъ въ томъ, что *исторія Болгаріи представляетъ собою исторію національно-политическаго объединенія ряда родственныхъ славянскихъ племенъ, и что крупная роль въ дѣль этою объединенія принадлежала болгарамъ завоевателямъ, передавшимъ имъ своей національной политической организаціи конгломерату объединенныхъ или въ этой организаціи родственниковъ славянскихъ племенъ, для которыхъ политическое объединеніе было и начало объединенія національно-этнографическаго.* Что же касается дальнѣйшихъ этнографическихъ судьбъ орды болгаръ-завоевателей, то, подобно завоевателямъ-русамъ, объединившимъ восточно-славянскія племена въ одно политическое цѣлое и передавшимъ объединеннымъ ими восточнымъ славянскимъ племенамъ свое имя, и болгары-завоеватели въ теченіе первыхъ же двухъ столѣтій совмѣстной со славянами жизни растворились въ славянской массѣ, передавъ объединенной имъ части юго-славянскихъ племенъ свое имя.

Все это очень важно имѣть въ виду, очень важно усвоить себѣ, какъ элементарное положеніе, потому что и теперь еще въ широкихъ кругахъ русскаго общества, мало освѣдомленнаго вообще въ славянскихъ дѣлахъ, и даже, какъ мы видѣли выше, у ближайшихъ сосѣдей болгаръ—сербовъ господствуетъ убѣжденіе, что болгары это не славяне, а скорѣе всего, должно быть, татары или что-то въ этомъ родѣ, во всякомъ случаѣ не славяне или не чистые славяне, да и типъ у нихъ, говорятъ, неславянской...

Господа, стыдно! пора же, наконецъ, знать, что болгары не татары, а чистѣйшій славянской народъ, постольку же славяне, поскольку славяне и мы, русскіе, носящіе, какъ и болгары, имя своихъ былыхъ завоевателей — варяжскаго племени русь, и что, если въ VII—VIII в.в. въ этнической составъ поработенныхъ славянъ и вошелъ въ качествѣ составной части турецко-болгарскій элементъ, то онъ исчезъ уже на самой зарѣ политической жизни объединенныхъ славянскихъ племенъ, растворившись въ славянской крови, и объединенные имъ славяне уже съ конца IX-го в.

вышли на арену политической жизни творцами своихъ собственныхъ судьбъ. Какъ мы, восточные славяне, объединенные русами, не перестали быть славянами, перемѣнивъ имя своихъ поработителей и даже нерѣдко забывъ свое настоящее племенное имя—славяне, мало того: какъ мы, русскіе, не перестали быть славянами, воспринявъ въ себя въ качествѣ составныхъ элементовъ и варяговъ, и финновъ, и татаръ, и всевозможныхъ кочевниковъ, соприкасавшихся съ нами на югѣ, такъ не перестали быть славянами нынѣшніе болгары, назвавшіе себя именемъ своихъ завоевателей и впитавшіе въ себя не только кровь болгаръ — турокъ, но и множество другихъ элементовъ, въ разное время приходившихъ въ соприкосновеніе съ балканскимъ славянствомъ.

А между тѣмъ авторъ сербской книги, г. Це м о в и ч ъ, прекрасно, конечно, знакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, утверждаетъ, однако, въ весьма искусномъ хитросплетеніи словъ и мыслей, что физическій типъ болгарина не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ славянскихъ народовъ и представляетъ собою типъ монгольской расы (!), что, живя бокъ о бокъ со славянами, болгары постепенно ославянились, но что этотъ процессъ ассимиляціи не завершёнъ еще и до настоящаго дня (!), а въ X в. болгары, во всякомъ случаѣ, еще не представляли собою составной части балканскихъ славянъ, но въ это время уже существовала славянская Македонія и т. д. Если припомнить читатель, выше мы говорили о томъ, что съ X-ымъ вѣкомъ совпадаетъ въ Болгаріи эпоха царя Симеона, объединившаго въ своей державѣ славянскія племена отъ моря и до моря, въ томъ числѣ и племена славянской Македоніи. Сербъ Це м о в и ч ъ старается внушить своимъ наивнымъ сербскимъ читателямъ, что на балканскомъ полуостровѣ искони существуетъ двѣ стороны: болгары—монгольской расы и славяне, которые въ основномъ ядрѣ своемъ—сербы, и что исторія взаимнотношеній балканскихъ народностей есть не что иное, какъ исторія этихъ двухъ независимо и рядомъ другъ съ другомъ существующихъ и враждебныхъ другъ другу элементовъ, потому что для него совершенно ясно, что процессъ этнографической ассимиляціи болгаръ монгольской расы съ славянами не завершёнъ еще и до настоящаго времени (!) Тутъ ужъ, конечно, надо говорить не о невѣжествѣ автора, а о чемъ то иномъ, выходящемъ за предѣлы научныхъ споровъ и научнаго изысканія истины.

V.

Образование сербской державы и древнѣйшій періодъ исторіи сербской народности.

Обратимся теперь къ исторіи сербскаго народа и, пользуясь извѣстнымъ трудомъ сербскаго историка Ст. Станојевича — Исторія српскога народа (Београд 1908), остановимся на важнѣйшихъ моментахъ исторіи возникновенія на Балканскомъ полуостровѣ сербской державы и образования здѣсь сербской народности.

Прежде всего, сербскій историкъ констатируетъ фактъ, съ которымъ никакъ не могутъ согласиться его компатріоты, что сербы и другія, этнически родственныя имъ племена, принявшія въ послѣдствіи въ качествѣ своего національнаго имени имя сербскаго племени, пришли на полуостровъ въ массѣ другихъ славянскихъ племенъ изъ нынѣшней Венгріи (стр. 43 и сл.) и что въ концѣ VII в. изъ среды этихъ племенъ здѣсь стали постепенно политически выдвигаться два племени — хорваты и сербы. Такимъ образомъ, по мнѣнію сербскаго историка, къ VIII в., а можетъ быть даже и къ концу VII-го, относится начало процесса группировки балканскихъ славянскихъ племенъ около трехъ политическихъ центровъ, обусловливавшихъ собою и три центра этническихъ — болгары, сербы и хорваты.

У то доба (VI в.), говоритъ авторъ, почело је оно племе, које је носило српско име и које се било настанило негде измеду Ибра и Лима, да окупля око себе околна, врло сродна племена, која су у то доба још имала своја засебна племенска имена. На који начин и у каквим приликама се то претапање и стапање централног српског племена са околним племенима вршило, није познато, але се доста вероватноче може претпоставити, да је то првобитно и специфично српско племе, с једне стране, због згодног географског положаја, а с друге, својим физичким и интелектуалним способностима, доста брзо после доласка у нову постојбину почело окупљати око себе околна племена у свима правцима, и политички и културно подчинјавати их своим утицају, ма да ја-без сумње кадикад и само подлагало јачем утицају појединих племена у по гдеком правцу. (Стр. 48).

Такимъ образомъ, процессъ культурнаго и политическаго объединенія нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ сербскимъ племенемъ

сербскій историкъ относитъ къ VIII в., предположительно къ VII-му послѣ Р. Хр.; исконную территорію сербскаго племени указываетъ «негде измеджу Ибра и Лима», что же касается исходнаго момента этого процесса, то его причины историкъ остаются неизвѣстными, и онъ ихъ предположительно склоненъ видѣть, съ одной стороны, въ благопріятныхъ условіяхъ географическаго положенія племени, съ другой стороны, въ его физическихъ и интеллектуальныхъ особенностяхъ.

Этотъ процессъ культурно-политической ассимиляціи сербскимъ племенемъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ и борьба за преобладаніе имени сербскаго племени надъ именами другихъ племенъ представляется историкъ долговременнымъ и упорнымъ; и только въ концѣ VIII в. и въ началѣ IX-го, въ общемъ, полагаетъ онъ, эта послѣдняя борьба была рѣшена въ пользу сербскаго имени, при чемъ въ началѣ IX-го в. наряду съ сербскимъ племенемъ, уже успѣвшимъ расширить свои предѣлы путемъ поглощенія въ себя ряда сосѣднихъ родственныхъ племенъ, утратившихъ свои племенные названія, существовало еще много племенъ, сохранившихъ свою этническую независимость (стр. 49). Къ IX-му же вѣку уже относится и образованіе первой независимой сербской державы. Первая независимая сербская держава, однако, просуществовала недолго. Ослабленная междуусобными неурядицами, она подчинилась Византіи. Послѣ смерти византійскаго императора Василія I (886 г.) и вмѣстѣ съ вступленіемъ на болгарскій престолъ царя Симеона (893—927) начинается сильный упадокъ Византіи и, напротивъ, усиленіе Болгаріи, объединившей подъ своею властью почти всѣ земли полуострова, въ томъ числѣ и Сербію. Со смертью царя Симеона, при его преемникѣ Петрѣ (927—968) начинается, однако, какъ мы видѣли выше, упадокъ Болгаріи. Византія, по политическимъ соображеніямъ, имѣя въ виду противодѣйствіе болгарамъ, поддержала Сербію, и возобновленная около 932 г. Властимирова держава подъ управленіемъ Часлава, окрѣпла, объединила рядъ новыхъ славянскихъ племенъ и растянулась на территорію отъ рр. Савы и Дуная до Зеты, Бояны и Моравы.

Съ этого момента впервые на сцену обще-политической жизни выступаетъ сербскій народъ и сербская держава, внутри которой въ это же время происходитъ усиленный процессъ этнической и культурно-полити-

ческой нивелировки отдѣльныхъ славянскихъ племень подъ гегемоніей сербскаго имени и ростъ единого сербскаго національно-политическаго сознанія. Со смертью Часлава (около 960 г.) въ созданной имъ сербской державѣ *наступаетъ реакція противъ объединительной сербской политики, и отдѣльныя области одна за друую начинаютъ отдѣляться отъ центральной сербской области*, старая Сербія распадается на свои составныя части и съ завоеваніемъ въ концѣ X-го в. византійскимъ императоромъ области Рашки, этого стараго центра исконно-сербскаго племени, старая Сербія, т. е. Сербія Властимира, Мутимира и Часлава, какъ независимая держава, прекращаетъ свое существованіе, но взамѣнъ ея въ Приморьѣ, куда изъ Рашки укрылись представители сербской аристократіи, образовался новый центръ сербской культурно-политической жизни—сербская Зета или сербская Зетская держава.

Въ эпоху болгарской Самуиловой державы, т. е. въ началѣ XI-го в. Зета, входившая въ составъ болгарской державы, пользовалась автономіей. Съ паденіемъ болгарскаго царства зетскіе князья не могли, конечно, примириться съ мыслью объ утратѣ своей независимости, напротивъ, они стали принимать мѣры къ обезпеченію этой независимости, и когда со смертью византійскаго императора Василя II (1025) въ Византіи наступили неурядицы, этимъ воспользовался зетскій князь Воиславъ. а когда вмѣстѣ съ вступленіемъ на византійскій престолъ Константина IX (1042 — 1054) ему удалось побѣдить византійское войство, отправленное противъ него изъ Драча, то старыя «сербскія» области—Хлумъ, Боснія и Рашка признали его верховную власть. Такимъ образомъ, зетскій князь Воиславъ вновь объединилъ распавшіяся славянскія области, входившія въ составъ первой сербской державы, возродилъ сербское государство и поддержалъ объединеніе родственныхъ славянскихъ племень въ одну сербскую народность. Однако, замѣчаетъ сербскій историкъ, правленіе Воислава было слишкомъ кратковременнымъ для того чтобы *создать полное этническое, культурное и политическое сляніе отдѣльныхъ племенъ, потому что оставалось еще слишкомъ много разнородныхъ элементовъ, традицій племенной и областной независимости, династическихъ интересовъ*, которые съ особенною силой выдвинулись послѣ смерти Воислава (1050).

При его преемникѣ, Михаилѣ, одновременно съ хорватскимъ

владѣтелемъ, въ 1076 г. и Зета, какъ сербская держава, впервые получила королевскую корону отъ папы (Григорій VII), чѣмъ политическая независимость Зеты отъ Византии получила нормальную санкцію.

Преемникъ Михаила послѣ его смерти (1081) Бодинъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на Рашской области, какъ на исходномъ пунктѣ для дальнѣйшаго движенія въ византійскія владѣнія и прежде всего на Косово и въ Метохию (стр. 89). Послѣ одного удачнаго пораженія, нанесеннаго византійцамъ, рашскій жупанъ Вуканъ въ 1093 г. прошелъ до гг. Вранье и Скопье, разграбилъ эти мѣстности и возвратился обратно. Это была *первая попытка сербовъ* вступить на территорию Македоніи.

Бодинъ умеръ въ 1101 г. И на этотъ разъ сепаратистическія племенные тенденціи сыграли крупную роль. «После смрти Бодинове, говоритъ сербскій историкъ, чимъ се осетило да нема више снажне руке, која је могла да држи у чврстай заједници оне још увек хетерогене елементе, који су сачињавали српску државу, избили су свом сициномъ опет на површину сепаратистичке тежње појединих српскихъ области».

И прежде всего свои историческія права на политическую гегемонію сербскаго народа заявила Рашка, дѣйствительно, сыгравшая въ послѣднее время крупную роль въ жизни сербскаго народа. Между Зетой и Рашкой началась борьба за преобладаніе, внутри ихъ царили династическія интриги, однако, въ началѣ XII-го в. политическое преобладаніе сосредоточивается въ Рашкѣ, гдѣ княземъ былъ Урошъ, но эта взаимная политическая борьба заканчивается подчиненіемъ и Рашки и Зеты, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ сербскихъ земель Византии, при чемъ и въ этомъ положеніи политическая преобладающая роль, тѣмъ не менѣе, оставалась у рашанъ, гдѣ поставленный и покровительствуемый императоромъ Мануиломъ жупанъ Неманя постепенно укрѣпилъ свое положеніе, приобрѣлъ сторонниковъ, а, разбивъ въ 1186 г. византійское войско, утвердилъ свое вліяніе, распространивъ его съ 1170 г. и на область Зеты. Но возрожденіе сербской державы на этотъ разъ уже не было объединеніемъ всего сербскаго народа; такъ, съ XII-го в. послѣ смерти зетскаго короля Бодина, отъ объединеннаго сербскаго народа отдѣлилась Боснія и стала жить самостоятельной политической жизнью, подпавъ подъ политическое вліяніе венгровъ.

Послѣ смерти императора Мануила (1180), которому Неманя оставался вѣрнымъ до послѣднихъ дней, въ 1183 г., въ связи съ удачными походами противъ Византіи, Неманя приобрѣлъ и политическую независимость и рядъ новыхъ областей. Однако, вскорѣ, въ 1190 г. Византія одержала побѣду надъ Неманемъ, который принужденъ былъ возвратить всѣ свои приобретеныя на югѣ и заключить миръ, закрѣпивъ его женитьбой своего сына Стефана на племянницѣ императора, хотя сербская держава и не утратила своей независимости.

«Средштите српскихъ земальа, језгро Неманѣине државе, крајеви у којима је први пут почео државни живот српскога народа, где је централно српско племе становало (т. е. область Рашки до Косова поля) остали су слободни», говоритъ историкъ (стр. 123).

Въ 1196 г. 25-го марта Неманя торжественно отрекся отъ престола въ пользу своего сына Стефана, утвердивъ старшаго Вукана съ потомствомъ на зетскомъ престолѣ, а самъ постригся въ монахи (умеръ 13 февраля 1199 г.). Около 1202 г. Вуканъ, однако, при содѣйствіи венгровъ свергъ съ престола Стефана, но спустя два года Стефанъ вновь возвратилъ престолъ себѣ.

Въ 1217 г. Стефанъ былъ коронованъ папскимъ легатомъ. Въ 1219 г. была создана въ Рашской области самостоятельная сербская церковь, и во главѣ ея сталъ младшій братъ Стефана, архіепископъ Савва.

Стефанъ Первовѣнчаннй умеръ около 1224 г. Ему наследовалъ старшій сынъ его Родославъ, низвергнутый потомъ (1233) съ престола младшимъ братомъ Владиславомъ, при которомъ Савва, оставивъ архіепископію, ушелъ въ Палестину и на обратномъ пути умеръ въ Тырновѣ 14-го января 1235 г. Владиславъ, въ связи съ татарскимъ нашествіемъ (1242), лишенный къ тому же поддержки своего тестя, болгарскаго царя Іоанна Асеня III, умершаго въ 1241 г., былъ низложенъ съ престола и на престолъ былъ возведенъ самый младшій сынъ Стефана Первовѣнчаннаго, Урошъ; ему наследовалъ съ 1276 г. насильственно занявшій престолъ Драгутинъ, оттѣсненный византійцами и потерявшій часть своихъ земель на югѣ, а Драгутину наследовалъ братъ Милутинъ, который въ союзъ съ Фессалійскимъ деспотомъ напалъ въ 1283 г. на Византію и присоединилъ къ себѣ области по верхнему и среднему Вардару. Къ концу XIII-го в. Рашка достигла наивысшаго политическаго положенія. Умирая въ 1321 г. Милутинъ оставилъ сербскую державу, расширенную сдѣланными имъ приобретениями на югѣ и на сѣверѣ, но послѣ смерти

Милутина въ Рашкѣ начались междуусобія претендентовъ на престоль. Старшій изъ сыновей Милутина въ эту эпоху около 1328 г. занялъ Велесъ, въ 1330 г. разбилъ болгарскаго царя Михаила у Вельбужда; *въ связи съ этимъ поражениемъ Болгарія была впервые политически вытѣснена изъ областей Струлы и Вардара.* Между тѣмъ, противъ Стефана вооружилась часть сторонниковъ зетскаго правителя, его сына Душана, который и былъ коронованъ на зетскій престоль въ 1331 г.; черезъ два мѣсяца послѣ этого отецъ его скончался въ темницѣ.

Подъ управленіемъ Душана сербскій народъ достигъ наивысшей своей политической мощи. Открывъ прежде всего военныя дѣйствія противъ Византіи, Душанъ съ сербскими войсками прошелъ до Сереса и Солуны и занялъ рядъ македонскихъ городовъ: Прилѣпъ, Охриду, Водень, Костуръ и Струмицу и осадилъ Солунъ. Угроза со стороны венгровъ заставила его въ 1334 г. заключить миръ съ Византіей и возвратить ей занятія сербскими южными областями. Съ успѣхомъ покончивъ съ венграми, Душанъ направилъ свои силы противъ Албаніи и Эпира и въ теченіе четырехъ лѣтъ (1336—1370) занялъ всѣ области вплоть до Янины. Воспользовавшись анархіей, наступившей въ Византіи послѣ смерти Андроника III, Душанъ осадилъ Водень; подвигаясь въ томъ же направленіи дальше, въ 1345 Душанъ занялъ Сересъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ Душана была теперь вся Македонія, кромѣ Солуны, вся Албанія и Эпиръ.

Имѣя въ виду господствующую анархію въ Византіи (намѣстникъ малолѣтняго Іоанна V, сына Андроника, Кантакузинъ объявилъ себя императоромъ; противъ него возстала вдова покойнаго Андроника, Анна) и, питая виды на Византійскій престоль, Душанъ со взятіемъ Сереса въ 1345 году провозгласилъ себя императоромъ сербовъ и грековъ, въ 1346 г. въ Скопье онъ былъ коронованъ царемъ, для чего предварительно сербскій архіепископъ былъ провозглашенъ патріархомъ. Послѣ 1346 г. Душанъ продолжалъ свои завоеванія на югѣ, присоединилъ къ себѣ Этолію, Акарнанію, Фессалію, такъ какъ Кантакузинъ, овладѣвшій въ это время (1347) Царьградомъ, не могъ воспрепятствовать Душану.

Тому же Душану не удалось, однако, въ 1349 г. завоевать Боснію, о чемъ онъ очень мечталъ, и гдѣ онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны босанскаго бана Стефана.

Въ 1353 г. Душанъ присоединилъ къ себѣ Бѣлградъ.

Въ 1355 г. Душанъ умеръ, на престолъ вступилъ слабый, безвольный, неэнергичный Урошъ, въ Рашкѣ начались раздоры и общій упадокъ, и историкъ опять повторяетъ:—«поједине покрајине још нису биле јако везане за онај центар, који је створио Душанову царевину; поједине области у тој великој држави нису се могле за тако кратко време стопити у једну целину, која би имала исте тежње и исте идеале».

Венгры отняли у Уроша Бѣлградъ, въ то же время на югъ Рашка лишилась ряда областей, такъ что въ теченіе ближайшихъ 10 лѣтъ Урошъ потерялъ все, что было создано Душаномъ. Держава распалась, и отдѣльными ея частями завладѣли правители: Вукашинъ, напр., *объявилъ себя кралемъ Македоніи* и короновался въ 1366 г. въ Прилѣпѣ; другіе же, какъ то: Лазарь въ нынѣшней южной Сербіи, Вукъ Бранковичъ въ Косово и т. д. продолжали признавать Уроша.

Урошъ умеръ въ 1371 г. Ему наслѣдовалъ князь Лазарь, но въ 1377 г. вѣнчался кралемъ босанскимъ и рашкимъ на гробѣ св. Саввы босанскій банъ Твртко, при которомъ Боснія достигла наивысшаго своего политическаго успѣха. Умеръ Твртко въ 1391 г. Македонскій кралъ Вукашинъ погибъ въ битвѣ съ турками въ 1371 г. на Марицѣ, послѣ чего *всѣ области на югъ отъ Шаръ—планины (т. е. вся Македонія) признали верховную власть султана*. Преемникъ Уроша, князь Лазарь, опасаясь турокъ, перенесъ столицу въ Крушевацъ. 15-го іюня 1389 г. на знаменитомъ Косовомъ полѣ произошла битва Лазаря съ турками, и сербы были разбиты.

Въ 1479 г. была покорена турками Зета, и этимъ закончилось завоеваніе ими всѣхъ сербскихъ областей.

Краткій историческій обзоръ древнѣйшихъ судебъ южнаго славянства приводитъ насъ къ установленію слѣдующихъ основныхъ положеній, которыя должны лечь въ основу нашихъ сужденій о болгарской и сербской народностяхъ и ихъ культурно-племенныхъ и политическихъ взаимоотношеніяхъ:

1) Первое появленіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ исторически засвидѣтельствованный фактъ, относится къ VI-му вѣку послѣ Р. Хр.; о славянахъ, какъ новомъ появившемся въ предѣлахъ Византійской имперіи народѣ, впервые говоритъ въ 550—551 г. визан-

тійсїй историкъ Прокопій въ своемъ описаніи войнъ императора Юстиніана; къ концу VII-го вѣка Балканскій полуостровъ уже сплошь занятъ славянскимъ племенемъ, дѣлившимся на рядъ отдѣльныхъ независимыхъ политически другъ отъ друга племенъ, имѣвшихъ каждое свое особое племенное имя.

2) Въ срединѣ VII-го вѣка (661 г.) за Дунаемъ появилась небольшая орда народа тюркского племени—болгаръ, утвердившихся въ области по нижнему теченію Дуная и положившихъ здѣсь начало болгарской державы, въ которую вошли, между прочимъ, семь славянскихъ племенъ; съ этого момента начинается впервые національно-политическое объединеніе части восточно-балканскихъ славянскихъ племенъ, образовавшихъ собою ядро современной славянской Болгаріи и болгарской народности. Дальнѣйшая исторія Болгаріи представляетъ собою, съ одной стороны, процессъ постепенной этнической ассимиляціи завоевателей съ покоренной ими славянской народностью, съ другой стороны, процессъ дальнѣйшаго распространенія національно-политическаго объединенія на новыя группы родственныхъ славянскихъ племенъ; первый процессъ былъ завершёнъ уже къ срединѣ IX-го вѣка, второй—долженъ быть признанъ не завершённымъ и по настоящее время; распространяя національно-политическое объединеніе родственныхъ славянскихъ племенъ все дальше и дальше, Болгарія уже въ IX вѣкѣ обнимала, между прочимъ, и Македонію, владѣя ею вплоть до 1018-го г.; послѣ этого Македонія вмѣстѣ съ другими владѣніями Болгаріи, продолжая оставаться болгарскою областю, переходитъ во власть Византіи, но уже въ началѣ XIII-го вѣка мы опять видимъ Македонію въ составѣ возрожденной Болгаріи, и только въ 1330 г. послѣ битвы у Вельбужда (Кюстендиль) Болгарія лишилась своего политическаго вліянія въ мѣстностяхъ Вардара и Струмы, и оно перешло къ сербамъ, оставаясь за сербами съ 1330 по 1371 гг.

3) Аналогичный процессъ національно-политическаго объединенія, начиная съ VIII-го же вѣка, пережила и другая группа западно-балканскихъ славянскихъ племенъ, положившая своимъ объединеніемъ начало сербской народности; роль кристаллизующей силы здѣсь выпала на долю сербскаго племени, занимавшаго рядомъ съ другими

родственными племенами очень маленькую территорию в области, ограниченной рѣками Ибаръ и Лимъ, при чемъ упорная борьба другъ съ другомъ отдѣльныхъ составныхъ этническихъ элементовъ была завершена въ пользу сербскаго имени только къ началу IX-го в.; къ этому же вѣку относится и образованіе первой сербской державы в области Рашки, расположенной нѣсколько далѣе на С.-З. отъ Шаръ—планины, этой пограничной линіи, отдѣляющей Македонію отъ Сербіи. На первыхъ порахъ Сербская держава влечитъ жалкое существованіе, центръ ея изъ Рашки переходитъ въ Зету и наоборотъ; въ общемъ же въ это время она чаще входитъ въ составъ Болгаріи, нежели живетъ самостоятельной политической жизнью, и только во второй половинѣ XI вѣка Зета, какъ сербская держава, полученіемъ королевской короны приобретаетъ формально политическую независимость отъ Византіи; въ концѣ XI-го вѣка въ Сербіи впервые возникаетъ мысль о политическомъ распространеніи на прилегавшія къ Рашкѣ византійскія области: Косово и Метохию (не на Македонію, которая остается еще очень далеко отъ этихъ замысловъ); въ началѣ XII-го вѣка сербская держава подчиняется Византіи, отъ чего въ 1168 г. она не надолго, всего лишь на 22 года, извѣляется рашскимъ жупаномъ Неманей, сохранивъ за собою и послѣ новаго подчиненія нѣкоторую автономную независимость. Съ 1217 г., когда на сербскій престолъ былъ коронованъ папскимъ легатомъ сынъ Неманя, Стефанъ, сербская держава утверждаетъ свою политическую и церковную независимость; при одномъ изъ его преемниковъ, Милутинѣ *сербская держава впервые выходитъ изъ предѣловъ «старой Сербіи»*, т. е. области Рашки, и распространяетъ свои владѣнія на Македонію (въ 1283), присоединивъ къ себѣ области по верхнему и среднему теченію Вардара; съ этого момента сербская держава быстро расширяетъ свои предѣлы, и въ 1345 г. въ составъ Сербіи уже входитъ вся Македонія, но со смертію Душана въ 1355 г. его богатое наслѣдіе распадается на части, и въ 1371 году Македонія уже переходитъ во владѣніе турокъ, значительно менѣе одного столѣтія и при томъ совершенно случайно, благодаря удачно сложившимся для Душана политическимъ условіямъ, просуществовавъ, такимъ образомъ, въ качествѣ составной части Сербіи.

Такимъ образомъ, вопросъ объ историческо-этнографическихъ взаимоотношеніяхъ двухъ родственныхъ славянскихъ народовъ, болгаръ и сербовъ, стоитъ въ тѣсной связи съ начальной исторіей политической организаціи отдѣльныхъ группъ славянскихъ племенъ, которыя легли въ основу двухъ этнографическихъ единицъ—болгарской и сербской народности; этотъ моментъ административно-политической организаціи и объединенія въ жизни южнаго славянства и въ образованіи юго-славянскихъ народностей игралъ доминирующую роль. Вотъ почему, между прочимъ, славянское население Македоніи, какъ не вошедшее въ то же время прочно ни въ ту ни въ другую административно-политическую организацію, охотно по исконной традиціи пользуется и до сихъ поръ въ опредѣленіи своей національности, т. е. своего этнографическаго признака, своими старыми, первобытными племенными названіями: мърваци (въ окрестностяхъ Сѣра, Демирхиссара, Мелника, Драмы, Неврокопа и Брацигова), мияци или реканци въ округѣ Дибры, бърсаци (древн. Βερζύται)—жители въ окрестностяхъ Кичева, Битоля, Прилепа, Велеса; ести, кековци, пуливаковци и т. д.

Съ другой стороны, въ той же причинѣ, именно—въ своеобразныхъ условіяхъ процесса образованія позднѣйшихъ этническихъ группъ, получившихъ названіе болгаръ и сербовъ, кроется и сложность разрѣшенія вопроса объ этнографическомъ приуроченіи славянскаго населенія Македоніи. Вотъ почему важнѣйшимъ и рѣшающимъ моментомъ въ этомъ случаѣ здѣсь является языкъ и исторія возрожденія національнаго сознанія македонской народности.

Этимъ вопросамъ и посвящены дальнѣйшія главы настоящаго очерка.

VI.

Академикъ Н. П. Кондаковъ о культурно-историческихъ судьбахъ Македоніи.

Почтеннѣйшій русскій ученый, акад. Кондаковъ, авторъ извѣстной книги: «Македонія. Археологическое путешествіе» (СПб. 1909),—въ связи съ обостреніемъ болгаро-сербскихъ отношеній по македонскому вопросу сдѣлался невольной, и быть можетъ съ точки зрѣнія наименѣе для себя желательной, предметомъ ожесточеннѣйшихъ дебатовъ. Сербы постарались въ самыхъ широкихъ

размѣрахъ использовать академика Кондакова, обосновывая на данныхъ его археологическихъ изысканій свои македонскія тенденціи и домогательства, отбросивъ предварительно въ немъ все то, что не соотвѣтствуетъ ихъ сербской точкѣ зрѣнія. Такъ, напр., проф. Беличъ цитируетъ отзывъ акад. Кондакова объ архитектурѣ Грачаницы, бывшей резиденціи сербскихъ королей, и его предположеніе о связи архитектурныхъ памятниковъ Македоніи съ эпохою сербскаго царя Душана (1331—1355) и о сербскомъ влияніи въ росписяхъ македонскихъ церквей, о специальныхъ сербскихъ мастерскихъ, поставившихъ работу какъ для Сербіи, такъ и для Македоніи—и только! Но въ книгѣ акад. Кондакова есть много и другихъ интересныхъ подробностей, любопытныхъ наблюденій, очень цѣнныхъ выводовъ и мѣткихъ сужденій; къ сожалѣнію, они не совпадаютъ съ сербскою точкою зрѣнія... Правда, говоритъ проф. Беличъ, въ книгѣ академика Кондакова есть экскурсы и въ область современной политической жизни македонцевъ, но тутъ онъ является не только не специалистомъ, но вообще очень плохо освѣдомленнымъ лицомъ. Я поэтому, продолжаетъ Беличъ, остановился здѣсь только на взглядахъ его изъ той области, въ которой онъ въ настоящее время является лучшимъ знаткомъ и вполне самостоятельнымъ.

И опять г. Беличъ говоритъ неправду, ибо помимо «экскурсовъ въ область современной политической жизни македонцевъ», въ чемъ акад. Кондаковъ, соглашаюсь, можетъ быть и не достаточно освѣдомленнымъ лицомъ, у него въ данной же книгѣ есть еще очень много другихъ интересныхъ вещей, которыя сербу Беличу не по душѣ, и онъ ихъ замалчиваетъ.

Какъ извѣстно, при византійскомъ императорѣ Іоаннѣ Цимисхиіи пало болгарское царство, но этимъ завоеваніемъ болгарскаго царства была уничтожена политическая сила только одной восточной половины Балканскаго славянства. Напротивъ того, *въ западной части того же болгарскаго царства* и при томъ именно тамъ, куда была передвинута даже столица его (въ Преспѣ и Охридѣ), независимость болгаръ сохранилась и выразилась въ формѣ народной династіи Шишманидовъ, вышедшей изъ внутренняго переворота 967 года. *Эти баларскія провинціи, обособившіяся еще въ царствованіе Петра (942—967), вовсе не были завоеваны греками, и именно сюда удалился болгарскій патріархъ, сначала въ Водену, Преспу и затѣмъ*

уже на цѣлой рядъ вѣковъ въ Охриду... Этотъ историческій фактъ всею яснѣе, на нашъ взглядъ, говоритъ акад. Кондаковъ, удостоверяетъ тѣсныя племенные, иначе юворя, родственныя связи болгарскаго славянства съ славянами Охриды, а, стало быть, и вообще со славянствомъ Македоніи, точнѣе юворя, удостоверяетъ восточно-болгарское происхождение Македонскаго славянства. Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ академикъ Кондаковъ, какъ могли бы удержаться Шишманиды въ этой мѣстности, если бы все ея славянское населеніе не пришло сюда прямымъ путемъ изъ той же Болгаріи, на что указываетъ, между прочимъ, и самая формация мѣстности, естественно допускающей постепенный переходъ земледѣльческаго населенія путемъ движущихся впередъ поселковъ, изъ Болгаріи, по прямой линіи на Солунъ и Охриду (стр. 23). Въ другомъ мѣстѣ книги, на страницѣ 35, разсматривая вопросъ о миниатюрахъ Манассиной лѣтописи, акад. Кондаковъ сколько констатируетъ свое наблюденіе надъ народными одеждами Охриды (Македонія), находя Македонію въ этомъ отношеніи болѣе болгарскою, чѣмъ сама Болгарія. На страницѣ 36 мы находимъ утвержденіе автора, что Болгары вообще и болгарскіе славяне въ Македоніи представляютъ собою племя, въ высокой степени любопытное для всякаго рода научныхъ этнографическихъ изслѣдованій, прежде всего потому, что это племя отличается замѣчательнымъ архаизмомъ народнаго характера. Въ силу этого архаизма *языкъ племени, а равно и языкъ славянъ Македоніи охватываетъ досель, какъ онъ составлялъ въ IX-лѣ в., самолюбное племя, отличающагося опредѣленною народностью.* На стр. 48, давая общую характеристику одежды македонскихъ славянъ, какъ одежды болгарской, акад. Кондаковъ противопоставляетъ ее одеждѣ сербской: болгарскія одежды, говоритъ онъ, устраиваются специально изъ грубаго льна или конопля или такой же грубой шерсти. Украшенія ихъ исключительно нашивныя, изъ цвѣтной пряжи или изъ цвѣтной шерсти. Можно считать особенно характернымъ то, что всѣ эти украшенія ведутся часто почти исключительно въ одной коптской гаммѣ красокъ: темно-лиловая или почти черная, съ бѣлыми звѣздочками по пурпурному полю, или съ пурпурными звѣздочками по бѣлому полю. Напротивъ того, украшенія сербскія приближаются къ типу галуновъ и позументовъ, имѣютъ характеръ пестрый, съ преобладаніемъ особенно краснаго цвѣта и къ нему приближающагося желто-оранжеваго... (См.

также на стр. 187—190; здѣсь же авторомъ отмѣчаются и уродливые приемы сербскаго политиканства).

На стр. 52—53 академикъ Кондаковъ вновь возвращается къ вопросу о національности македонскихъ славянъ и говоритъ: яркое и при томъ прямое доказательство *тождества (или непосредственной, кровной родственной близости) Македонскихъ славянъ съ Болгарскими дается во множествѣ мѣствъ въ извѣстныхъ письмахъ Охридскаго Архіепископа, грека Теофилакта, конца XI в., гдѣ говорится о грубыхъ, невѣжественныхъ, грязныхъ Болгарахъ — („чудовищахъ“) жителей Охридской епархіи, и гдѣ среди непрестанныхъ жалобъ нѣсколько малодушнаго, назойливаго и жаднаго грека слышится извѣстный страхъ къ большой, враждебной и неукротимой націи. Если Теофилактъ называетъ Охридскихъ Славянъ Болгарами и ничѣмъ, видимо, ихъ не отличаетъ и не выдѣляетъ изъ Болгарской націи или племени, то, конечно, не потому, что въ Охридѣ была ранѣе столица болгарскаго царства, но потому именно, что архіепископъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ постоянныя сношенія, и изъ за кого онъ долженъ былъ переселиться въ Солунь.....*

Приведенныя цитаты совершенно ясно рисуютъ общую точку зрѣнія академика Кондакова на историко-этнографическія судьбы Македонскаго славянства, которое представляется автору изслѣдованія съ точки зрѣнія историко-этнографической несомнѣнно болгарской народности; только съ 1281 г. вся Македонія стала сербскою, а въ 1371 году она уже перешла къ туркамъ. Что касается культурныхъ вліяній, которыя пережила Македонія и которыя отразились въ ея архитектурныхъ памятникахъ, то этотъ вопросъ стоитъ совершенно въ сторонѣ и ничѣмъ, конечно, не связанъ съ вопросомъ о національно-этнографической принадлежности населенія къ той или другой этнической группѣ, оказывавшей почему либо на него свое культурное вліяніе.

Въ книгѣ академика Кондакова имѣются, однако, и еще очень интересныя свѣдѣнія, *не использованныя сербскими учеными и публицистами.* Такъ, напримѣръ, на страницѣ 149 своего труда акад. Кондаковъ констатируетъ весьма важный фактъ, что «все простое населеніе города Серры (Сересь—южная окраина Македоніи), кромѣ извѣстной части ремесленниковъ, суть болгары». То же самое имѣемъ мы и дальше относительно сѣверной окраины Македоніи, города Скопіе (Ускюбъ), который сербы считаютъ чуть ли не цен-

тромъ Старой Сербіи. Съ сербской точки зрѣнія, искать въ Скопіе и его окрестностяхъ болгаръ это простое недоразумѣніе, ибо болгаръ здѣсь нѣтъ и никогда не было. Конечно, теперь мы знаемъ прекрасно, что, благодаря принятымъ сербами гуманнымъ, какъ говоритъ наивный Беличъ, мѣрамъ, въ Скопіе, какъ и въ другихъ частяхъ Македоніи, отошедшихъ къ Сербіи, отъ болгарскаго населенія въ очень скоромъ времени, несомнѣнно, не останется и слѣда, какъ не осталось его ни въ Нишѣ ни въ Пиротѣ, но до послѣдней войны 1913 г. въ Скопіе, оказывается, еще жили болгары, образуя собою основное земледѣльческое населеніе его округа, и въ этомъ, наряду съ множествомъ другихъ изслѣдователей, убѣждаетъ насъ и академикъ Кондаковъ въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ 1909 г. Говорятъ, замѣчаетъ Кондаковъ,—впрочемъ это все слова сербовъ, которые требуютъ провѣрки, — Скопіе имѣло когда то сербское большое населеніе или даже была населена сербами; до известной степени можно повѣрить, что здѣсь была сербская колонія. Мы увидимъ впоследствии, что подъ городомъ есть рядъ чисто сербскихъ поселеній и большихъ сербскихъ селъ; *что касается настоящей орелени, сербскихъ домовъ здѣсь насчитывается не больше 50 и совсѣмъ нѣтъ даже сербской церкви.* Известный Гопчевичъ, политикующій сербскій туристъ, говоритъ въ своей книгѣ („*Старая Сербія и Македонія*“ 1899) на стр. 182 слѣдующее: «Скопле (по турецки Искипъ)—городъ въ 22,000 жителей; 11,000 составляютъ сербы (изъ нихъ 3,500 магометанъ), 1,200 цыганъ, 3,500 албанцевъ и 6,000 турокъ. Сербы говорятъ довольно чисто по турецки, изъ нихъ многіе оболгарены и увлечены болгарскою пропагандою». Эта выдержка, замѣчаетъ академикъ Кондаковъ, даетъ наилучшій случай *достойно оцѣнить слабую сербскую политику, которая доселѣ, отрицая всякую дѣйствительность, безудно фантазируетъ талѣ, идѣ пора бы было стать на ноги на реальной почвѣ.* Очевидно, продолжаетъ академикъ Кондаковъ, въ Скопіе никогда не было значительнаго числа сербовъ, но известное число, хотя ограниченное, было, и никто другой, скажемъ съ удареніемъ, *какъ именно эта сербская часть славянскаго населенія, составляла его культурную сторону,* и доселѣ сербскіе дома часто лучшіе дома и держатъ въ своихъ рукахъ промысловую, промышленную и производительную стороны окрестнаго хозяйства. Что значительная масса сербовъ послѣ Косова боя перешла въ исламъ, фактъ тоже общеизвестный, но помянуть о немъ

въ данномъ случаѣ при подсчетѣ сербскаго населенія въ современныхъ городахъ Македоніи по малой мѣрѣ странно. Въ данномъ случаѣ примѣняется русская пословица: «что съ возу упало, то пропало», и послѣ перехода въ исламъ славянинъ совершенно исчезаетъ для своей родины. Но главное, что становится прямо забавнымъ, это—отсутствіе болгаръ въ городѣ по показаніямъ Гопчевича и жалобы того-же путешественника на торжество, великую радость и издѣвательства ловкихъ болгарскихъ агитаторовъ, овладѣвшихъ городомъ. Откуда, скажешь себѣ, могли бы они взятыя, если бы основное населеніе города не состояло изъ болгаръ? Но, конечно, въ этомъ городѣ, бывшемъ центрѣ сербскаго королевства, столицѣ Стефана Душана, сербы составляли основной буржуазный слой населенія, тогда какъ болгары долгое время были исключительно, говоря по нашему, простымъ народомъ и потому, кромѣ самой политической стороны дѣла, современное болгарское господство (точнѣе было бы сказать: верховенство) является результатомъ господства демократіи, начавшагося нынѣ въ Македоніи подъ прикрытіемъ знамени ислама..... Здѣсь (т-с. въ Македоніи), кромѣ Скопії, никогда не было городской и промышленной жизни, и все благосостояніе округа всегда сосредоточивалось исключительно въ земледѣліи. Но если не было городовъ, то были и оставались громадныя богатыя села, на средства которыхъ были воздвигнуты великолѣпныя церкви и, если въ настоящее время *это округъ чисто болгарскій съ немногими вкрапленными въ него сербскими селами, то въ культурномъ отношеніи онъ можетъ называться уголкомъ Сербіи* (стр. 161—173)..... Одежды въ окрестностяхъ Скопії рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ женскихъ *болгарскихъ* народныхъ уборовъ и костюмовъ, обычно носимыхъ въ окрестностяхъ Салоникъ, Сѣра и пр..... Мы отмѣчаемъ это тождество сербскихъ и болгарскихъ народныхъ уборовъ съ удареніемъ, говоритъ академикъ Кондаковъ, главнымъ образомъ потому, что есть попытки ложнаго толкованія этихъ костюмовъ и уборовъ въ пользу того или иного политическаго опредѣленія жителей въ спорныхъ мѣстностяхъ, подобно Скопії. Такъ, напр., указанное нами сочиненіе Гопчевича представляетъ рисункъ женскихъ народныхъ одеждъ, *совершенно обычныхъ во вѣсѣхъ болгарскихъ селахъ, подѣ именовъ сербскихъ, въ*

такихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ Дибръ, Кичево, тогда какъ въ томъ же самомъ сочиненіи подобныя же народныя костюмы, явно, сербскаго населенія, представлены изъ Печа, Призрѣна (страница 208 и 218) и, наконецъ, даже съ невѣроятнымъ легкомысліемъ представлены двѣ болгарки изъ Букова и Мурихова (страница 101 и 112) съ ихъ чудовищными подушками вмѣсто занавѣсокъ, подъ названіемъ «сербокъ (?)»—стр. 188—190.

Если изъ области Скопіе (сѣверная Македонія) мы спустимся въ Охридѣ (западная Македонія), то и здѣсь найдемъ у Кондакова совершенно опредѣленное указаніе: городъ Охрида, говорить онъ, не можетъ назваться малымъ, напротивъ, онъ великъ и пространенъ, и также очень многолюденъ, *а большинство его жителей и прилегающихъ къ нему селъ состоитъ исключительно изъ болгаръ (стр. 223).*

Конечныя выводы академика Кондакова вкратцѣ слѣдующіе:

1) «этнографическое изслѣдованіе совершенно ясно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Болгарія простирается широкой полосой до Охриды включительно, но изслѣдованія археологическія неоспоримо открываютъ рядъ сербскихъ культурныхъ пунктовъ въ Скопійскомъ округѣ... (стр. 290).

2) только въ періодъ съ 1345 года по 1389 Македонія была сербскимъ владѣніемъ, однакоже значительная часть Македоніи въ теченіе XIII и XIV ст. пользовалась благами сербской культуры, и отсюда историческія права Сербіи на Старую Сербію и нѣкоторыя части (преимущественно западныя) скопійскаго вилаэта «врядъ ли можно отрицать». (Стр. 272).

3) «всѣмъ понятно также, и было бы трудно это скрыть, что при сознаніи трудности, или даже невозможности доказать принадлежность македонскаго населенія къ сербской національности, усиливаются попытки просто запутать весь вопросъ, представить въ Македоніи, вмѣсто одной національной группы, помѣсь всевозможныхъ расъ, своего рода хаосъ; тамъ, будто бы, нѣтъ цѣльной народности, а только различные переходы отъ одной къ другой группѣ и сліяніе самыхъ національныхъ группъ, славянъ съ греками и албанцами, валаховъ съ греками и славянами... Напротивъ того, простая поѣздка по странѣ совершенно ясно убѣждаетъ, что *въ лицѣ македонскихъ славянъ мы*

*илпелъ опредѣленную національную группу, совершенно ясно при-
мыкающую къ народности, населяющей собственную Боларию.*

На всемъ, нами обозрѣнномъ, пространствѣ, *отъ Охриды до
Скопїе и Кулакова*, говоритъ академикъ Кондаковъ: *живетъ
одинъ народъ, который и въ IX вѣкъ называлъ себя болгарами*,
котораго въ XI ст. греки называли такъ же и который такъ же
называлъ себя первымъ, посѣтившимъ страну, европейскимъ путе-
шественникамъ и нашему Григоровичу (стр. 293—294).

4) „Старая Сербїя“ есть историческое названїе, несомнѣнно
уцѣлѣвшее отъ старины и очень точно обозначающее большую
мѣстность, занятую сербской народностью, и даже болѣе того, ея
выдвинутую, въ видѣ выдающагося на юго-востокъ угла ея владѣній.
Но, съ другой стороны, этотъ уголь встрѣтилъ естественную преграду
въ хребтѣ Шарпланины и Скопской Черной горы.

Переходъ черезъ эти преграды совершался только
въ самое позднее время, а именно при Милутинѣ и
Стефанѣ Душанѣ, которые, стремясь къ завоеванію, просоеди-
нили весь сѣверо-восточный уголь долины, охватывающей Скопїе и
его участки...

Съ этой точки зрѣнія, нельзя признать какъ той границы
между старой Сербїей и Македонїей, которую проводитъ указанный
сербскїй профессоръ (Цвиичъ), направляя ее черезъ Велесъ и
Штипъ, такъ и болгарскаго сплошнаго отрицанїя
существованїя сербскихъ силъ въ Скопскомъ уча-
сткѣ... *Единственный справедливый выводъ, который представляется
не предубѣжденному взгляду всякаго путешественника, требуетъ
представить почти всю Македонїю болгарамъ, за исключенїемъ
нѣкоторыхъ ея сѣверо-западныхъ мѣстностей, примыкающихъ къ
Старой Сербїи...* Уже многие теперь, сознавая всю историческую
справедливость представленїя Македонїи болгарамъ,
спѣшатъ, однако, возразить противъ этого съ точки зрѣнія политиче-
скаго равновѣсія... Что касается палліативнаго разрѣшенїя вопроса
дарованїемъ Македонїи автономїи, то всякому путешественнику по
этой странѣ представляется въ концѣ его поѣздки одно, по крайней
мѣрѣ, вполне яснымъ: невозможность какой бы то ни было автономїи
подъ турецкимъ управленїемъ и при существованїи албанскаго гнета
и дикихъ насилїй надъ мирнымъ земледѣльческимъ населенїемъ»...
(стр. 295—297).

Вотъ настоящая, подлинная точка зрѣнія академика Кондакова! То, что даль объ акад. Кондаковѣ проф. Беличъ въ своей пресловутой книжкѣ, оказывается, выхвачено имъ произвольно изъ цѣльнаго, опредѣленнаго и исполнѣ законченнаго круга идей и понятій уважаемаго нашего академика, а потому не даетъ вѣрнаго представленія о дѣйствительности и, какъ таковое, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

VII.

Вопросъ о языкѣ и народности македонскихъ славянъ.

Резюмируя трудъ академика Кондакова о Македоніи, мы, между прочимъ, отчасти уже останавливались и на вопросѣ о народности македонскихъ славянъ, но только лишь постольку, поскольку этому вопросу удѣляетъ вниманіе въ своемъ археологическомъ путешествіи его почтенный авторъ. Остановимся теперь на этомъ же труднѣйшемъ изъ вопросовъ нѣсколько подробнѣе.

Въ современной наукѣ прочно утвердилось и господствуетъ мнѣніе, считающее македонскихъ славянъ болгарами и ихъ языкъ однимъ изъ нарѣчій болгарскаго языка. Этимъ убѣжденіемъ наука обязана непосредственнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ цѣлаго рода путешественниковъ и ученыхъ, посѣщавшихъ въ разное время Балканскій полуостровъ и изучавшихъ языкъ и нравы славянскаго населенія Македоніи. Напротивъ, у сербовъ царитъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что македонскіе славяне это сербы и языкъ ихъ сербскій или, — во всякомъ случаѣ, не болгары, а масса безъ какого либо опредѣленно выраженнаго національнаго сознанія. Съ сербской точкой зрѣнія мы отчасти уже познакомились выше, говоря о брошюрѣ проф. Андоновича, явившагося среди текущихъ событій наиболѣе пылкимъ выразителемъ идей сербскаго шовинизма и повторившаго въ своей брошюрѣ все то, чѣмъ такъ богата по адресу Македоніи сербская шовинистическая печать 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и начала текущаго, въ родѣ трудовъ Панта Сречковича, Веселиновича, Ал. Станоевича, Гопчевича, Ивана Ивановича и др. Былъ у сербовъ въ этомъ ряду доблестныхъ борцовъ за народное дѣло и еще нѣкто, г. Бдинъ, который въ своей

брошюрѣ: «*Срби у европ. Турској*», изданной въ Бѣлградѣ въ 1903 г., просто утверждалъ, что и вообще не существуетъ никакой Македоніи и никакой македонской народности, а есть только сербы и Сербія. Проф. Андоновичъ, правда, дѣлаетъ нѣкоторую уступку въ пользу Македоніи, онъ готовъ оставить для нея узенькую полосу, начиная отъ Солуны на югѣ и до озерной линіи на сѣверѣ, отводя всю прочую территорію истинной Македоніи для Старой Сербіи, но о болгаряхъ, конечно, и на этомъ жалкомъ клочкѣ Македоніи у него не можетъ быть и рѣчи.

Мало того, въ своей брошюрѣ профессоръ Андоновичъ выступаетъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ своего коллеги, профессора Цвѣича, за то, что тотъ на своихъ новѣйшихъ этнографическихъ картахъ сербской народности (*Carte ethnographique de la nation serbe*) какъ въ изд. 1908 г., такъ въ изданіи 1913 г. большую часть Старой Сербіи въ духѣ г. Андоновича окрасилъ другою, не сербскою краскою и то же самое сдѣлалъ и съ цѣлою Македоніей, а также этнографическую границу между болгарами и сербами провелъ по политической границѣ, утверждая якобы этимъ, что македонскіе славяне нѣчто иное, а не сербы. По мнѣнію профессора Андоновича, вплоть до XV-го вѣка въ Македоніи и Старой Сербіи не было никакого иного народа, кромѣ сербовъ, поэтому македонецъ—это только географическое понятіе, а не какое либо иное, напримѣръ, историческое или этнографическое, что же касается македонскаго вопроса, то такого вопроса, по заявленію г. Андоновича, и не существуетъ вовсе, а есть только вопросъ сербскій.

Другой сербъ, г. Цемовичъ, любящій щегольнуть заявленіемъ, что мнѣніе его противника—«на велику жалост лишено сваке научности» или же не имѣетъ «везе с научним истраживаньемъ истине», безапелляціонно, не приводя никакихъ данныхъ, заявляетъ, что научныя данныя (?) не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно происхожденія и этнографіи македонскихъ славянъ: македонскіе славяне несомнѣнно сербы, какъ и славяне въ другихъ сербскихъ областяхъ. (Стр. 23).

Профессоръ Цвѣичъ въ своемъ изсѣдованіи — «*Основе за географију и геологију Македоније и старе србије (Београдѣ, 1906)*», въ главѣ, посвященный спеціально этнографіи македонскихъ славянъ—«Неколика проматрања о етнографији македонскихъ словена» (кн. II, стр. 512) утверждаетъ:

1) что установившееся понятие о Македонии не точно, в частности же области Скопье и Тетова принадлежат не Македонии, а Старой Сербии;

2) что народная славянская масса в Македонии не имеет ни определенного национального чувства, ни национального сознания, ни сербского ни болгарского, хотя и тесно связана родственными узами с болгарскими и сербами;

3) что имя *болгаринъ*, которымъ обычно называютъ себя македонские славяне, не представляетъ собою этнографическаго имени и не означаетъ этническаго болгарина;

4) что иностранныя этнографическія карты, нѣмецкія, французскія, англійскія и др. в дѣйствительности ни этнографическія, ни лингвистическія (*Sprachkarte*), но закрашены только единственно на основаніи ошибочно понятого имени болгаринъ, которымъ часто себя называютъ македонскіе славяне;

5) что статистическія таблицы, касающіяся Македоніи, ложны или неточны.

Что касается *національнаго чувства и національнаго сознанія* македонскихъ славянъ, то въ этомъ отношеніи македонскіе славяне, по характеристикѣ проф. Цвѣича, представляютъ собою неустойчивую народную массу, имѣющую этническое предрасположеніе стать или сербомъ или болгаринѣмъ. Народная масса в Македоніи, не тронутая пропагандою, по заявленію г. Цвѣича, не чувствуетъ себя ни болгаринѣмъ ни сербомъ, но питаетъ къ нимъ равныя симпатіи постольку, поскольку можетъ съ каждымъ изъ нихъ войти въ соглашеніе и ждать чрезъ нихъ своего освобожденія. Войдя же въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе съ тѣмъ или другимъ элементомъ, македонскіе славяне быстро ассимилируются, становятся болгарскими или сербскими. И если среди македонскихъ славянъ значительный перевѣсъ имѣетъ въ смыслѣ распространенности болгарское чувство, то, по мнѣнію Цвѣича, объясняется это только тѣмъ, что болгары раньше сербовъ, шире, популярнѣе и успѣшнѣе сербовъ вели здѣсь свою національную пропаганду, которой содѣйствовала и самостоятельная болгарская церковь съ школами, священниками и т. п., тогда какъ сербы не только были лишены своей славянской церкви и въ этомъ отношеніи объединены съ греками, но не имѣли права даже на свое

народное имя. Профессоръ Цвѣичъ убѣжденъ, что это преобладаніе болгарскаго національнаго чувства, какъ дѣло, созданное искусственными мѣрами, не прочно и быстро измѣнить свою фیزیономію и приметъ сербскій характеръ, какъ только Македонія получитъ сербскую государственную организацію.

Отсутствіе въ массѣ македонскихъ славянъ какого либо опредѣленнаго національнаго чувства и сознанія при наличности вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго предрасположенія легко и быстро стать болгаринъ или сербомъ — представляется, съ точки зрѣнія автора, очень важнымъ фактомъ для сужденія о сербо-болгарскихъ претензіяхъ на македонскихъ славянъ и вообще для рѣшенія македонскаго вопроса.

Что касается языка населенія Македоніи, то по наблюденіямъ профессора Цвѣича — народный говоръ около Скопье, Куманово, Кратово, Тетово, Гостивара несомнѣнно ближе къ сербскому, нежели къ болгарскому языку; въ языкѣ же остальныхъ македонскихъ славянъ имѣются и болгарскія и сербскія черты или, по заявленію Цвѣича, согласно съ опредѣленіемъ Ягича, Македонскій языкъ составленъ изъ діалектовъ, которые составляютъ переходъ отъ болгарскаго къ сербо-хорватскому языку.

Впрочемъ, относительно *историческихъ правъ* на Македонію проф. Цвѣичъ совершенно основательно высказывается отрицательно по вопросу о какомъ либо значеніи этого довода въ дѣлѣ разрѣшенія Македонской проблемы въ интересахъ болгаръ или сербовъ. Онъ находитъ, что наиболѣе сильный и типичный культурно-историческій осадокъ, наблюдаемый въ Македоніи, тотъ же, что и на всемъ полуостровѣ, это именно—византійскій.

Итакъ, славянское населеніе Македоніи, по убѣжденію профессора Цвѣича, не имѣетъ какого либо опредѣленнаго національнаго сознанія; что же касается имени болгаринъ, которымъ обычно называютъ себя македонцы, то это имя, утверждаетъ Цвѣичъ, не означаетъ здѣсь народности. Когда Македонскій крестьянинъ употребляетъ имя болгаринъ, то этимъ именемъ, говоритъ Цвѣичъ, онъ отмѣчаетъ: во-первыхъ, людей простаго образа жизни и тяжелаго подневольнаго положенія и, во-вторыхъ, простую трудовую массу, которая говоритъ по славянски, въ противоположность неславянамъ, грекамъ и туркамъ, которые стоятъ выше этой массы и относятся къ ней свысока. Такимъ образомъ, словомъ «бугарски» народъ обозначаетъ простой образъ жизни, труда и

мышления. О незамысловатой работѣ, напр., здѣсь говорятъ «бугарска работа» и тому подобное. Поскольку въ македонскомъ понятіи бугаринъ заключается элементъ этнографическій, то оно имѣетъ значеніе—славянинъ и славянское. Обращаясь къ исторіи, авторъ рисуесть приблизительно такую картину: византійскіе писатели называли первоначальное славянское населеніе въ Македоніи славянами и страну ихъ Словенія (Georgius Cedrenus. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1858). Въ эпоху болгарскаго владѣнія Македоніей и особенно въ эпоху царя Симеона (X вѣкъ) македонскіе славяне назывались политически именемъ болгары, а ихъ землю называли Болгаріей. Это политическое имя постепенно стало принимать и народъ. Согласно же съ утверженіемъ сербскаго ученаго Д-ра В. Джерича, начиная съ древнѣшихъ временъ и вплоть до начала XIX-го вѣка нѣтъ ни одного заслуживающаго довѣрія случая, гдѣ бы македонскіе славяне сами себя называли болгарами или свой языкъ болгарскимъ (?) (См. Д-ръ В. Джерич: *О српској илени у Старој Србији и у Македонији. Београд. 1904*). Съ переходомъ Македоніи во власть сербовъ мѣстное населеніе стало принимать имя србинъ, политическое же имя болгаринъ совершенно исчезаетъ, такъ что «Законникъ» Душана (XIV) уже не знаетъ болгаръ. Вмѣстѣ съ турецкимъ завоеваніемъ Болгаріи и Македоніи въ концѣ XIV-го вѣка (1394), когда Сербія, Боснія, Герцеговина, Зета еще въ теченіе ста лѣтъ оставались свободными (1459, 1463, 1483, 1496), національное имя сербъ въ Македоніи въ эпоху борьбы турокъ съ сербскими областями постепенно, предполагаетъ авторъ, какъ скомпрометтированное предъ турками, стало забываться и уступать мѣсто другому имени,—болгаринъ, имени народа мирнаго, покорнаго, уживчиваго вопреки сербскому народу, буйному, всегда революціонно настроенному противъ своихъ завоевателей; естественно, предполагаетъ авторъ, распространеніе имени болгаринъ въ этомъ фактѣ должно было найти для себя сильную поддержку. Такимъ путемъ въ эпоху турецкаго завоеванія имя болгаринъ вошло въ обиходъ и получило столь странный, немакедонскій обликъ и широкое распространеніе въ Македоніи особенно въ XIX вѣкъ. Когда же Сербія получила свободу, имя сербъ опять было скомпрометтировано предъ турками, и македонскіе славяне тѣмъ болѣе не склонны были возстанавливать свое прежнее имя сербъ и прибѣгали къ болѣе безопасному имени—болгаринъ.

Авторъ считаетъ этотъ процессъ психологически совершенно естественнымъ и понятнымъ.

Выводъ автора:—Македонскіе славяне въ настоящее время не имѣютъ, какъ не имѣли и раньше, національнаго чувства ни сербскаго ни болгарскаго и, не имѣя своего національнаго имени, принимали сербское имя, а въ послѣднее время приняли имя болгарское. Затѣмъ авторъ останавливается на этнографической картѣ А. Буэ (A. Boué)—*Ethnographische Karte des osmanischen Reiches europäischen Theiles und von Griechenland*. Berghaus Phys. Atlas VIII Taf. 19. 1847 г., на которой Македонія окрашена болгарской краской. Цвѣтъ говоритъ, что этою именно картою была внесена въ европейскую науку основная ошибка, что македонскихъ славянъ можно причислить къ одной изъ двухъ балканскихъ славянскихъ народностей. Самъ авторъ карты не зналъ ни болгарскаго ни сербскаго языка и окрасилъ Македонію болгарской краской только на основаніи того, что слышалъ, что македонскіе славяне называютъ себя болгарами. Кромѣ того, при изданіи своей карты авторъ пользовался описаніями путешествій—*Pouqueville's*, *Cousinéry* и *Griesebach's*. Первый былъ французскимъ консуломъ, путешествовалъ въ началѣ 19 вѣка по Греціи, отчасти Турціи и по Македоніи, интересовался преимущественно археологіей и могъ говорить о болгарахъ только на основаніи того, что такъ ихъ называли его спутники—греки.

Cousinéry—тоже французскій консулъ (Солунь) и археологъ называетъ македонцевъ болгарами, но склоненъ видѣть въ нихъ древнихъ македонцевъ, пеонувъ и др., усвоившихъ у славянскихъ завоевателей ихъ языкъ. (E. E. Cousinéry: *Voyage dans la Macédoine*. Paris, 1831).

По тѣмъ же даннымъ называетъ македонскихъ славянъ болгарами и знаменитый естествоиспытатель Гризебахъ (*Griesebach*: *Reise durch Rumelien und nach Brussa*. Göttingen, 1841), французскій консулъ G. Lejean (*Carte ethnographique de la Turquie d'Europe et des états vassaux autonomes*. *Ergänzungsheft № 4* *Petermanns Mitteilungen*. Gotta. Iustus Pertens 1861), англичанки: G. M. Mackenzie и A. P. Irby (*The Turks, the Greeks and the slavons*. London, 1867), и прекрасный знатокъ Албаніи Hahn (*Reise von Belgrad nach Salonik*. *Denkschriften d. K. A. d. W.; Philos.—naturw.* XI Bd. W. 1867), послужившій важнѣйшимъ источникомъ *Kunерту* при составленіи имъ этнографической карты европейской Турціи,

которая была принята, какъ этнографическая основа на Берлинскомъ конгрессѣ (Н. Kiepert: *Ethnographische übersicht des europäischen Orients. Berlin 1876*). Ни одинъ изъ ислѣдователей, на основаніи которыхъ Кипертъ создавалъ свою карту, не зналъ, говоритъ Цвѣичъ, ни сербскаго ни болгарскаго языка, ни одинъ изъ нихъ не ѣздилъ со специальною цѣлью этнографическихъ изслѣдованій, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что ни одинъ изъ нихъ не могъ замѣтить, что македонскіе славяне не имѣютъ собственнаго національнаго сознанія и что имя «болгаринъ» не имѣетъ этнографическаго значенія.

Общее заключеніе сербскаго ученаго о Македоніи слѣдующее:

Македонія представляетъ собою переходную и спорную зону между сербскимъ и болгарскимъ народомъ, населенную первоначально славянскими племенами, а можетъ быть какимъ либо сербскимъ племенемъ. Для послѣдняго предположенія нѣтъ, правда, данныхъ въ письменныхъ памятникахъ, но по даннымъ лингвистическихъ особенностей македонскихъ говоровъ оно весьма вѣроятно. Завоевали ее и Сербы и Болгары, несомнѣнно мѣстами она колонизована сербами изъ Рашки; она постоянно была подвержена сербскимъ и болгарскимъ вліяніямъ; вѣками здѣсь боролись за преобладаніе сербское и болгарское народное имя и языкъ. Современное положеніе Македоніи—это только одинъ этапъ этой длительной борьбы. Въ подобной странѣ только путемъ тщательнаго и объективнаго изслѣдованія всѣхъ этнографическихъ особенностей можно до нѣкоторой степени рѣшить, какія области ближе къ сербамъ, какія къ болгарамъ; нынѣшнія же этнографическія карты Македоніи построены не на такой именно основѣ, поэтому онѣ, собственно, не этнографическія карты; а такъ какъ онѣ же не построены и на данныхъ этнографіи, то онѣ поэтому и не діалектическія карты. Закрашены онѣ болгарскою краскою единственно только на основаніи распространеннаго имени «бугаринъ». — Указанныя выше соображенія профессора Цвѣича подверглись детальной критикѣ болгарскаго профессора Иширкова въ его прекрасной книгѣ: *Etude ethnographique sur les slaves de Macédoine. Paris 1908* *).

Вопреки утвержденіямъ проф. Цвѣича, что до XIX-го в. области Скопье и Тетово никогда не числились въ составѣ Македоніи, но входили въ качествѣ составной части въ область Старой Сербіи,

*) то же на болгарскомъ языкѣ: «Приносъ къмъ этнографията на македонскитѣ славѣни». 2 изд. С. 1907, Его же: Цвѣичовитѣ възгледи върху этнографията на Македония. Пер. Спис. LXVII, 469.

профессоръ Иширковъ привелъ рядъ неопровержимыхъ данныхъ, относящихся къ XV-му, XVI-му, XVII-му вв., съ убѣдительною доказывающихъ, что указанная Цвѣичемъ области всегда числились составною частью именно Македоніи, понятіе же Старая Сербія—новѣйшаго происхожденія; по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIX-го вѣка оно еще неизвѣстно сербу Вуку Караджичу; впервые оно выступаетъ на картахъ только съ 1845 г. и затѣмъ усиленно пропагандируется сербами съ 70-хъ годовъ, варьируясь на разные лады: то охватывая собою предѣлы владѣній Милутида и Душана, то распространяясь на территорію, гдѣ справляютъ народный обычай — славу, или гдѣ поютъ пѣсни о кралевичѣ Маркѣ и т. п. Пересмотрѣвъ огромную картографическую литературу и сопоставивъ ее съ обширными данными многочисленныхъ путешественниковъ и изслѣдователей, проф. Иширковъ указалъ недостаточное использование г. Цвѣичемъ необходимыхъ матеріаловъ и ошибочность его утверждений, ибо господствующее съ древнѣйшихъ временъ мнѣніе считаетъ сѣверною границею Македоніи горный хребетъ Шаръ—планину.

Съ другой стороны, славянское населеніе Македоніи, вопреки утвержденію профессора Цвѣича, въ своей широкой массѣ, по заявленію проф. Иширкова, имѣетъ совершенно опредѣленное національное сознание и вовсе не представляетъ собою среды, лишенной какого-либо опредѣленного національнаго сознанія, болгарскаго или сербскаго, но предрасположенной весьма легко стать по своимъ чувствамъ и настроенію болгарининомъ или сербомъ, смотря по обстоятельствамъ.

Исторія культурно-національнаго возрожденія Болгаріи, напротивъ, представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, совершенно ясно свидѣтельствующихъ о томъ, что если славянское населеніе Македоніи и заявляло когда либо свои національныя тенденціи, то эти тенденціи были только болгарскими и ни въ коемъ случаѣ не сербскими. Мало того, процессъ возрожденія болгарской народности начинается прежде всего въ Македоніи, и македонцы даютъ первый толчекъ къ національному возрожденію болгаръ, сами при этомъ будучи глубоко проникнуты болгарскимъ національнымъ сознаниемъ.

Въ 1838 году въ Солуни была основана первая болгарская типографія архимандритомъ Хаджи Теодосіемъ, «природнымъ болгарининомъ», какъ его называетъ проф. Григоровичъ, и этотъ «природный болгаринъ», «отецъ болгарскаго книгопечатанія», былъ родомъ изъ Македоніи. Это, говоритъ проф. Дриновъ, не должно

никого удивлять, такъ какъ македонскіе болгары вообще начали процессъ своего возрожденія раньше, чѣмъ восточные болгары. Достаточно вспомнить, что македонцами были и Паисій, съ котораго начинается исторія болгарскаго возрожденія, и Кириллъ Тетовецъ Пейчиновичъ, авторъ одной изъ первыхъ печатныхъ болгарскихъ книгъ, изданной еще въ 1816 г. въ Будинѣ, и Неофитъ Рильскій, патріархъ болгарскихъ учителей, и Христки Павловичъ Дупничанинъ и Іоаннъ Димитріевичъ Охриданинъ, одинъ изъ первыхъ болгарскихъ книгоиздателей въ Царьградѣ, и много другихъ первыхъ дѣятелей на поприщѣ болгарскаго возрожденія. Родомъ изъ Македоніи же были и составители или переводчики тѣхъ книгъ, которыя были напечатаны въ Солунской типографіи— «на простій языкъ болгарскій, къ разумѣнію простому народу».

Типографія Хаджи Теодосія, который не былъ простымъ печатникомъ, но отчасти и писателемъ, работала въ 1838—1839 гг. и вслѣдствіе пожара прекратила свою работу, затѣмъ, поддержанная «родолюбивымъ благодѣтелемъ», Іеромонахомъ Кирилломъ Тетовскимъ, она работала еще съ 1840 г. два-три года и опять сгорѣла, такъ что проф. Григоровичъ въ 1845 г. видѣлъ только уцѣлѣвшія послѣ пожара ея остатки. Преемницами болгарской Солунской типографіи явились болгарскія типографіи въ Константинополѣ и знаменитая Карастояновская типографія въ Самоковѣ.

Въ этой Солунской типографіи, въ 1840 г. была издана книга «Утѣшеніе грѣшнымъ» съ предисловіемъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Блаженъ есть, каже, о любочитатели христіаны, и овой челоувѣкъ преподобній Іеромонахъ Кириллъ, что обретається во монастырь святаго Аванасія, ктиторъ бысть князь Лазаръ Серпскій. За овой отецъ глаголю, аще не бы билъ онъ помогналъ, не би била справена и типография наша, оти беше изгорена и сега надѣме на Бога: оти не ли толко я оправихме, има Богъ и за повише. Но овой блаженій челоувѣкъ со толко трудъ и со божественая реиность за христіанскій любовь седе и приведе овая книжица, глаголемая Утѣшеніе грѣшнымъ. Како седе и собра слово отъ божественное писаніе, отъ Евангеліе, отъ ветхія завѣтъ, отъ псалтирь, и отъ книги глаголемія Илія Миніать, и отъ други примѣрными історіями, да приведе ихъ со толкованіе на *прости языкъ болгарскій долнія Мисіи, Скопскій и Тетовскій...*

На основаніи данныхъ этого предисловія проф. Дриновъ при-

шелъ къ заключенію, что іеромонахъ Кириллъ былъ родомъ изъ Тетовскаго округа Скопльскаго области, тотъ самый іеромонахъ Кириллъ Тетовець Пейчиновичъ, одинъ изъ первыхъ дѣятелей болгарской литературы, который еще въ 1816 г. напечаталъ въ Будапештѣ книгу подъ заглавіемъ «*Огледало*», которая «описася ради potrzeby и пользованія прѣпростѣйшимъ и не книжнымъ языкомъ болгарскимъ долнія Мисіи».

Профессоръ Дриновъ, между прочимъ, приводитъ интересную запись въ одной рукописи, описанной покойнымъ сербскимъ ученымъ Даничицемъ (Сборникъ Юго-славянскаго Академіи: *Starine*, I, 4), принадлежащей дьяку Вѣлко Поповичу, который въ этой записи 1704 года говоритъ о себѣ, что онъ «отъчѣствомъ отъ бѣлгарскіе земли отъ места Кратова».

Кратово находится въ Скопльскомъ санджакѣ. Вышеприведенная запись, въ которой кратовчанинъ Вѣлко Поповичъ говоритъ совершенно ясно о томъ, что его отечество болгарская земля, показываетъ, что жители Скопскаго санджака называли себя болгарами и тогда, когда они были вѣрными духовными чадами сербской патріаршіи, т. е. когда въ 1690 г. этотъ дьякъ Вѣлко вмѣстѣ съ сербскимъ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ и другими христіанами изъ подвластныхъ тогда сербскому патріаршеству болгарскихъ епархій Скопльскаго, Кюстендильскаго и Самоковскаго переселился въ Австрію. И самъ сербскій патріархъ Арсеній Черноевичъ въ одной собственноручной записи говоритъ о подвластныхъ ему сербскихъ, поморскихъ и болгарскихъ земляхъ, въ которыхъ профессоръ Дриновъ предполагаетъ видѣть Скопльскій санджакъ, гдѣ находится Осоговскій монастырь, въ которомъ авторомъ въ 1686 г. и была сдѣлана указанная выше запись.

Сербскій историкъ Иванъ Райчъ въ своей исторіи (1794) говоритъ, что *сербская земля простирается на югъ до Шаръ-планины и Македоніи*; по его же опредѣленію, *Косово поле граничитъ съ Болгаріей* (стр. 194), т. е. сербскій историкъ въ концѣ XVIII в. считалъ Скопльскую область уже болгарской землей.

Византійская писательница Анна Комнина называетъ Скопльскую область предѣлами Мизіи. Болгарскій царь Константинъ Тѣхъ называетъ Скопльскую область своею «Дольней землей». Этотъ Константинъ Тѣхъ жилъ до Душана; послѣ Душанова времени имѣется показаніе нѣмецкаго путешественника Арнольда Харжъ,

который въ 1499 году назвал Скопльскую область inferior Bulgaria т. е. «Нижняя Болгарія». (См. М. С. Дриновъ: Първата българская типография въ Солунъ и нѣкои отъ напечатанитѣ въ нея книги. «Период. Спис.» XXXI).

Напомню, наконецъ, читателю, что и современный сербскій историкъ Ст. Станојевичъ въ 1908 г. на страницѣ 182 своей «Истории сербскаго народа» совершенно опредѣленно говорить о Македоніи, какъ области, простирающейся на югъ отъ Шаръ-планины.

Такимъ образомъ, попытка нѣкоторыхъ сербскихъ ученыхъ или вовсе вычеркнуть изъ географическихъ картъ Македонію, какъ это дѣлаетъ профессоръ Андоновичъ, или же сузить ея предѣлы, отодвинувъ значительно къ югу ея сѣверную границу, какъ это дѣлаетъ профессоръ Цвѣичъ и его вѣрноподанные соратники, должна быть признана покушеніемъ съ негодными средствами: Македонія, въ современномъ смыслѣ этого термина, представляетъ собою совершенно опредѣленную территорию, заключенную между—р. Места на Востокѣ, р. Бистрицей на Югѣ, Охридскимъ оз. и горнымъ хребтомъ Шаръ-планина на Западѣ и сѣв.—западѣ и р. Болгарской Моравой на сѣверѣ, и какъ бы сербы ни ухищрялись ее денационализировать, македонецъ—болгаринъ никогда не забудетъ дѣйствительныхъ границъ своей угнетенной родины: отъ р. Бистрицы и до р. Моравы, отъ Охридскаго озера и Дебры до р. Месты.

Сербы во главѣ съ профессоромъ Цвѣичемъ утверждаютъ, что имя «*бугаринъ*», которымъ называетъ себя македонское население и которымъ называютъ его сосѣди—греки, албанцы, турки, сербы, не представляетъ собою въ дѣйствительности имени народа, т. е. не носитъ вовсе этническаго характера, но заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, понятіе о простомъ образѣ жизни и, съ другой стороны, понятіе о трудовой народной массѣ, говорящей по славянски.

Прежде всего, интересно отмѣтить, что македонскіе славяне называютъ себя не только именемъ «бугаринъ», что единогласно засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ ученыхъ и путешественниковъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи отмѣчены также и другія формы того же имени въ родѣ, напр., *болѣринъ* (с. Лобаница)—въ южной Македоніи, *булѣринъ* (гг. Неврокопъ, Сересь, Петричъ)—въ

восточной Македонии, *бѳгаринѳ* (с. Рѳсенъ)—въ западной Македонии у Охридскаго озера и, наконецъ, *бугаринѳ*—г. Кукушь.

Проф. Шишмановъ, детально разсмотрѳвший вопросъ о происхожденіи предковъ нынѳшнихъ болгаръ и подвергшій обстоятельному анализу имя народа (см. его статью: «*Критиченѳ прѳгледѳ на въпроса за произхода на прѳбългаритѳ*». — Сборникъ за народни умотворенія... кн. XVI—XVII, Соф. 1900), пришелъ къ заключенію, что имя—«бугаринѳ», представляя собою, несомнѳнно, сербскую форму,—ибо въ современномъ сербскомъ языкѳ гласная л общеславянскаго праязыка въ извѳстномъ положеніи имѳетъ своимъ соответствіемъ всегда гласную у, въ родѳ, напр., вук (ст. сл. *вѳдѳнѳ*) и т. п.,—что это имя народа въ сербскомъ обличіи осталось у македонскаго населенія съ XIV в., съ эпохи сербскаго владычества Душана, чѳмъ и объясняется то обстоятельство, что форма бугаринѳ употребляется сейчасъ въ Македоніи и въ тѳхъ діалектахъ, которые на ряду съ *бугарин* въ другихъ словахъ имѳютъ другое, не сербское соответствіе для общеславянской гласной л, напр., въ дебарскихъ діалектахъ, гдѳ вм. *бугарин* можно было бы ожидать, по общему правилу для даннаго говора, формы *бѳгарин* или *бѳларин* и т. д. Словомъ, это несоответствіе данной формы общему фонетическому строю говора несомнѳнно указываетъ на то, что эта форма не мѳстнаго происхожденія, но что для даннаго говора она представляетъ собою языковой пережитокъ извѳстнаго историческаго прошлаго; присутствіе же въ другихъ македонскихъ говорахъ того же слова, но въ формѳ, гармонирующей съ общимъ фанетическимъ строемъ говора, въ родѳ, напр., *бѳгарин* (с. Рѳсенъ), *бѳларин* (гг. Корча, Костуръ), *бѳгарин*—въ Солунскомъ округѳ указываетъ, несомнѳнно, на то, что данная форма мѳстнаго происхожденія. Для насъ совершенно ясно, что сербы, явившійся обладателями Македоніи въ XIV в., называли македонскихъ славянъ болгарами и нашли здѳсь населеніе, которое называло себя болгарами, а болгарами оно называло себя потому, что еще съ X в. оно уже было объединено вмѳстѳ съ цѳлымъ рядомъ другихъ славянскихъ племенъ въ болгарскіи политическій союзъ, въ болгарское государство, противопоставлявшее себя другому такому же политическому союзу, сербскому государству въ Рашской области.

Утвержденіе проф. Цвѳича, а вмѳстѳ съ нимъ и гг. Цемовича, Белича и проч. о происхожденіи термина «бугаринѳ» и его

истинномъ значеніи, а также ихъ утверженіе, что македонскіе сербы якобы изъ боязни турецкихъ преслѣдованій стали называть себя бугарами, нельзя не признать крайне натянутымъ, невѣроятнымъ; напротивъ, мы отъ всей души должны протестовать противъ этой профанациі народной души, приписывающей македонскому населенію факты, нигдѣ небывалые въ исторіи человѣчества...

Начиная съ XIV в., въ нашемъ распоряженіи уже имѣются данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Македонія въ это время, т. е. еще въ эпоху сербскаго владычества, извѣстна какъ болгарская область, и ея сербскіе властители нерѣдко называются царями Болгаріи, какъ, напр., названъ сербскій король Вукашинъ—*re de Bulgaria* или: *re de Servia e Bulgaria* въ исторіи: *Breve Memoria de li discendenti de nostra casa Musachi*—XV в.; здѣсь же сербскій царь Лазаръ названъ—*despoto de Servia*, а македонскій владѣтель Король Марко—*re di Bulgaria*. Путешественникъ XV в., рыцарь *Arnold von Harff* (1499 г.) называетъ сѣверную Македонію *Bulgaria Superior provincia*. Къ XVI в. относится показаніе Хаджи Хальфа о болгаряхъ, какъ основномъ населеніи Македоніи. Въ XVIII в. (1794—1795) въ Вѣнѣ была издана книга серба Ивана Раича подъ заглавіемъ: *Исторія славянскихъ народовъ*; здѣсь южными границами Сербіи были указаны—горный хребетъ Шаръ и Македонія, и эти же границы въ 1887 г. были положены сербскимъ профессоромъ Каричемъ въ основу опредѣленія границъ Сербіи въ его капитальномъ сочиненіи: *Сербія* (Б. 1887). Другой сербъ Соларичъ въ своей «*Географіи*», изданной въ Вѣнѣ въ 1804 г., говоритъ, что Сербія лежитъ къ западу отъ Болгаріи и расположена между горнымъ хребтомъ Шаръ—планина и Дунаемъ. Наконецъ, и знаменитѣйшій изъ сербовъ Вукъ Караджичъ въ своемъ «*Географическомъ и статистическомъ описаніи Сербіи въ 1827 г.*» опредѣлялъ территорію Сербіи границами: Шаръ—планина, р. Дунай, Стара-планина, рр. Дринъ и Лима, и ни слова не говорилъ о Старой Сербіи: она ему была неизвѣстна.

Въ 60—80 гг. въ Сербіи господствуетъ опредѣленное убѣжденіе, что населеніе Македоніи—болгары, и областями Старой Сербіи сербскіе писатели въ это время категорически считаютъ Боснію, Герцеговину, Ново-Базарскій санджакъ и Метохию. Однако, уже въ первой половинѣ 60-хъ годовъ наряду съ этимъ господствующимъ убѣжденіемъ въ Сербіи создается политическое теченіе, которое

своею національною задачею провозглашаетъ возстановленіе Душанова царства. Это національное теченіе, представленное Панта Сречковичемъ, Милойко Милоевичемъ и Драгашевичемъ, на первыхъ порахъ встрѣтило въ рядахъ сербской радикальной интеллигенціи скептическое и отрицательное къ себѣ отношеніе: «Это все болгарское, — говорилъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія крестьянамъ одного села *дѣйствительной* Старой Сербіи: это вамъ Милоевичъ вскружилъ голову такими глупостями! Мы не хотимъ ссориться съ братьями болгарами». — Въ это же время Сербское Ученое Дружество издало на свой счетъ македонскія пѣсни Верковича подъ названіемъ болгарскихъ (1860) и отказало Милоевичу въ субсидіи на поѣздки и въ изданіи собранныхъ имъ матеріаловъ, которые онъ упорно считалъ «сербскими». (См. П. Н. Милуковъ: *Сербо-болгарскія отношенія по македонскому вопросу*. Сборникъ журнала «Русское Богатство», СПб. 1900, стр. 255). И только съ теченіемъ времени, благодаря, съ одной стороны, усиленной агитаціи путемъ рѣчей и брошюръ, съ другой стороны, въ тѣсной связи съ развитіемъ сербско-австрийскихъ политическихъ отношеній и опредѣлявшихся политическихъ судьбъ Сербіи, идея о принадлежности всей ли Македоніи или только ея извѣстной части-Скопіе и Тетово—къ Старой Сербіи дѣлала все большіе и большіе успѣхи и пріобрѣтала права гражданства въ сознаніи сербскаго общества. До этого же времени, т. е. до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія сербы не обнаруживаютъ никакихъ притязаній на Македонію, считаютъ ея сѣверною границею, отдѣляющею Македонію отъ исконно сербской территоріи, горный хребетъ Шаръ-планину и населеніе Македоніи и съ точки зрѣнія языка болгарскимъ. Что же удивительнаго въ томъ, что ту же точку зрѣнія раздѣляли всѣ путешественники и изслѣдователи Македоніи первой половины XIX ст., категорически и опредѣленно считая македонскихъ славянъ болгарами, и сербы (гг. Цвѣичъ, Беличъ и др.) совершенно напрасно пытаются дискредитировать это единогласное показаніе ссылкой на невѣжество путешественниковъ, на ихъ лингвистическую неподготовленность къ рѣшенію вопроса въ ту или другую сторону, на ихъ методологическую ошибку, выразившуюся въ томъ, что свое пріуроченіе славянскаго населенія къ болгарской народности они обосновывали на

ошибочно понятіи значеніи термина бугаринъ. (См. цитир. соч. Белича, стр. 68 и сл.). Дѣло вовсе не въ томъ, что македонцы сами себя называютъ болгарами, а въ томъ, что имя болгаринъ имѣетъ въ Македоніи извѣстныя, очень давнія историко-этнографическія реминисценціи.

Въ 1822 году вышла въ свѣтъ знаменитая въ исторіи славянской науки и просвѣщенія книга на сербскомъ языкѣ, написанная незабвеннымъ Вукомъ Караджичемъ подъ заглавіемъ: *«Додатак к санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчицицима свију језика и нарјечија, с особитимъ огледима бугарској језика.»*—Эта книга знаменита въ томъ отношеніи, что ею впервые сербъ Вукъ Караджичъ извлекалъ на свѣтъ Божій забытый тогда всѣми болгарскій языкъ, причемъ за норму болгарскаго языка въ этомъ своемъ сочиненіи Вукъ Караджичъ взялъ одинъ изъ македонскихъ говоровъ, именно разложскій говоръ и въ качествѣ образцовъ болгарскаго языка приложилъ нѣсколько пѣсенъ, сообщенныхъ ему «болгарами» изъ Разлога. Огромное значеніе этого факта для насъ станетъ яснымъ, если мы вспомнимъ, что эпоха Вука Караджича въ Сербіи была эпохою культурно-національнаго пробужденія и подъема національнаго самоопредѣленія сербскаго народа, и если одинъ изъ лучшихъ сыновъ своего народа въ эпоху наивысшаго подъема національнаго сознанія говоритъ намъ о языкѣ извѣстной части славянскаго населенія Македоніи, какъ о языкѣ болгарскомъ, а о населеніи ея, какъ о болгаряхъ, намъ этотъ фактъ говоритъ гораздо больше всѣхъ фантазій и досужихъ измышлений гг. Цвѣичей и Беличей о томъ, что имя «бугаринъ» въ Македоніи не означаетъ этнографической принадлежности народа къ болгарской народности, но представляетъ собою какой то особенный терминъ, который досужая фантазія г. Цвѣича склонна толковать иносказательно, а не такъ, какъ толковать его непредубѣжденному сознанію подсказываетъ общечеловѣческій здравый смыслъ. Съ другой стороны, показаніе Вука Караджича для насъ цѣнно, какъ извѣстный историческій документъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ началѣ XIX ст. у сербовъ на счетъ Македоніи не существовало еще никакихъ сомнѣній, населеніе ея признавалось болгарами, а языкъ его болгарскимъ.

Въ 1836, 1837 и 1838 гг. изслѣдовалъ европейскую Турцію французскій ученый Ami Boué выпустившій въ 1840 г. въ Парижѣ

свою книгу: *La Turquie d'Europe*, въ которой господствующее ядро македонскаго населенія онъ назвалъ болгарами, объединивъ его въ одно этнографическое цѣлое съ болгарскимъ населеніемъ нынѣшняго болгарскаго царства.

Въ 1839 г. Македонію посѣтилъ нѣмецкій натуралистъ Griesebach (*Reise durch Rumelien. Göttingen, 1841*). Этотъ изслѣдователь точнѣе опредѣлилъ южную болгаро-греческую этнографическую границу, отмѣтилъ точнѣе распространеніе албанцевъ въ смежныя македонскія области, высказался о трудности точнаго опредѣленія границы болгаро-сербской, въ виду языковой близости этихъ двухъ народностей и постепенности перехода отъ одного языка къ другому, и несмотря на это, населеніе Скопльскаго пашалыка онъ назвалъ болгарскимъ съ примѣсью албанцевъ у Дебра и Шаръ-планины, а въ составъ Скопльскаго пашалыка въ его время входили: Скопѣ, Качаникъ, Тетово, Кичево, Дебрь, Кюстендиль, Кратово, Куманово, Паланка, Штипъ, Радовичъ, Струмица и Мельникъ, т. е. вся область нынѣшней центральной и сѣверной, сосѣдней съ Сербіей, Македоніи.

Я не буду говорить о цѣломъ рядѣ другихъ путешественниковъ и изслѣдователей Македоніи, въ родѣ француза Cousinerey, издаваго въ 1831 г. въ Парижѣ книгу подѣ заглавіемъ; *Voyage dans la Macedoine, contenant des recherches sur l'histoire, la geographie et les antiquités de ce pays, t. I et II*, или извѣстныхъ англичанокъ Mackenzie и Irby, напечатавшихъ въ 1867 г. въ Лондонѣ книгу подѣ заглавіемъ: *Turks, the Greeks, and the Slavons*, а также о нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователяхъ Македоніи, осмѣлившихся, вопреки нынѣшней сербской точкѣ зрѣнія, признать въ славянскомъ населеніи Македоніи болгаръ, а не сербовъ, не буду останавливаться подробнѣе на точкѣ зрѣнія этихъ изслѣдователей потому, что сербы считаютъ ихъ невѣжами и ихъ показаніямъ не придаютъ никакой цѣны, но я не могу пройти молчаніемъ и подробно остановлюсь на знаменитомъ трудѣ нашего покойнаго слависта Викт. Ив. Григоровича, посѣтившаго Македонію въ 1844 году и по возвращеніи изъ Македоніи въ 1848 г. издаваго свою знаменитую и прекрасную, какъ съ точки зрѣнія своего содержанія, такъ въ частности, и съ точки зрѣнія отраженія въ ней свѣтлой личности выдающагося русскаго слависта,—книгу подѣ заглавіемъ: *«Очеркъ путешествія по европейской Турціи»* (2-е изд. Москва, 1877). Этой книгѣ по многимъ причинамъ

суждено было сыграть очень крупную роль въ славянской наукѣ и, между прочимъ, въ рѣшеніи вопроса о народности македонскихъ славянъ: послѣ посѣщенія Македоніи проф. Григоровичемъ и выхода въ свѣтъ его книги въ наукѣ утвердилось мнѣніе, что Македонія представляетъ собою болгарскую область, и население ея болгарское. Данныя проф. Григоровича слѣдующія: отъ г. Солуны до г. Енидже русский путешественникъ отмѣтилъ 23 села; поселеніе ихъ, замѣчаетъ онъ, преимущественно болгарское, которое начинается у самаго Солуны, съ западной стороны; на востокъ отъ Солуны проф. Григоровичъ отмѣчаетъ болгарское село Киречкой или Новосело и 20,000-ное болгарское население на полуостровѣ Касандрѣ. Не доѣзжая до Енидже, въ с. Алаклиси или Апостоли 80 домовъ отмѣчены русскимъ славистомъ принадлежащими болгарскому населенію. Направляясь отъ Енидже къ Битолю и пройдя 59 селъ, проф. Григоровичъ въ районѣ центральной Македоніи опять отмѣчаетъ болгаръ, какъ основное население, и кромѣ того указываетъ на присутствіе здѣсь же, въ качествѣ примѣси, валаховъ и турокъ. Водена (прежде Эдесса), говоритъ проф. Григоровичъ, заключаетъ народонаселеніе смѣшанное, котораго главную часть однакожъ составляютъ болгаре (стр. 93) Островъ, примѣчательное село у нагорнаго озера, продолжаетъ Григоровичъ, заселено наполовину болгарами и турками... Я провела здѣсь ночь въ избушкѣ честнаго и умнаго болгарина; его простая бесѣда пояснила бытъ этого племени и познакомила съ его языкомъ (стр. 94). Въ Битолѣ Григоровичъ посѣтилъ митрополита Герасима, котораго титулъ, замѣчаетъ путешественникъ, теперь— *митрополитης πελαγονίας και ἑξαρχος πάσης ἀνω μακεδονίας*, вмѣсто прежняго: *ἑξαρχος πάσης ἀνω βουλγαρίας* *).

*) Титулы греческихъ македонскихъ митрополитовъ по даннымъ *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*—Ралли и Потли 1855 г.: 1) *ὁ κατωρίας ὑπερτίμος καὶ ἑξαρχος πάσης παλαιᾶς βουλγαρίας*—Костурскій всесвѣтнѣйшій и экзархъ всей старой Болгаріи; 2) *Ὁ Στρομνιτικῆς καὶ Τιβεριουπόλεως ὑπερτίμος καὶ ἑξαρχος Βουλγαρικῆς Μακεδονίας*—Струмницкій и Тиверіупольскій всесвѣтнѣйшій и экзархъ болгарской Македоніи.

Однако, уже въ 1888 г. въ патріаршемъ органѣ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*—Костурскій митрополитъ титулуется: *Ὁ Κατωρίας ὑπερτίμος καὶ ἑξαρχος ἀνω Μακεδονίας*—Всесвѣтнѣйшій костурскій и экзархъ верхней Македоніи; Струмницкій—*Ὁ Στρομνιτικῆς καὶ Τιβεριουπόλεως ὑπερτίμος καὶ ἑξαρχος Μακεδονίας*—Всесвѣтнѣйшій Струмницкій и Тиверіупольскій и экзархъ Македоніи.

Въ Битолѣ, отмѣчаетъ Григоровичъ, живутъ болгаре, македоно-валахи и албанцы. Мнѣ сказывали, продолжаетъ онъ, и я самъ замѣтилъ, что болгаре составляютъ большинство... (стр. 96). Охрида, по Григоровичу, населена болгарами, валахами, турками, отчасти также греками и албанцами (стр. 101), при чемъ болгаре здѣсь многочисленнѣе другихъ народностей. Охридскіе болгаре, по наблюдениямъ Григоровича, отличаются образованіемъ и живостью характера, но природный языкъ ихъ сильно подавленъ греческимъ влияніемъ, такъ что во внѣшнихъ сношеніяхъ охридскіе болгаре съ трудомъ объясняются на своемъ родномъ языкѣ, который—«получаетъ лишь свои права въ тѣсномъ семейномъ кругу, оживляемомъ присутствіемъ женщинъ».—Напрасно пытался было я, говоритъ авторъ нѣсколькими строками ниже, узнать

До начала апрѣля м. 1871 г. Костурскій митрополитъ носилъ титулъ—*επισκοπος και ἑταρος πατρος παλαιῆς Βουλγαρίας*, но по распоряженію изъ Патріархіи послѣ этого сталъ величаться—*ἐκ τῆς Μακεδονίας*, т. е. верхней Македоніи. Это измѣненіе титула произвело неблагоприятное впечатлѣніе на паству, и когда въ костурскую епархію былъ назначенъ митрополитомъ Кириллъ, костурскіе болгары въ Константинополѣ явились къ нему въ Фенеръ и просили его впредь величаться въ богослуженіи титуломъ—Всечестнѣйшій и Экзархъ всей Болгаріи, какъ было встарину. Струминицкій митрополитъ до 1881 г. титуловался какъ Экзархъ болгарской Македоніи, съ этого же года титулъ его былъ измѣненъ, и онъ сталъ величаться—Экзархомъ верхней Македоніи. Авторъ замѣчаетъ: Исторія патріаршіи и нѣкоторыхъ митрополичьихъ кафедръ въ Македоніи показываетъ, что вселенскіе патріархи не упускали изъ виду того, что необходимо значенію митрополичьихъ величаній придавать историческую основу, и что они когда-то принимали во вниманіе народность населенія подвѣдомственныхъ имъ епархій. Но такъ бывало до того момента, пока у болгаръ въ этихъ епархіяхъ не пробуждалось ихъ національное сознание, но какъ только такое сознание возникло, патріаршіи распоряжались измѣнить соотвѣтственный титулъ, который служилъ для населенія напоминаніемъ, что оно болгарское. (См. замѣтки гг. Шопова и Дринова въ «Период. Спис.» XXXI—XXXII).

Г. Кънчевъ открылъ въ Охридской св. Софіи надпись: ΑΓΙΑ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΙ ΒΟΥΛΓΑΡΙΑΣ. Этотъ титулъ охридская епископія носила во второй половинѣ XI и до середины XII в. Вдѣланная при построеніи храма (XI в.), эта надпись свидѣтельствуетъ о томъ, что охридскій кафедральный храмъ св. Софіи построенъ именно какъ кафедра болгарскихъ автокефальныхъ іерарховъ. Интересно отмѣтить, что греческіе іерархи, занимавшіе охридскую кафедру начиная съ XI в., сдѣлавшіе греческій языкъ официальнымъ языкомъ болгарской церкви, ревностно защищали автономность этой церкви противъ патріаршіи. (Замѣтка Дринова «П. Спис.» XXII, 360).

о ближайшемъ даже событіи, *исподствъ сербовъ, хотя слѣды ею видны были въ рукописяхъ, надписяхъ и въ живомъ языкѣ* (стр. 102). Жители г. Струги, по Григоровичу, болгаре и албанцы, магометане и христіане (стр. 107); г. Ресна (Ресень) заселенъ болгарами (стр. 114); жители г. Серреса — турки, болгаре, македоняне и греки, при чемъ послѣдніе два элемента замѣтно подавляютъ болгарскій (стр. 121). При посѣщеніи монастыря св. Іоанна Предтечи въ окрестностяхъ г. Серреса, проф. Григоровичъ былъ благоклонно принятъ иноками, — „*прикрывающими греческии языкѣ свое болгарское происхождение*“ — (стр. 122); населеніе серрской и неврокопской казъ по преимуществу болгарское; кромѣ болгаръ въ этомъ районѣ путешественникомъ отмѣчены турки и греки (стр. 123); населеніе г. Меленика (Меленикъ) — болгаре (стр. 124).

Профессоръ Беличъ на страницѣ 41 своей книги „*Сербы и болгары въ балканскомъ союзѣ*“, повторяя чужія мысли (г-на Цвѣича), утверждаетъ, что на основаніи невѣрно понятаго названія «бугари» и его широкаго употребленія у турецкой администраціи, даже по отношенію къ населенію восточной и южной Сербіи, не только этнографы XIX в., не знавшіе языка и не имѣвшіе возможности войти въ суть національно-этнографическаго вопроса о македонцахъ, *но даже иногда и слависты филологи стараго времени*, а также научно неподготовленные путешественники и журналисты — заключали о болгарскомъ этнографическомъ типѣ не только Македоніи, но и восточной и южной Сербіи. При вѣрномъ же пониманіи этого названія, полученнаго, какъ сказано, извнѣ, ясно, что подъ нимъ не можетъ скрываться никакого этнографическаго или національнаго самосознанія самихъ македонцевъ...

Итакъ, съ точки зрѣнія г. Белича, славистъ-филологъ стараго времени, покойный проф. Григоровичъ на основаніи, яко бы, невѣрно понятаго названія «бугаринъ» заключалъ о болгарскомъ этнографическомъ типѣ Македоніи, а потому и его свѣдѣнія и соображенія не могутъ имѣть никакого научнаго значенія? Да, для г. Белича, слависта-филолога *новаго времени*, какъ извѣстно, въ діалектическихъ изысканіяхъ нѣтъ болѣе авторитетнаго лица, чѣмъ самъ г. Беличъ, но для насъ, наряду съ г. Беличемъ большимъ авторитетомъ въ области изученія южнаго славянства попрежнему остается все-таки славистъ-филологъ стараго времени, покойный В. Ив. Григоровичъ, авторъ классической книги, въ которой

наука согрѣта такою сильною любовью и задушевною сердечностью къ славянству и его культурѣ, ибо, хотя, по словамъ историка славянской филологіи, Викторъ Ивановичъ и не былъ грамматикомъ по специальности, все же путешествіе по Македоніи и Болгаріи дало ему возможность сдѣлать *нѣкоторыя важныя наблюденія*: такъ, напр., онъ замѣтилъ значительную разницу между восточными и западными болгарскими говорами, на югъ отъ Битоля онъ услышалъ остатки носового произношенія (проф. Ягичъ. *Исторія славянской филологіи*, стр. 345).

Изъ словъ самого путешественника по Балканскому полуострову и изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ для непредубѣжденного читателя совершенно ясно видно, какъ онъ внимательно, серьезно и съ глубокой основательностью отнесся къ одной изъ основныхъ задачъ своего путешествія—«наблюденію надъ особенностью нарѣчій», и это въ ту эпоху, когда о славянской діалектологіи еще не было и рѣчи. При невозможности обозрѣть область болгарскаго языка во всей его обширности, говоритъ Григоровичъ, я старался, по крайней мѣрѣ, коснуться тѣхъ мѣстъ, гдѣ, повидимому, я долженъ былъ найти особенности нарѣчій языка. Собственно, въ основаніи плана путешествія лежала всегда мысль—собирать свѣдѣнія въ странахъ, которыхъ географическое положеніе условливало раздѣленіе нарѣчій. Поэтому достигалъ я границъ Албаніи, углублялся въ доспатскія горы, сходилъ въ долину Фракійскую и два раза посѣщалъ подунайскую Болгарію (стр. 162),—и затѣмъ авторъ рассказываетъ о томъ, какъ трудно было ему—«преслѣдованіе этой цѣли». Я успѣлъ, говоритъ авторъ, собрать нѣкоторое количество пѣсенъ, которыхъ число, при изданіи ихъ, должно убавиться, ибо многія изъ нихъ не имѣютъ смысла, другія недостоверны по языку, Вообще, болгаре знакомы или съ турецкимъ или съ греческимъ языкомъ, и это обстоятельство *лышаетъ дѣлать изъ перваго разговора заключенія о природнолг ихъ языкъ*. Только въ домашнемъ быту ихъ, при участіи женскаго пола, который, какъ извѣстно, очень робокъ, *возможно было линъ сообразать о лексикальнолг богатствѣ и постоянныхъ ею фортахъ*. Особенно въ Македоніи Болгаре, при встрѣчахъ, мало заботятся о выборѣ словъ, и, иногда, говорятъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ трехъ. Но коль скоро въ кругу своего семейства болгаринъ почувствуетъ себя непринужденнымъ, разговоръ его дѣлается яснѣе, получаетъ до значительной степени чистоту и

носить отпечатокъ древней полноты (стр. 163). Наконецъ, на стр. 164 авторъ устанавливаетъ свое знаменитое, удерживающее въ полной силѣ свое научное значеніе и до сихъ поръ, дѣленіе всей области болгарскаго языка на двѣ половины: *западную*, обнимающую—«всю Македонію до доспатскихъ горъ» и, по направленію ихъ къ сѣверу, включающую часть подунайской Болгаріи до самаго Видина, и *восточную*, т. е. страну на востокъ отъ Доспота и на сѣверъ и югъ Балкана. Въ основу этой своей классификаціи болгарскихъ нарѣчій проф. Григоровичъ положилъ цѣлый рядъ характерныхъ фонетическихъ и морфологическихъ признаковъ, какъ то: 1) произношеніе славянскаго Ѡ въ западномъ нарѣчій какъ а, въ восточномъ какъ ѡ («сохранило отгѣнокъ древняго произношенія въ глухомъ тонѣ»); 2) окончаніе 1-го лица настоящаго времени въ западн. нарѣчій на ем, им, въ восточномъ на а; 3) произношеніе Ѣ въ западномъ нарѣчій какъ е, въ восточномъ какъ я и т. д.

Итакъ, въ 1844 г. проф. Григоровичъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ языкомъ, бытомъ и нравами славянскаго населенія Македоніи, въ связи съ наблюденіями надъ языкомъ придунайскихъ болгаръ, отнесъ македонскихъ славянъ по языку къ болгарской народности. Такимъ образомъ, упорно поддерживаемая сербами легенда о томъ, что всѣ путешественники и ученые XIX вѣка, называющіе македонцевъ болгарами, исходили въ своихъ заключеніяхъ изъ ложно понятаго ими термина «бугары», которымъ македонцы называютъ себя, совершенно опровергается въ данномъ случаѣ установленнымъ нами строгимъ характеромъ изслѣдованія болгарскаго языка покойнаго русскаго слависта.

Интересно отмѣтить также и слѣдующій фактъ: 14 македонскихъ пѣсенъ изъ собранія Григоровича въ 1847 году были напечатаны въ сербо-хорватскомъ журналѣ «*Коло*», и редакторъ этого журнала, знаменитый сербъ Станко Вразъ, снабдившій эти пѣсни своими примѣчаніями, призналъ въ языкѣ этихъ пѣсенъ болгарскую рѣчь.

Въ 1860 г. въ Бѣлградѣ вышелъ трудъ боснійскаго серба Верковича: „*Народне песме македонскихъ бугара*“, а въ 1868 году въ Москвѣ вышелъ и другой трудъ того же автора: „*Описаніе быта македонскихъ болгаръ*“. Первая изъ этихъ двухъ книгъ была посвящена авторомъ сербской княгинѣ Юліи, супругѣ князя Михаила Обреновича.

Относительно населенія въ Македоніи авторъ былъ убѣжденъ въ томъ, что это населеніе говоритъ на самомъ чистомъ болгарскомъ языкѣ, начиная отъ самой сѣверной границы Македоніи-горы Люботринъ (сѣв.-вост. оконечность хребта Шаръ-Планины) и до самой южной ея границы — Средиземнаго моря. Положимъ, сербъ Верковичъ былъ плохимъ лингвистомъ, но то обстоятельство, что въ языкѣ славянскаго населенія Македоніи онъ, сербъ по національности, не нашелъ тождества съ языкомъ сербскимъ, что въ славянскомъ населеніи Македоніи онъ не призналъ сербовъ, а призналъ болгаръ, указываетъ, по крайней мѣрѣ, съ несомнѣнностью на то, что вопросъ о національности македонцевъ въ 60-хъ годахъ не вызывалъ въ Сербіи никакихъ сомнѣній: сербы тогда считали македонцевъ болгарами.

Этому же сербу Верковичу суждено было впоследствии сыграть очень крупную роль и въ опредѣленіи границъ Санъ-Стефанской Болгаріи, такъ какъ имъ были доставлены графу Игнатьеву чрезъ русскаго консула въ Солуни этнографическія и статистическія данныя, которыя и легли въ основу санъ-стефанскаго договора. Проф. И. Д. Шишмановъ недавно напечаталъ въ „Пръчи“ (№ 139 (2451) отъ 24 мая 1912 г.) нѣсколько выдержекъ изъ интереснаго письма Верковича къ академику Вл. Ив. Ламанскому по поводу сербскихъ притязаній на Македонію, въ которомъ, между прочимъ, имѣются такія строки:

... Какъ видно изъ газетъ, сербы представляютъ совсѣмъ безсовѣстныхъ претензіи въ разсмотрѣніи своихъ границъ, основывая свои права на какихъ то фантастическихъ и баснословныхъ преданіяхъ исторіи, ибо не должно поступать на основаніи бывшаго, а настоящаго, т. е. полагать естественныя границы каждаго племени до того мѣста, гдѣ кончается его языкъ. По этому природному неприкосновенному праву не только скоплянскій, нишскій и виддинскій санджаки не сербскіе... но даже и въ самомъ княжествѣ сербскомъ есть около 200,000 душъ, говорящихъ такъ же, какъ жители 3-хъ вышеупомянутыхъ санджаковъ, т. е. на чисто болгарскомъ языкѣ, слѣдовательно, принадлежать болгарской, а не сербской вѣтви. Упомянутые 200,000 душъ болгаръ проживаютъ въ округахъ Крушевачскомъ, Неготинскомъ и Алексинацкомъ до города Чупріи на Моравѣ. По моему мнѣнію, основываясь на сербской теоріи о народностяхъ, все принадлежало бы Болгаріи до Паратина и города Чупріи на Моравѣ въ Сербіи, тогда

какъ, наоборотъ, сербы присваиваютъ себѣ чуть ли не три части Болгаріи, называя ее Старою—Сербіей. Неслыханныя домогательства сербовъ простираются до того, что они нисколько не стѣсняются лгать предъ цѣлымъ свѣтомъ, говоря: сербъ изъ Ниша, сербъ изъ Пирота, сербъ изъ Лесковца, сербъ изъ Врани, Куманова, Водена, Скопля, Велеса, Дибры, Кюстендила, Самокова, Видина, Софіи, Сереса и т. д...

Если вышеупомянутые принадлежатъ по языку сербамъ, то тогда можно сказать, что нѣтъ на свѣтѣ болгаръ, и, слѣдовательно, имъ нужно отдать весь Балканскій полуостровъ... Истинной границей между сербами и болгарами, продолжаетъ Верковичъ, является Шаръ-планина...

Въ 1861 году въ Загребѣ былъ напечатанъ извѣстный сборникъ братьевъ Миладиновыхъ „*Български народни пѣсни*“. Уроженцы македонскаго городка Струги, сосѣдящаго съ дербскимъ округомъ, говорятъ о нихъ покойный проф. М. С. Дриновъ, они въ своей жизни и дѣятельности явились *доблестными представителями родной или македонскаго народа и выразителями ея культурно-національно-патриотическаго самоощущенія*. Для нихъ не было и не могло быть, конечно, никакого сомнѣнія относительно своей родной болгарской народности, въ жертву которой они принесли и всю свою жизнь, будучи замученными въ 1862 г. въ турецкой тюрьмѣ. Въ своемъ предисловіи къ сборнику македонскихъ пѣсень, записанныхъ въ большинствѣ случаевъ въ г.г. Стругѣ и Прилепѣ, они, между прочимъ, говорятъ о томъ, что въ своихъ записяхъ *они старались строю воспроизводить особенности лиричнаго народнаго произношенія, пища, напр., млатъ, потъ, ретъ, мегю, бракъ и др. в. м. младъ, подъ, редъ, медю, братья...*

Въ 1886 г. въ СПб. вышелъ извѣстный сборникъ И. С. Ястребова: „*Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ*“ (въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ), въ которомъ авторъ объявлялъ славянское население Македоніи сербами, основываясь будто бы на его языкѣ и этнографіи. Книга Ястребова вызвала оживленную полемику и была очень хорошо принята сербами, и между прочимъ одну изъ такихъ сербскихъ рецензій, принадлежавшую сербу Л. Стояновичу, напечаталъ и акад. Ягичъ въ IX книгѣ своего *Archiv'a* за 1886 г. Благопріятный и сочувственный отзывъ сербскаго рецензента, оче-

видно, не удовлетворил высокочтимого редактора Archiv'a, и онъ въ припискѣ къ рецензіи Стояновича отмѣтилъ, что въ языковомъ отношеніи пѣсни, вошедшія въ сборникъ Ястребова, могутъ быть отмѣнены частью какъ сербскія, частью какъ болгарскія (македонско-болгарскія), но наряду съ этими двумя группами пѣсень оказываются и такія, языкъ которыхъ можно было бы охарактеризовать, какъ переходный діалектъ отъ сербскаго яз. къ болгарскому, либо какъ болгаро-сербскій смѣшанный языкъ, характеризующійся преобладаніемъ сербскихъ чертъ въ лексикальномъ и фонетическомъ отношеніи и въ то же время, съ другой стороны, разстройствомъ въ области формъ, что обнаруживаетъ его связь съ языкомъ болгарскимъ. Констатировавъ этотъ фактъ, а именно фактъ существованія на ряду съ сербскимъ и македонско-болгарскимъ языкомъ еще какого-то смѣшаннаго изъ элементовъ того и другого языка, акад. Ягичъ, прекрасно понимая и по достоинству оцѣнивая дѣйствительныя тенденціи автора сборника, въ очень осторожной, по своему обыкновенію, но въ весьма внушительной формѣ выразилъ свой негодующій протестъ противъ вовлеченія науки въ область политическихъ инспирацій и предложилъ автору поскорѣе подѣлиться съ читателями и образцами настоящей народной прозы изъ тѣхъ же мѣстностей, гдѣ были записаны и пѣсни, въ формѣ народныхъ разсказовъ, пословицъ и т. п.

Идя какъ бы навстрѣчу этому пожеланію, г. Ястребовъ во второмъ изданіи своего сборника (СПБ. 1889) прибавилъ нѣсколько прозаическихъ отрывковъ, но вмѣсто настоящихъ народныхъ разсказовъ, переданныхъ чистымъ народнымъ языкомъ, онъ приложилъ тексты купеческихъ писемъ и пастырскихъ посланій епископовъ. Это не удовлетворило, конечно, Ягича, и въ своей замѣткѣ по поводу новаго изданія въ Arch. т. XIII, 1890 г. онъ заявилъ, что приложенные собирателемъ тексты не могутъ быть признаны, съ указанной выше точки зрѣнія, удовлетворительными. Ягичъ полагалъ, что хорошіе тексты изъ возможно большаго количества пунктовъ Македоніи, правда, не разрѣшили бы огромнаго спорнаго вопроса о томъ, кому принадлежитъ или, лучше, должна принадлежать Македонія, ибо—филологъ въ здоровомъ умѣ не можетъ и думать объ этомъ,— но на основаніи достовѣрнаго матеріала онъ будетъ въ состояніи, по крайней мѣрѣ, составить себѣ ясное представленіе о родственныхъ взаимоотношеніяхъ и связяхъ «македонцевъ» съ сербами:

съ одной стороны, и болгарами—съ другой, и такимъ только путемъ филологія, по мнѣнію академика Ягича, могла бы по крайней мѣрѣ ближе подойти къ рѣшенію спора. Врядъ-ли можно думать, говорить онъ, что «высшая политика» стала бы опираться въ своихъ рѣшеніяхъ на данныя нашей науки: такую силою и авторитетностью, чтобы она могла умиротворять человѣческія страсти, наша наука, къ сожалѣнію, не располагаетъ. Было бы, однако, весьма желательно, чтобы диалектологическое изслѣдованіе Балканскаго полуострова настолько подвинулось впередъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, языкъ населенія отдѣльныхъ мѣстностей былъ изъять изъ числа агитаціонныхъ средствъ; это вовсе не значитъ, что политическія судьбы страны должны покоиться на филологической базѣ; мы просимъ не приписывать никакой силы (въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ) нашей наукѣ и не требовать отъ нея быть готовой къ услугамъ какой бы то ни было агитаціи.

(«Dennoch wäre es sehr erwünscht, dass die dialectologische Erforschung der Balkanhalbinsel bald solche Fortschritte machte, dass wenigstens die Sprache der Bevölkerung einzelner Gegenden aufhören möchte als Agitationsmittel zu gelten. Es ist ja nirgends gesagt, dass die politischen Schicksale eines Landes auf der philologischen Basis berruhen müssen. Wir bescheiden uns in den «politischen» Fragen nicht mitzusprechen, möchten aber dafür bitten, unserer Wissenschaft keine Gewalt anzuthun und nicht von ihr verlangen, dass sie allerlei Agitationen zu Diensten stehe»).

Очень интересно то, говоритъ Ягичъ, что авторъ говоритъ въ предисловіи ко второму изданію своего сборника о «политическихъ» отношеніяхъ Македоніи. Возможно, что въ извѣстное время въ разныхъ провинціяхъ турецкой имперіи было полезно не называться сербомъ, но отсюда еще не слѣдуетъ, что тѣ, которые легко прибѣгали подъ защиту имени, также легко перемѣняли и свой языкъ. Ягичъ не склоненъ раздѣлять опасенія автора книги, что Болгаріи въ теченіе какихъ-нибудь 20—30 лѣтъ удастся болгаризировать всю Македонію. Поистинѣ, говоритъ Ягичъ, жалки были бы тѣ сербы, которые въ теченіе 20—30 лѣтъ подверглись бы болгаризаціи, если они при этомъ съ самаго начала, вслѣдствіе языковой родственной связи, не тяготѣли больше къ болгарамъ, чѣмъ къ сербамъ.

Во всякомъ случаѣ, Ягичъ полагаетъ, что на основаніи общенныхъ Ястребовымъ матеріаловъ можно уже теперь (въ 1890 году) утверждать, что въ Старой Сербіи, въ Коссовскомъ ви-

лайетѣ, т. е. въ мѣстностяхъ, откуда взяты пѣсни (Призрен, Ипек и область Моравы), несомнѣнно господствуетъ сербскій языкъ (при чемъ въ него могли войти и отдѣльные болгаризмы), между тѣмъ какъ въ области Дибра также несомнѣнно характеръ языка приближается болѣе къ Болгарскому, чѣмъ къ Сербскому (смотри колядки, стр. 32—33, 48—83, 91—96 или лазаревскія пѣсни, стр. 117—121, 132—150 и т. д.).

Я думаю, говорить Ягичъ, что въ этомъ пунктѣ на Ястребова можно было бы положиться. Дѣйствительно, въ словарномъ отношеніи языкъ указанныхъ выше мѣстностей стоитъ гораздо ближе къ сербскому, чѣмъ къ болгарскому языку; сюда же относится звукъ ħ, сербское произношеніе ѣ какъ е — все это естественные переходы отъ болгарскаго языка къ сербскому, при чемъ по существу своему эти переходы таковы, что ими великолѣпно можно было бы воспользоваться какъ агитационнымъ матеріаломъ въ интересахъ сербовъ, равнымъ образомъ какъ въ діалектахъ Косовскомъ, Призрена и Ипека нѣкоторыми отклоненіями отъ обычнаго сербскаго языка могла бы воспользоваться болгарская пропаганда.

Ягичъ вспоминаетъ кстати обстоятельную статью профессора Дринова и говоритъ, что любовь профессора Дринова къ своему болгарскому языку не помѣшала ему, однако, признать, что часть пѣсенъ въ сборникѣ Ястребова рѣшительно должны быть признаны сербскими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дриновъ возражаетъ Ястребову противъ его утвержденія о сербской національности дебарскихъ славянъ—и Ягичъ съ нимъ согласенъ, говоря: seine (т. е. Дринова) entgegengesetzte Ansicht bezieht sich nur auf die Dibraslaven, und darin muss ich ihm schon recht geben, — а также находя, что и вводныя слова Ястребова къ новому изданію не измѣнили въ этомъ отношеніи дѣла. Детальному разбору и критикѣ трудъ Ястребова былъ подвергнутъ въ 1887 году покойнымъ профессоромъ Дриновымъ въ статьѣ: „Нѣсколько словъ о языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ“, напечатанной въ „Извѣстіяхъ“ СПб. Сл. Бл. Общества за 1887 г. (№№ 1, 4, 7—8). Отмѣтивъ, что въ дебрскихъ пѣсняхъ Ястребовымъ не удержаны всѣ отгѣнки мѣстнаго говора, чему помѣшало до извѣстной степени безусловное примѣненіе къ языку дебрянъ сербской графики, что, между прочимъ, можетъ дать поводъ читателю думать, что, напримѣръ, дебряне выговариваютъ сербскія ħ и ħ̇ совершенно такъ, какъ ихъ выговари-

вають сербы, а такое заключеніе, по нашему мнѣнію, говоритъ профессоръ Дриновъ, было бы очень ошибочнымъ... У дебрянъ, какъ и вообще у македонскихъ болгаръ, по непосредственнымъ наблюденіямъ автора, небные д, т или совсѣмъ не подвергаются переходному смягченію (позлатен, медю) или же переходятъ въ мягкія г, к; *позлакен, мею*, что вполнѣ совпадаетъ 1) съ показаніями В. Караджича, который говоритъ, что македонскіе болгары выговариваютъ ħ, какъ „*умекшано к*“, и ѣ, какъ „*умекшано г*“, подъ сербскими же буквами ħ и ѣ слѣдуетъ разумѣть, по Караджичу, звуки тьчъ — джь; 2) съ данными Верковича, который въ своихъ записяхъ македонскихъ пѣсенъ пользовался тоже сербской графикой, но, уступая живому говору, часто путалъ буквы ħ—ѣ съ к—г; 3) съ показаніемъ Григоровича о томъ, что въ дебрскомъ языкѣ будущее время «образуется всегда съ формою ке»; 4) съ данными записей Парфенія Зографскаго, у котораго к встрѣчается въ словахъ: ке, Керка; 5) съ орѳографіей бр. Миладиновыхъ, которые всегда пишутъ к и г въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Ястребовъ пишетъ ħ—ѣ, поясняя, что таково именно народное произношеніе этихъ звуковъ (мею, брака). Профессоръ Дриновъ указываетъ также и на то, что Ястребовъ злоупотребляетъ сербскимъ ј, ставя его, напримѣръ, и при такомъ стеченіи гласныхъ, которое происходитъ вслѣдствіе обычнаго въ дебрскомъ говорѣ выпущенія х: говорије, видоје, немаје и пр. По нашимъ наблюденіямъ, говоритъ профессоръ Дриновъ, въ такихъ случаяхъ сербская йота нисколько не оправдывается дебрскимъ говоромъ, на что было указано также еще Григоровичемъ.

Профессоръ Дриновъ указываетъ слѣдующія особенности языка дебрскихъ славянъ:

1) гласныя ъ и ь послѣдовательно переходятъ не въ а, какъ въ сербскомъ языкѣ, но въ о и е, которыя можно считать общеболгарскими замѣнами глухихъ. Ссылка г. Никольскаго («Извѣстія» 9, 545) на яко бы сербскія формы *ден* и *со*, *сос* прекрасно выяснена Дриновымъ, какъ простое недоразумѣніе.

2) большой Ѣ въ этомъ говорѣ имѣетъ три замѣны: а, о, е. Первая еще Караджичемъ признана общеболгарскою, вторая открыта Григоровичемъ, который считалъ ее однимъ изъ

важнѣйшихъ признаковъ языка дебрянъ; теперь она извѣстна и въ родопскихъ болгарскихъ говорахъ; третья замѣна встрѣчается также и въ нѣкоторыхъ центральныхъ болгарскихъ говорахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти три замѣны большого юса совершенно неизвѣстны сербскому языку, постоянно замѣняющему большой юсь посредствомъ у (о юсахъ, въ томъ числѣ и формѣ сум изъ сѣмъ чрезъ сом см. Дриновъ Arch. V, 376). Замѣна юса чрезъ у отмѣчена Дриновымъ въ пѣсняхъ Ястребова всего только въ пяти словахъ: куѣа (постоянно), фрушко (4 раза), оружие (2 раза), ручекъ (4 раза), глубокъ (1 разъ, но и глобок) и въ глагольной формѣ неѣум, неѣу (7 разъ — при множествѣ другихъ случаевъ, гдѣ вмѣсто ѣу является ѣа);

3) юсь малый замѣняется въ дебрскомъ яз., какъ и вообще въ болгарскихъ и сербскихъ языкахъ, чрезъ е;

4) что касается звуковъ г—к, возникающихъ изъ д—т и невѣрно переданныхъ Ястребовымъ буквами ѣ и ѣ, то, помимо всего сказаннаго раньше, профессоръ Дриновъ отмѣчаетъ, что такіе же точно звуки *возникаютъ изъ д—т и въ нѣкоторыхъ восточныхъ болгарскихъ говорахъ, именно въ копленсколи, въ малотрновсколи и пр.*; напр.; хогѣимъ (ходимъ), ливага (ливада), трека (третья); въ формахъ же домакинъ, веке, гявол и пр.—это явленіе распространено по всѣмъ болгарскимъ краямъ;

5) на мѣстѣ церковно-сл. щ слышно шч, какъ въ мѣст. ЧЛГО, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. На этомъ явленіи останавливались профессоръ Потенба (къ исторіи звуковъ П, 45—55) и профессоръ Кочубинскій, которые нагляднымъ образомъ доказали, что шч есть древнѣйшее общеполгарское произношеніе звука щ, произношеніе, хорошо извѣстное и на Руси. У Ястребова же два раза встрѣтилось *свѣча* съ ч вмѣсто ожидаемаго шч, явленіе интересное въ томъ отношеніи, что въ софійскомъ говорѣ ч является постоянно замѣною древняго щ («Пер. Слис.» Соф. I, XVII); въ отдѣльныхъ же словахъ, какъ, напримѣръ, *вече* такая замѣна встрѣчается и въ самыхъ восточныхъ болгарскихъ говорахъ;

6) переходъ Х въ Ф (собрафми, пофалиф, распушчиф и

т. п.)—обычное явление и въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ, напримѣръ, въ шуменскомъ;

7) утрата склоненія въ дебрскомъ говорѣ и способъ образования новыхъ аналитическихъ падежныхъ формъ посредствомъ предлоговъ *на* (родительный и дательный), *со* (творительный и дательный), *со* (творительный) и пр.—типичная особенность болгарскаго языка; уцѣлѣвшія же здѣсь синтетическія падежныя формы носятъ вполнѣ болгарскій характеръ, вродѣ, напримѣръ, мѣстоименнаго окончанія *ею, ою* (родительный падежъ прилагательныхъ сложныхъ) вм. *ея, оя* типичныхъ для сербскаго языка;

8) образование степеней сравненія посредствомъ частицъ *по* и *най*—одна изъ типичныхъ чертъ болгарскаго языка. «Чудан ти је начин, коим данас Бугари сравную и узвишую»,—говорить Станко Вразъ («Коло», IV, 39);

- 9) три члена: *т, та, то, те* (отъ мѣстоим. *то*)
н, на, но, не (отъ мѣстоим. *он*)
в, ва, во, ве (отъ мѣстоим. *ов*)

Такое же явление имѣется не только и въ другихъ македонскихъ говорахъ, помимо дебрскаго, напримѣръ, въ Стругѣ, но и въ родопскихъ говорахъ; указанные три члена обычны и въ текстахъ Ястребова: десна-ва рока; машко-но дете; вино-во; тенка на пушка; брзана коня негова; платново гройзето и т. д.;

10) утрата неопредѣленнаго наклоненія и способъ замѣны его—общеболгарскіе;

11) болгарское окончаніе глаголовъ 1 лица множественнаго числа настоящаго времени—*ме* (вмѣсто сербскаго *мо*); оно (*ме*) обычно и въ записяхъ Ястребова;

12) глагольное окончаніе *т* въ 3 лицѣ настоящаго времени—типичная черта болгарскаго языка въ отношеніи къ сербскому, при чемъ дебрскій говоръ удержалъ это *т* и въ единств. числѣ;

13) окончаніе imperfect'a и aorist'a одно и то же, какъ и вообще въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ первое вытѣснило собою аористное окончаніе; въ дебрскомъ говорѣ оно звучитъ какъ—*хе*;

14) систематически и исключительно примѣта прошедшаго

времени *x* (діалектически *φ*), являющаяся въ болгарскомъ языкѣ не только въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа, но и во второмъ: *плетохме, плетохте*; въ сербскомъ же языкѣ: *плетосмо, плетосте* и т. п.

Въ 1888 году сербскій ученый Ст. Новаковичъ встрѣтился съ Константинополѣ съ молодымъ человѣкомъ изъ Прилѣпа, сыномъ прилѣпскаго ремесленника, нѣкимъ Панта Кондовичемъ, ученикомъ VII-го класса болгарской гимназіи въ Салоникахъ, и подѣ диктовку этого Кондовича записалъ нѣсколько македонскихъ текстовъ, признавъ въ ихъ языкѣ сербскій языкъ и объяснивъ элементы не тождественные съ сербскимъ языкомъ у своего источника вліяніемъ болгарской школы. Въ Македоніи Ст. Новаковичъ различалъ три діалекта:

- 1) овчеполе—кратовскій (къ востоку отъ Вардара);
- 2) велесъ—прилѣпскій (къ юго-западу отъ р. Вардара);
- 3) дебарскій (прибрежье Охридскаго озера и р. Дрина).

Какъ образцы велес-прилѣпскаго діалекта у Новаковича указаны:

1) Верковичъ: *Народне песме македонски буара* (Бѣлградъ, 1860); но позднѣйшія литературныя неудачи автора «*Веда Славена*», говоритъ Новаковичъ, набросили тѣнь и на данное его произведеніе;

2) П. Бояджиевъ—нѣсколько пѣсенъ изъ Велеса, напечатанныхъ въ «Период. Списание» за 1874, т. IX—X (Браила) и т. III (Софія), но Бояджиева Новаковичъ считаетъ еще менѣе надежнымъ, чѣмъ Верковича;

3) Веселиновичъ; къ этому автору Новаковичъ относится съ полнымъ довѣріемъ, хотя и чувствуетъ, что читатель будетъ нѣсколько пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ цитируетъ произведеніе, на которомъ видна печать фантазій Милоевича, и тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ,—*doch kann ich sagen, dass die Aufzeichnungen Veselinovic's selbst ganz zuverlässig sind.* Словомъ, сербъ—воплощенная невинность и чистота, а болгаринъ—подѣ сомнѣніемъ! Таковъ былъ методъ научной работы Ст. Новаковича въ 1888 г. Статья Новаковича и его македонскіе тексты Панта Кондова (—ич)—а

были напечатаны въ Archiv-ѣ Ягича въ 1889 (XII, стр. 78) и въ 1891 (XIV, стр. 360) гг.

Я лично еще разъ въ интересахъ полноты настоящей работы тщательно пересмотрѣлъ македонскіе тексты Новаковича и нашла въ нихъ строго выдержанную систему болгарскаго языка съ характерными только для болгарскаго языка фонетическими и морфологическими особенностями:

1) старо—сл. ѣ всегда имѣетъ здѣсь своимъ соотвѣтствіемъ гласную *a*, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ болгарскихъ говорахъ, но не сербское *у*: *пат*—путь; чл. форма: *на патот*; мн. ч. *лноу пати*; *маш*—мужъ; чл. форма: *на мажот*; *а бре мажу*; *раката*—рука; *мака*—мука, -горе; *дап*—дубъ;

2) старо—славянскій *ѣ* всегда имѣетъ своимъ рефлексомъ гласную *o*, старо-славянскій *ь*—гласную *e*, какъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ; въ сербскомъ же языкѣ на мѣстѣ обѣихъ этихъ гласныхъ, какъ извѣстно, всегда имѣется гласная *a*; такимъ образомъ, въ текстахъ Новаковича имѣются всегда: *рекол*, *дошол*, *донесол*, *со магарина та*, *во пепел*; *ден*; нарѣчіе *денеска*; по сербски было бы только: *рекао*, *дошао*, *са*, *ва*, *дан* и пр.;

3) въ сербскомъ языкѣ очень характерную черту образуетъ гласная *у* на мѣстѣ общеславянскаго слогового *л* (=старо—славянск. *Лѣ*) въ положеніи между согласными, въ родѣ: *вук*—волкъ, ст.—слав. *ВЛѣНѣ*; *лук*—полкъ,—ст.—слав. *ПЛѣНѣ*, *лун*—полный, ст.—слав. *ПЛѣНѣ* и т. п.; въ болгарскомъ же языкѣ на мѣстѣ былой гласной *л* всегда имѣется слоговое сочетаніе изъ гласной плюсь согласная *л*, такъ что указанныя выше формы по болгарски произносятся: *вѣлк* или *вѣлк*, *пѣлн* и т. п., при чемъ на мѣстѣ гласной *ѣ* въ разныхъ говорахъ слышна: то гласная, которую еще Григоровичъ предложилъ обозначать буквою *ѣ*, т. е. гласная *a* съ нѣсколько глухимъ оттѣнкомъ, то гласная *a*, то гласная *o*; въ опубликованныхъ Новаковичемъ македонскихъ текстахъ мы имѣемъ всегда чисто болгарскія формы; *да наполнит*; *и полнат казаните*; *и наполниле*;

4) крупнѣйшее явленіе, которымъ характеризуется болгарскій языкъ и котораго не знаетъ вовсе языкъ сербскій, это

такъ называемая редукція неударенныхъ гласныхъ, то же явленіе, которое извѣстно въ нѣкоторыхъ случаяхъ и русскому языку, въ силу чего неударенная гласная *o* въ болгарскомъ языкѣ произносится какъ *u*, неударенная гласная *e*—какъ *i*; въ македонскихъ текстахъ Новаковича господствуетъ это именно характерное также и для восточно болгарскаго языка явленіе, напр.: *колку*—сколько; *толку*—столько; *неколку деца*—нѣсколько дѣтей; *многу*—много; *дојдуа*—пришли; *да ли донесиш*—принеси мнѣ или: чтобы ты мнѣ принеси; *клаинецо* вм. *кладенецо*—колодезь и т. п.;

5) весьма характерное для нѣкоторыхъ болгарскихъ говоровъ и тоже неизвѣстное сербскому языку явленіе—замѣна конечной согласной *x* согласною *ѣ* отмѣчено мною въ македонскихъ текстахъ Новаковича въ цѣломъ рядѣ случаевъ: *јас ја искосиф*; *отидоѣ*; *велеѣ*; *јас му рекоѣ*; *страѣ*; *сиромѣ*;

6) не менѣе характернымъ для болгарскаго языка явленіемъ представляется немислимое съ точки зрѣнія сербскаго языка опущеніе согласной *в*, возникшей изъ старо—сл. *ѡ*, въ началѣ слова; въ македонскихъ текстахъ Новаковича мною отмѣчена характерная болгарская форма—*зел паритѣ*—взялъ деньги, или: *да зели пари*, вм. сербскаго *узео*, *да узме* и пр.;

7) не могу не отмѣтить, что въ македонскихъ текстахъ Новаковича я встрѣтилъ одну форму, весьма характерную для болгарскаго языка и совершенно чуждую языку сербскому, именно—*делбел*—полный, толстый вм. сербскаго *дебео*; болгарская же форма *делбел* интересна какъ примѣръ такъ называемого неорганическаго ринезма, т. е. носоваго произношенія обыкновенной гласной; аналогичные случаи представляютъ обычное для тѣхъ болгарскихъ говоровъ явленіе, гдѣ сохранились такъ называемыя носовыя гласныя, вѣрнѣе говоря—сочетанія гласная плюсь носовая согласная *л* или *н*, на мѣстѣ старо-славянскихъ юсовъ, какъ это мы имѣемъ сейчасъ въ брациговскомъ и въ высоко-заровскомъ говорахъ, гдѣ присутствуютъ еще сильныя слѣды старыхъ носовыхъ и гдѣ на ряду съ ними же отмѣчены и примѣры неорганическаго ринезма, въ родѣ: пентел, громбове (см. «Пер. Спис.». Соф., III, XV, XVII); подобные же примѣры покойный профессоръ Дриновъ отмѣтилъ въ дебрскомъ говорѣ: *вонче*, *трпенза*, что, по заключе-

нiю профессора Дринова, можетъ служить указанiемъ на то, что и въ дебрскомъ говорѣ до недавняго, сравнительно, времени существовали носовые звуки, что тѣмъ болѣе вѣроятно, что по показанiю Григоровича — болгаре на югъ отъ Битоля и Охридскаго озера сохранили въ нѣкоторыхъ словахъ полный ринезмъ; профессоръ Дриновъ констатировалъ ринезмъ на самомъ крайнемъ югѣ Македонiи, въ костурскомъ говорѣ. (См. «Период. Списание» Браила, XI—XII).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнiя фонетической всѣ опубликованные Ст. Новаковичемъ въ 1889 и 1891 г. въ *Archivъ Ягича* македонскiе тексты представляютъ собою прекрасные, съ точки зрѣнiя систематичности и цѣльности характерныхъ диалектическихъ явленiй, образцы одною изъ iюворовъ болгарскаго языка, потому что все, что въ нихъ есть характернаго, характеризуетъ ихъ, и именно, какъ тексты болгарскаго, а не сербскаго языка, ибо, если въ любомъ изслѣдуемомъ говорѣ, относительно родственныхъ связей котораго съ сосѣдними говорами намъ еще ничего не извѣстно, мы находимъ на мѣстѣ ст. сл. љ не у, но одну изъ гласныхъ: ѣ, а, или о; на мѣстѣ ст.-сл. в не а, но одну изъ гласныхъ ѣ, ѣ, о; на мѣстѣ ст.-сл. њ не а, но гласную е; на мѣстѣ общеславянской гласной л (стр.-сл. љъ) не у но „гласную + Л* и т. д., то этого для насъ вполне достаточно, чтобы изслѣдуемый говоръ безошибочно отнести къ группѣ говоровъ болгарскаго, а не сербскаго языка. Къ тому же заключенiю мы приходимъ и на основанiи разсмотрѣнiя морфологическихъ особенностей македонскихъ текстовъ Ст. Новаковича.

Во-первыхъ, какъ обязательное, а не случайное явленiе, мы находимъ здѣсь членныя формы именъ существительныхъ: *во орланот, времето, еднио брат; по старио брат; старио т брат, старио дедо; медот; въ улю; до огно; гласо; чоeko; на чоeko; огнон; чоekoв; средниов брат; овие двацава; жената; мечката; мечкава; парите;*

во-вторыхъ, систематически, а не случайно, проведена утрата падежныхъ флексiй: родительный падежъ — *од друо то село; ко излею ад град; стопано на ливадава;* дательный падежъ — *мажо је зборуа на жената си; дал на овај чоekoв; рекол на двете сестри;* творительный падежъ — *се простила со жената си и со децата; со ноже; се набодила со iедна спица* и т. д.

въ третьихъ, въ нихъ, какъ правило, выступаетъ всюду и всегда характерный болгарскій infinitiv—ный оборотъ, вм. старой формы неопредѣленного наклоненія на—ти, какъ то: *ватил да плачи; ватила да вика; ватил да бега; сакаат да јадат; ошол дола да земли пари; не мога да живеат; сатиле да јо разбудуат и да јо праат вахтур; ништо не можат да му напраат* и т. п.;

въ четвертыхъ, въ этихъ же текстахъ мною отмѣнены типично болгарскія формы сравнительной степени, неизвѣстныя сербскому языку: *постарото магаре; нарѣчје—понапрет*.

Такимъ образомъ, македонскіе тексты Ст. Новаковича съ несомнѣнностью убѣждаютъ всякаго непредубѣжденного читателя, что прилѣпскій македонскій говоръ *долженъ быть отнесенъ къ болгарскому, а не сербскому языку*. Мало того, не найдя въ текстахъ Ст. Новаковича ничего характернаго для сербскаго языка ни въ фонетикѣ, ни въ морфологіи, я старался найти въ нихъ хоть одно типичное сербское слово изъ тѣхъ словъ, которыми сербскій языкъ такъ рѣзко отличается отъ сосѣдняго болгарскаго языка, въ родѣ, напр., сербскихъ: *дакле* или *даклем*; *јер* или *јера*; *сад* или *сада* — теперь, *доцнији*, ср. ст. *доцније* — позже; *допле*; *докле*; *дружчије* — иначе, другимъ образомъ и т. п.—и такихъ словъ въ текстахъ Новаковича я не нашелъ.

Въ тѣсной связи со статьями въ Архивѣ Ягича, Ст. Новаковичъ въ томъ же году (1889) напечаталъ въ сербскомъ журналѣ „Глас“ (XII) статью: „*ћ и љ* у македонскимъ народнимъ дијалектима“, которою онъ доказывалъ, опираясь на показанія какого-то студента изъ Прилѣпа, что въ прилѣпскомъ говорѣ, а также и въ говорѣ Велеса присутствуютъ сербскія *ћ* и *љ* и употребляются здѣсь въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ восточно—сербскіе говоры имѣютъ *шт* и *жд*, при чемъ авторъ былъ убѣжденъ, что эта черта не ограничивается только прилѣпско-велесскимъ говоромъ, но обнимаетъ собою большую часть всей Македоніи, въ томъ числѣ и области, очень далеко отстоящія отъ сербской языковой области, вслѣдствіе чего эта черта здѣсь нелегко могла бы быть объяснима сербскимъ влияніемъ. Существенное возраженіе Новаковичу было сдѣлано тогда же покойнымъ славистомъ Облакомъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что изъ того, что В. Караджичъ въ своемъ извѣстномъ «*Додатак*» употребляетъ *ћ* и *љ*, дѣлается обыкновенно заключеніе, что въ языкѣ пѣсенъ, опубликованныхъ Караджичемъ, эти звуки дѣйствительно имѣли и сербское произношеніе, а между тѣмъ самъ

Вук. Кар. въ томъ же сочиненіи, какъ, впрочемъ, нами уже было отмѣчено и выше, замѣчаетъ: «*ћ* сенайвише изговара као умекшано *к*, а *ђ* као умекшано *г*». Такимъ образомъ, въ караджичевскихъ *ћ* и *ђ* вовсе не скрываются соотвѣтствующіе сербскіе звуки, а нѣчто иное. Въ сомнѣніи, говоритъ Облакъ, что въ западной болгаро-македонской языковой области болгарскимъ *шт* и *жд* соотвѣтствуютъ мягкія *к'* и *г'*, но въ какомъ объемѣ—это остается пока неяснымъ.

Теодоровъ въ своемъ изслѣдованіи: „*Западниѣ български говори*“ («Пер. Спис.» XIX—XX) говоритъ, что онъ совершенно ясно констатировалъ для болгарскаго языка мягкіе звуки *і* и *к*, что онъ находитъ большою ошибкой путать эти звуки съ сербскими *ћ* и *ђ*; эти *і* и *к*, даже произносимые мягко, все таки остаются гуттуральными и не переходятъ въ «палатальные». Эти замѣстители болг. *шт* и *жд*, по утверженію Облака, распространены не только въ Македоніи, но и въ сѣв.-запад. части собственно Болгаріи. Утверженіе же Новаковича создаетъ большое затрудненіе въ томъ отношеніи, что, принявъ его, некуда будетъ помѣстить тогда въ Македоніи *к'* и *г'* и вопреки обыкновенію считать ихъ какою то особенною чертой македонскихъ говоровъ. А между тѣмъ, хотя объ этомъ опредѣленно Наваковичъ и не говоритъ, но изъ его изложенія ясно слѣдуетъ, что онъ, имѣя въ виду эту особенность македонскихъ говоровъ, ставитъ ихъ въ болѣе тѣсную связь съ сербо-хорв. языкомъ. Не говоря уже о томъ, что не безопасно устанавливать на основаніи какихъ либо отдѣльныхъ, произвольно взятыхъ характерныхъ особенностей ближайшее родство между собою двухъ языковъ, въ частности, въ данномъ случаѣ, группы *tj* — *dj* въ болгаро-макед. діалектахъ не могутъ имѣть никакой доказательной силы и въ виду того, что въ нѣкоторыхъ болг.-макед. діалектахъ, знающихъ на мѣстѣ *шт*—*жд* согласныя *к'*—*г'*, развились передъ «мягкими» гласными, особенно передъ *е*, *і*, мягкія *к'*—*г'*; это обстоятельство даетъ основаніе Облаку поставить вопросъ, не представляютъ ли собою вообще *ћ* и *ђ* въ этихъ діалектахъ явленія новѣйшаго, какъ бы дальнѣйшаго развитія палатальныхъ *к* и *г*.

Работа Наваковича, въ общемъ, не удовлетворила Облака, но убѣдила его въ томъ, какъ крайне необходимы дальнѣйшія изслѣдованія македонскихъ говоровъ, прежде чѣмъ составить себѣ ясное представленіе о діалектическихъ отношеніяхъ этой, въ языковомъ отношеніи очень интересной области.

Вопросъ о томъ, какія согласныя въ македонскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ сербскимъ ħ и ħ̌, возникшимъ изъ tj—dj, въ настоящее время можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ былъ рѣшенъ еще въ 1822 году Вукомъ Караджичемъ, именно, что сербскимъ ħ-ħ̌ въ македонскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ очень мягкія к-г, которыя, однако, на письмѣ въ текстахъ нерѣдко, за отсутствіемъ другихъ специальныхъ буквъ, обозначались сербскими ħ и ħ̌, что и приводило очень часто изслѣдователей къ ошибочному отождествленію македонскихъ к'—г' съ сербскими ħ и ħ̌. Послѣ Вука Караджича мы имѣемъ другое авторитетное показаніе уроженцевъ македонскаго городка Струги, братьевъ Миладиновыхъ, которые въ 1861 въ предисловіи къ своему сборнику: *«Бѣларски народни пѣсни»* и въ текстѣ пѣсень, слѣдующаго по ихъ заявленію, мѣстному произношенію, писали: *лею, брака* и т. п. Затѣмъ, прекрасное описаніе характерныхъ сербскихъ ħ и ħ̌ въ 1877 г. далъ нашъ покойный славистъ, проф. Кочубинскій въ своей диссертаци: *«Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій»*, отмѣтивъ, что сербское ħ= русск. ч, но болѣе мягкаго, болѣе нѣжнаго выговора, что въ сербскомъ ħ звучитъ, такъ сказать, нота звука ч; ч окрашиваетъ сербское ħ. Такъ же точно въ нормальномъ сербскомъ языкѣ ħ̌ звучитъ, какъ первый звукъ перваго слога въ итальянскомъ словѣ *giorno* (изъ *diurnum*), т. е. въ немъ слышится мягкое ж съ предшествующимъ д, но оба звука сливаются въ однопріемное гармоническое цѣлое: меѣа = медѣа (стр. 39, 44).

Въ 1890 г. была напечатана еще одна работа, посвященная вопросу о македонскомъ говорѣ, принадлежавшая перу очень крупнаго покойнаго болгарскаго ученаго Д. Матова (см. «Период. Спис.», кн. XXXIV—XXXV), котораго проф. Ягичъ въ своей *«Исторіи славянской филологіи»*, характеризуетъ, какъ талантливаго, даровитаго и начитаннаго ученаго. «Македонскій вопросъ,» т. е. разъясненіе вопроса, куда причислять славянское народонаселеніе Македоніи, говоритъ проф. Ягичъ, стоялъ у Матова на первомъ планѣ, онъ развивалъ его не только какъ безпристрастный представитель науки, въ родѣ Облака, а также какъ горячій патріотъ (стр. 835 и сл.). Будучи самъ родомъ изъ македонскаго города Велеса, зная прекрасно какъ свой родной говоръ, такъ и другіе македонскіе, Д. Матовъ для насъ является очень цѣннымъ и авторитетнымъ свидѣтелемъ, показанія кото-

раго, наряду съ цѣлымъ рядомъ разсмотрѣнныхъ выше данныхъ, помогутъ намъ ближе подойти къ истинѣ.

Сербскія *h* и *ḥ* говоритъ Матовъ, шипящіе звуки, потому что при ихъ произношеніи воздушный токъ проходитъ чрезъ верхніе зубы, о которые ударяется, и только часть его проходитъ затѣмъ между верхними и нижними зубами; при образованіи ихъ участвуютъ, по Матову, слѣдующіе органы: 1) задняя часть альвеолей вмѣстѣ съ ближайшею частью неба нѣсколько далѣе мѣста, гдѣ артикулируются ч и дж; 2) верхняя спинка кончика языка (не самый верхъ языка), которая приближается къ указанному мѣсту, при чемъ средняя часть языка болѣе сжата, чѣмъ при ч, дж. Эти звуки не сербъ только съ трудомъ можетъ научиться произносить. Произнесите мягкое т (т') и одновременно съ нимъ мягкое ч (ч') и вы получите сербское *h*,—звукъ близкій къ ч, но не тождественный съ нимъ; произнесите мягкое д (д') и слитно съ нимъ мягкое ж—и вы получите *ḥ*—звукъ, близкій къ тому, который мы изображаемъ какъ дж, но не одинаковый съ нимъ. Съ другой стороны, к'-г'—ни въ коемъ случаѣ не шипящіе звуки; при ихъ произношеніи участвуютъ: 1) средняя часть спинки языка и 2) небо безъ всякаго участія альвеолей. По мѣсту образованія они отличаются отъ к-г тѣмъ, что эти послѣдніе болѣе задняго ряда. Напомню, кстати, что О. Брокъ въ своей книгѣ: «*Очеркъ физиологій славянской рѣчи*» говоритъ о фрикативномъ элементѣ, оканчивающемъ собою сербскія *h*—*ḥ*. По показанію Д. Матова, въ македонскихъ діалектахъ имѣются не *h* и *ḥ*, а именно: к'—г', тѣ самые, которые наряду съ шч, шт, жд, жг' распространены по всей болгарской языковой области, начиная съ самыхъ восточныхъ діалектовъ и кончая самыми западными; примѣры: *срехъ, кукъи* (Кратовскій, Пер. Спис. XVI, 157, 154); *при яволъ, ливае, пакъ*, (Софійскій, Чолаковъ, 335, 338; 257); *ливате* (Радомиръ, Чолаковъ, 353); *трекята, трекюту* (трѣнскій говоръ, Пер. Спис. XI, 137); *яволе, пакя*, (егропольскій говоръ, Пер. Спис. XIV, 314, 317); *ливаля, десекъ* (Малко-търново, Пер. Спис., XI-XII, 166); *чуветъ, гваду* (котленскій говоръ, Пер. Спис., VII-VIII; XI); *оцекъ, воловекъ, тѣдо* (свищовскій говоръ, грам. Цанковъ) и т. д.

Словомъ, почти всѣ области болгарскаго языка, по утверженію Д. Матова, имѣютъ к'-г' вмѣсто: 1) ш, жд (изъ тј, дј); 2) т', д'; 3) к, г; 4) т, д—съ тою разницей, что въ однихъ мѣстахъ эти звуки к'-г' развиты весьма послѣдовательно и во всѣхъ этихъ четырехъ

случаяхъ. въ другихъ мѣстахъ—они развиты слабѣе и въ ограничен-ныхъ только случаяхъ.

Въ VI гл. своего труда Д. Матовъ указываетъ, что Новаковичъ въ своей работѣ «*Ń и ǃ во македонскихъ юворахъ*», цитируя данныя изъ сборника братьевъ Миладиновыхъ, перемѣняетъ миладиновское к въ своей графикѣ на ħ, милодиновское г—на ħ: у Миладиновцевъ—*долакинѣ*, у Новаковича *долаѣинѣ*; у Мил. веке, *повике, найповике, поѣке*, у Новак.—*вѣхе, повѣхе, најповѣхе, поѣхе* и т. д.; вм. *веш* Нов. пишетъ *вѣхе*, т. е. измѣняетъ не только г, но и слѣдующую за нею гласную и т. п., при чемъ Новаковичъ и не скрываетъ своего приѣма: онъ прямо заявляетъ, что онъ переписываетъ примѣры сербскимъ правописаніемъ согласно ихъ произношенію, которое ему достовѣрно и по разнымъ даннымъ извѣстно, вслѣдствіе чего онъ полагаетъ въ своемъ прилѣпскомъ говорѣ сербскіе ħ и ǃ, но, при желаніи, замѣчаетъ Матовъ, онъ легко могъ бы найти и всѣ сербскіе формы и звуки, тѣмъ болѣе, что его корреспонденту были прекрасно извѣстны интересы его высокопоставленнаго знакомаца.

Приведенныя данныя убѣждаютъ читателя въ томъ, что изслѣдованія Новаковича не научны, потому что они не удовлетворяютъ обычнымъ методамъ научной работы.

Къ ореографіи же Верковича («*Женске песме македонски бугара*»), говоритъ Матовъ, Новаковичъ отнесся не умѣло. У Верковича господствуетъ крайняя непослѣдовательность въ ореографіи; въ ней нужно было разобраться. Такъ же отнесся Новаковичъ и къ диалектологич. матеріалу Бояджијева (въ Пер. Спис. 1874 кн. IX и X), допустивъ произвольное толкованіе ореографіи автора матеріаловъ и принявъ констатированное имъ для велесскаго говора кѣ (=ке) за сербское ħе. Такое же произвольное толкованіе Новаковичъ далъ и ореографіи бр. Миладиновцевъ, высказавъ недоумѣніе, какъ читать ихъ *ю*, какъ *ју* или какъ *јуу* или какъ *дју*? то же самое и съ миладиновскимъ кѣ—какъ *ħа*, или *кѣа* или *тѣа*? упустивъ изъ вида, что въ болгарской азбукѣ нѣтъ *ј* и вмѣсто него употребляется *ь*, или *юу*ется послѣдующая гласная, или же, по указанію Д. Матова, надъ согласною ставится апострофъ; такимъ образомъ, болгарское *кѣ*=*кѣе* или *кѣе* или *к'е*. Кромѣ того, относительно своего правописанія бр. Миладиновцы совер-

шенно ясно заявили, что они приняли орфографию наиболее удобную и наиболее соответствующую произношению.

Д. Матовъ протестуетъ противъ обвиненія Новаковича братьевъ Миладиновцевъ въ умышленной діалектической фальсификаціи текстовъ въ смыслѣ сближенія ихъ съ болгарскимъ языкомъ, чему, съ одной стороны, противорѣчитъ время, когда бр. Миладиновцы работали надъ собираніемъ пѣсенъ (изд. 1861), когда еще не существовало никакихъ данныхъ для предположенія о возможности въ будущемъ сербо-болг. спора изъ за Македоніи; съ другой стороны, для Д. Матова, уроженца Велеса, совершенно ясно, что при всѣхъ своихъ неточностяхъ и непослѣдовательностяхъ въ родѣ—отсутствія ударенія, употребленія буквы щ вмѣсто болѣе точныхъ, соответствующихъ произношенію—шч и шт, не показана широкая гласная, соответствующая русской э, даны недостаточныя объясненія непонятныхъ словъ, отсутствіе цѣлыхъ группъ пѣсенъ, неполное описание нар. обычаевъ, отсутствіе указаній о мѣстѣ записи пѣсенъ и т. д. сборникъ Миладиновцевъ, тѣмъ не мѣнѣе, передалъ вѣрно всѣ главнѣйшія особенности какъ восточныхъ такъ особенно и западныхъ нарѣчій и въ этомъ отношеніи представляетъ собою большую научную цѣнность. Этотъ сборникъ, говоритъ Матовъ, долженъ убѣдить всѣхъ въ томъ, что Македонія главнымъ образомъ населена славянами, *которые сами себя называютъ «буяаре» или «блѣдѣри» и говорятъ на болгарскомъ нарѣчій, которое дѣлится на линюю юво-ровъ.*

Существуетъ широко распространенное убѣжденіе сербомановъ въ томъ, что болгарское національное самосознаніе въ Македоніи создано искусственно болгарскими экзархійскими агентами. Д. Матовъ протестуетъ противъ такого взгляда и говоритъ: дѣйствительно, македонское населеніе имѣло своихъ вождей въ дѣлѣ возрожденія своего національнаго сознанія, какъ ихъ имѣеть обыкновенно всякое народное движеніе, но, какъ чисто народное движеніе, оно имѣло вождей изъ своей же собственной среды. Всѣ мало мальски сознательные городки въ Македоніи приняли участіе въ борьбѣ за церковную независимость безъ какого бы то ни было извнѣ побужденія; такихъ національныхъ вождей и будителей народъ имѣлъ даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ теперь преобладаетъ грекоманство, и если всѣ эти дѣятели достигали извѣстныхъ успѣховъ, то потому, что самъ народъ изъ своей среды, изъ самого себя выдвигалъ этихъ

дѣятелей и во имя достиженія своихъ націон. правъ переживалъ тяжелыя испытанія. Въ исторіи возрожденія Куманово авторъ вспоминаетъ, напр., Гйоро Борозанъ, род. въ 1835 г. и получившаго образованіе въ македонск. городахъ Велесъ, Скопье, Шипъ, инициатора созданія въ Куманово новаго училища, руководителя въ борьбѣ соотечественниковъ за церковн. независимость, который былъ злодѣйски убитъ въ своемъ домѣ,—и цѣлый рядъ другихъ македонскихъ подвижниковъ, вышедшихъ изъ среды своего же македонскаго болгарскаго народа (Стояновъ, родомъ изъ Скопье, Христо Телетиновъ изъ Дойрона, Киро-Ристенинъ, Чдлимановъ, Костичка, Яко Демирджи и др.).

Проф. Григоровичъ въ своемъ «Очеркѣ» говоритъ, между прочимъ, что учрежденіе болгарскихъ училищъ представляетъ собою замѣчательное явленіе въ области народ. просвѣщенія Европейской Турціи. Въ сравненіи съ другими сосѣдними народностями болгарамъ принадлежитъ та заслуга, что они безъ внѣшняго, чужого содѣйствія положили основаніе своему образованію (стр. 180).

Населеніе въ Македоніи, констатируетъ Матовъ, никогда не имѣло намѣренія обращаться въ сербовъ, напротивъ, *какъ только въ немъ возникало стремленіе къ просвѣщенію, оно всегда заявляло себя болгарами, несмотря даже на то, что несомнѣнно его ждали за это тяжелыя испытанія...*

Славянское населеніе Македоніи, утверждаетъ самъ македонецъ, Матовъ, всегда признавало себя болгарскимъ...

Македонскіе болгары явились и первыми дѣятелями на поприщѣ общеболгар. возрожденія.

1) Начинатель болгарскаго возрожденія, іеромонахъ Паисій происходилъ изъ западной или Македонской части Самоковской епархіи и скончался онъ въ Македоніи же, въ Скопльскай области.

2) Первые пѣсни, на которыхъ Вукъ Караджичъ познакомилъ первыхъ славистовъ съ болгарскимъ народнымъ языкомъ, были болг. народныя пѣсни изъ Македоніи.

3) Первые книги, написанныя «прѣпростѣйшимъ и некнижнымъ языкомъ болгарскимъ»—были составлены и изданы (1814—1818 гг.) македонцами: Іоакимомъ, учителемъ Кърчовъ

скимъ, іеромонахомъ Кирилломъ Пейчиновичемъ изъ Тетово.

4) Основатель первой болгарской типографіи въ Солуни, Синайскій архимандритъ Хаджи Теодосій происходилъ изъ македонскаго города Дойрана. Македонцы же были и первыми авторами печатавшихся въ этой типографіи книгъ—«на простъ болгарски езикъ, за разбиране отъ простия народъ».

5) Патріархъ болгарскихъ педагоговъ, Неофитъ Рильскій и его современникъ Христаки Павловичъ — были македонцами. Этимъ двумъ македонцамъ болгарская школа обязана цѣлымъ рядомъ учебниковъ, въ томъ числѣ и болгарскихъ грамматикъ.

6) Составители перваго самага большаго болгарскаго этнографическаго сборника братья Миладиновцы происходили изъ Македоніи.

7) Македонцы принимали прежде всего живѣйшее участіе въ болгаро-греческой распрѣ и проявили здѣсь необычайную настойчивость, которая и привела въ 1870 г. болгаръ къ побѣдѣ.

8) Извѣстный македонецъ Жинзифовъ въ началѣ 60-хъ годовъ написалъ такое стихотвореніе въ связи съ греко-болгарской распрей:

Македонія, чудна страна,
Нема до бидить гърчка она!
Шума, и гори, и планина,
Самий камень на тая страна,
Птица и риба въ Вардаръ рѣка,
Живо и мъртво на свои крака
Ке станить, ке дадить отвѣтъ
На цѣла Европа и на цѣлъ свѣтъ:
Я Българка сумъ, Българинъ съмъ я,
Българи живѣять во тая страна!

Я не могу не упомянуть здѣсь еще одного имени,—окруженнаго всеобщимъ благоговѣйнымъ почитаніемъ, имени преждевременно сошедшаго въ могилу крупнѣйшаго славянскаго ученаго В. Облака, автора классическаго изслѣдованія—«*Macedonische Studien. Die slavischen Dialekte des südlichen und nordwestlichen Macedoniens*», напеча-

таннаго въ трудахъ (Sitzungsberichte) Вѣнской Академіи Наукъ въ 1896 г. (Phil.-histor. Classe, cxxxiv Bd.). Македонскіе говоры Облакъ считаетъ говорами болгарскаго языка, и съ этой точки зрѣнія онъ разсматривалъ ихъ уже въ 1894 г. въ статьѣ «*Приносъ къмѣ българската граматика*» (См. Сборникъ за нар. умотв. XI) и въ 1895 г. въ своей статьѣ—«*Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik*» (см. Arch. f. Sl. Phil. 1895, стр. 129, 430). Въ изслѣдованіи «*Macedonische Studien*» онъ подробно обследовалъ македонскіе говоры д. Сухо, знаменитой присутствіемъ въ ея говорѣ носовыхъ, соответствующихъ ст.-слав. Ъ и Ѡ, говоры сѣвернаго района, примыкающаго къ Солуню, и Дебрскій діалектъ, разсматривая ихъ въ тѣсной связи и какъ неотъемлемую составную часть болгарской языковой области. Этому же ученому принадлежитъ и еще одно категорическое утвержденіе. Въ Архивѣ Ягича т. XVI, на стр. 313 онъ пишетъ: *Angefangen von Grigorović bis auf Kalina und Lavrow wurden die macedonischen Dialekte im Grossen und Ganzen—bis auf vereinzelte Ausnahmen—zum bulgarische Spachstamme gerechnet und bei unserer heutigen Kenntniss derselben gibt es wohl kaum einen ernstern Forscher, der diesen Zusammenhang in Abrede Stellen würde*, т. е. начиная отъ Григоровича и вплоть до Калины и Лаврова всѣ македонскіе діалекты въ общемъ относятся учеными къ болгарскому языку, и при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы въ настоящее время располагаемъ о нихъ, нѣтъ ни одного изслѣдователя, который отрицалъ бы эту связь македонскихъ діалектовъ съ болгарскимъ языкомъ.

Проф. С.-Петербургскаго Университета П. А. Лавровъ въ своемъ обширномъ изслѣдованіи, посвященномъ болгарскому языку — «*Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка*», напечатанномъ въ Москвѣ въ 1893 г., разсматривалъ македонскіе говоры, какъ составную неотъемлемую часть болгарскаго языка; такъ же точно нѣсколько раньше проф. Лаврова къ македонскимъ говорамъ отнесся и покойный профессоръ Львовскаго Университета А. Калина въ своемъ двухтомномъ изслѣдованіи: *Studyja nad historyja jezuka Bulgarskiego*, вышедшемъ въ Краковѣ въ 1891 году.

Въ книгѣ проф. А. Белича: «*Сербы и болгары*»—имѣется специальная глава—*О языкѣ Македоніи* (стр. 56).

На этой главѣ я принужденъ, наконецъ, послѣ всего вышесказаннаго остановиться нѣсколько подробнѣе: она очень типична для

этого молодого ученаго и даетъ прекрасный матеріалъ для характеристики его «научныхъ» методовъ.

Теперь можно считать установленнымъ, заявляетъ г. Беличъ, что линія, соединяющая, въ главныхъ чертахъ, въ западной Болгаріи Кулу, Бѣлоградчикъ, Берковецъ, Искрецъ, Кюстендиль, отдѣляетъ на западѣ говоры, тождественные съ діалектами восточной Сербіи. Эти діалекты я называю тимочскими...

Поясню эту цитату: въ 1905 году проф. Беличъ напечаталъ, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ (стр. 57),— „очень детальный трудъ“: Говоры восточной и южной Сербіи, — а затѣмъ въ слѣдующемъ 1906 году въ одномъ изъ изданій нашей Академіи Наукъ, въ сборникъ: «Статьи по славяновѣдѣнію» вып. 2-ой, онъ напечаталъ — *Діалектическую карту сербскаго языка*, при чемъ добрый кусокъ западно-болгарской языковой области вмѣстѣ съ говорами Македоніи, ничтоже сумняшеся, отнесъ къ сербскому языку, такъ что не только говоры болгарскихъ областей Кулы, Бѣлоградчика, Берковца, Искреца, Радомира и Кюстендила оказались сербскими говорами по существу, но даже и говоръ болгарской столицы, г. Софіи оказался у Белича не болгарскимъ, а сербо-болгарскимъ! Этого лихой набѣгъ храбраго серба на Болгарію въ свое время привелъ, какъ извѣстно, въ недоумѣніе академика Ягича, который счелъ своимъ долгомъ замѣтить по этому поводу слѣдующее:

...Обширный діалектической трудъ проф. А. Белича, касающійся преимущественно юго-восточныхъ окраинъ сербскаго языка, но съ его опредѣленіемъ и группировкой сербо-хорватскихъ говоровъ трудно согласиться («Исторія», 898).

А разъ акад. Ягичъ не призналъ классификаціи Белича, то можетъ ли ктонибудь, а тѣмъ болѣе самъ г. Беличъ послѣ этого утверждать относительно своихъ фантастическихъ измышлений: «теперь можно считать установленнымъ» и пр. Наука этихъ измышлений, какъ установленнаго факта, не признала и послѣ труда Белича не считаетъ вопросъ исчерпаннымъ и настойчиво продолжаетъ свою работу надъ его дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ.

Случайно наткнувшись на замѣчаніе г. Цемовича (см. его брошюру, стр. 93), что Беличъ не достаточно знакомъ съ македонскими говорами, и что всякій добросовѣстный филологъ, который хорошо изучилъ бы македонскіе говоры, пошелъ бы гораздо да-

лѣ Белича въ утверждѣніи, что македонскіе говоры—говоры сербскаго языка, я со спеціальною цѣлью еще разъ внимательно просмотрѣлъ его большой трудъ: „*Дијалекти источне и јужне Србије*“ и, дѣйствительно, не только не нашелъ здѣсь указанія на то, что авторъ во время своихъ экскурсій имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться съ говорами Македоніи, напротивъ, нашелъ совершенно откровенное признаніе автора, что самъ онъ не имѣлъ возможности изучать болгарскихъ говоронъ за предѣлами сербскаго королевства и, говоря о нихъ, какъ въ данномъ трудѣ, такъ и въ своей „*Диалектической картѣ*“ пользовался въ непосредственными наблюдениями, а сторонними данными (стр. XLVIII—XLIX), а между тѣмъ на его „*Диалектической картѣ*“ 1906 г. мы уже имѣемъ не только совершенно определенное приуроченіе известной части западно-болгарской языковой территории къ сербскому языку, но и категорическое заявленіе о принадлежности македонскихъ говоронъ къ сербскому языку.

Обращаясь къ статьѣ Белича въ „*Сборникъ статей по славяновѣдѣнію*“ (кн. II, стр. 18), нахожу подтвержденіе того же факта: діалектическія изысканія Белича не коснулись ни западной Болгаріи ни Македоніи, и его діалектическая схема, поскольку она касается указанныхъ районовъ, построена на матеріалѣ не проверенномъ на мѣстахъ путемъ непосредственныхъ наблюденій автора. А если это такъ, то мы, дѣйствительно, правы, утверждая, что македонскія упражненія г. Белича заключаютъ въ себѣ болѣе фантазіи, нежели научной правды, ибо современное языкознаніе выдвинуло такіа діалектологическія очередныя задачи, что ни одинъ серьезный діалектологъ, строя свои діалектическія теоріи и классификаціи, не сталъ бы опираться въ своихъ выводахъ только на старый діалектическій матеріалъ, не подвергнувъ его предварительно непосредственной критической проверкѣ на мѣстахъ.

Г. Беличъ, между прочимъ, останавливается на выдуманномъ имъ «сербо-македонскомъ» діалектѣ и называетъ его смѣшаннымъ по происхожденію, ибо, говоритъ онъ, между его основными чертами на ходимъ рядомъ съ такими, которыя несомнѣнно сербскаго происхожденія: ѣ и ѣ; ѣ = э; иногда ѣ = у; въ, въ — бѣ известномъ положеніи = у; иногда ь = ѣ = а; чр = цр и т. д., и такіа, которыя — болгарскія по происхожденію (ѣ = о, ь = е, ѣ = ѣ и т. д.); только тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ направленіяхъ можно констатировать полное обобщеніе сербскихъ чертъ, напримѣръ, ѣ и ѣ, ѣ = э, и под.,

тогда какъ этого нельзя констатировать въ такой степени по отноше-
нію къ болгарскимъ чертамъ, заставляетъ меня заключить, что въ
нихъ сильнѣе сербскій элементъ. — Для примѣра авгоръ беретъ при-
лѣпскій діалектъ по болгарскому описанію Д. Мирчева, прибавляя
при этомъ почему то фразу: «во избѣжаніе недоразумѣній» (!?) — и
затѣмъ, пользуясь, согласно своему заявленію, описаніемъ прилѣпскаго
говора Д. Мирчева («Сборникъ за Нар. умотвор.», XX), называетъ
слѣдующія черты этого говора, объявляя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ типич-
ными для юга-западной Македоніи:

- 1) — ħ и љ и въ скобкахъ рядомъ ставить «к'» и «л'»;
- 2) — гь = э, какъ въ сербскихъ юворахъ;
- 3) — иногда $\delta = o$, $b = e$, но зато встрѣчаемъ также и $\delta = b = a$, какъ въ сербскомъ языкѣ;
- 4) — Ъ переходитъ, правда, въ ѓ, какъ въ болгарскомъ,
но за то это ѓ переходитъ дальше въ а подвѣ влияніемъ серб-
скихъ юворовъ Косовскаго типа (?); кромѣ того Ъ переходитъ
въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сербское у;
- 5) — џр переходитъ въ цр, какъ въ сербскомъ языкѣ (црн,
црвен и т. д.);
- 6) — х во многихъ случаяхъ исчезаетъ также подвѣ влия-
ніемъ сербскаго языка;
- 7) — въ морфологій во множественномъ числѣ существи-
тельныхъ имѣемъ тутъ «ови» («ои»), сближающее эти діалекты
съ сербскимъ языкомъ;
- 8) — у мѣстоимѣній рядомъ съ сербскимъ *овена, онага,
друена* находимъ и не сербское — го;
- 9) — въ первомъ лицѣ единственнаго числа глаголовъ на-
ходимъ обобщенія «ли», какъ въ сербскомъ языкѣ, но въ пер-
вомъ лицѣ множественнаго числа и несербское «ме»;
- 10) — въ третьемъ лицѣ единственнаго и множественнаго
числа иногда пропускается — т, а иногда остается;

Извѣстно, замѣчаетъ Беличъ, что первая особенность, глав-
нымъ образомъ, сербскаго языка, а вторая—болгарскаго... Изъ всего
этого видно, заключаетъ Беличъ, что эти діалекты представляютъ
смѣшанный сербо-болгарскій діалектическій типъ, въ которомъ серб-
скія черты очень существенны (страница 60—61).

Обращаясь къ описанію прилѣпскаго говора у Д. Мирчева, я, къ сожалѣнію, принужденъ констатировать цѣлый рядъ ошибокъ у Белича въ смыслѣ несовпаденія его показаній съ тѣмъ, что въ дѣйствительности даетъ о прилѣпскомъ говорѣ г. Мирчевъ.

Прежде всего, Мирчевъ совершенно ясно и категорически утверждаетъ, что въ его, родномъ для него, прилѣпскомъ говорѣ (на мѣстѣ праслав. *tj—dj*) присутствуютъ палатальныя согласныя *к'*, *г'*, а также имѣются и случаи съ *шч*, *шт* и *жд*. Это несовпаденіе нашего говора, говоритъ Мирчевъ, въ восточно-болгарскою рѣчью дало основаніе для ошибочнаго толкованія ученаго серба Новаковича, который наши *к'—г'* въ звуковомъ отношеніи отождествляетъ съ сербскими *ћ—ђ*. Будучи родомъ изъ Прилѣпа, я лучше Новаковича знаю этотъ говоръ; съ другой стороны, я изучилъ и сербскій языкъ и не по книгамъ только, но и непосредственно изъ сербскихъ устъ. Во время изученія сербскаго языка меня всегда останавливали и поправляли при произношеніи *ћ* и *ђ*, которыя я замѣнялъ прилѣпскими «*к'*» и «*г'*»... Сербскія *ћ* и *ђ* звуки небо-язычные, а прилѣпскіе *к'—г'* палатализированные гортанные звуки..

Фонетическая разница между *к'—г'* и *ћ—ђ* настолько рѣзкая, что всякій можетъ ее замѣтить. Кромѣ того, въ сербскомъ языкѣ имѣется послѣдовательное измѣненіе *т*, *д* въ сочетаніи **tj*, **dj*, между тѣмъ въ прилѣпскомъ говорѣ наблюдается въ этомъ отношеніи нѣкоторая непоследовательность: согласныя *к'—г'* въ прилѣпскомъ говорѣ слышны постоянно, какъ только за ними слѣдуетъ палатальная гласная, въ виду чего прилѣпскія *к'—г'* во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ сербскихъ *ћ—ђ*.

Таковы данныя Мирчева, а между тѣмъ Беличъ вмѣсто прилѣпскихъ *к'—г'* ставитъ сербскія *ћ—ђ* и только рядомъ съ ними, въ скобкахъ помѣщаетъ *к'—г'*, говоря буквально слѣдующее: и въ немъ (т. е. и въ прилѣпскомъ говорѣ) употребляются почти всегда *ћ* и *ђ* (*к'* и *г'*); отступленія, которыя приводятся Мирчевымъ, не всегда удачны (?) Что значить послѣдняя фраза? гдѣ примѣры? извѣстна ли г. Беличу исторія этихъ *ћ* и *ђ* въ македонской діалектологіи и извѣстно-ли ему, что съ 1822 года послѣ Вука Караджича нельзя безнаказанно отождествлять эти двѣ пары звуковъ вопреки, тѣмъ болѣе, совершенно опредѣленнымъ на этотъ счетъ указаніямъ источника?!

Обращаясь ко второй, рассматриваемой Беличемъ, чертѣ его

«сербско-македонскаго» діалекта, я опять поставлю вопросъ: зачѣмъ, указавъ на то, что въ прилѣпскомъ говорѣ ѣ = э (между тѣмъ какъ Мирчевъ говоритъ только объ е), Беличу понадобилось приписать: какъ въ сербскихъ говорахъ? развѣ Беличу неизвѣстно, что е для ѣ представляетъ собою такое же органическое явленіе для болгарскаго языка, какъ и для сербскаго?

По третьему пункту: Мирчевъ говоритъ, что преобладающее замѣной для Ъ въ прилѣпскомъ говорѣ является гласная о, гласная же а появляется значительно рѣже, и при томъ чаще всего это оканывается, собственно говоря, не гласная а, но *а̃*; во всякомъ случаѣ, Беличу, конечно, прекрасно извѣстно изъ болгарской діалектологіи, что гласныя а и *а̃* на мѣстѣ х не представляютъ собою ничего необычнаго и для восточно-болгарской языковой области (им. сущ. — сын, глаголъ: санувам), равнымъ образомъ какъ и *ѣ* на мѣстѣ в, откуда затѣмъ гласная а, въ родѣ, напримѣръ, восточно-болгарскаго *тавица, лапа, џакло* и т. п.; зачѣмъ Беличу понадобилось въ этомъ прилѣпскомъ а (*а̃*) видѣть непременно сербское явленіе, неизвѣстно; я склоненъ скорѣе всего объяснять это произвольное сопоставленіе г. Белича недостаточной освѣдомленностью его въ болгарской діалектологіи. Беличъ говоритъ о томъ, что *лѣ* въ прилѣпскомъ говорѣ — «переходитъ, правда, въ *ѣ*, какъ въ болгарскомъ, но зато это *ѣ* переходитъ дальше въ а подъ вліяніемъ сербскихъ говоровъ косовскаго типа». Ничего подобнаго, конечно, у Мирчева нѣтъ. Мирчевъ констатируетъ только фактъ, что въ описываемомъ имъ говорѣ для *лѣ* мы имѣемъ гласныя а (*ia*) и у; о переходѣ *лѣ* въ этомъ говорѣ въ *ѣ* у Мирчева не говорится ни слова. Явилось ли а въ данномъ говорѣ секундарнымъ рефлексомъ старо-славянскаго *лѣ* или, быть можетъ, оно развилось здѣсь инымъ путемъ помимо ступени *ѣ*, это совершенно другой вопросъ, выходящій уже изъ рамокъ данныхъ нашего источника. Слѣдовательно, опять г. Беличъ тенденціозно используетъ свой источникъ и явленіямъ языка даетъ поспѣшное и слишкомъ произвольное истолкованіе. Беличевскому же «явленію сербскихъ говоровъ косовскаго типа» противопоставлю одинъ изъ восточно-болгарскихъ говоровъ, именно, — пирдопскій, гдѣ согласно описанію профессора Милетича, мы имѣемъ на мѣстѣ старо-славянскаго *лѣ* то же а. Такимъ образомъ, видѣть въ прилѣпскомъ а на мѣстѣ старо-славянскаго *лѣ* непременно вліяніе сербскихъ говоровъ косовскаго типа мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ оснований, не

подвергая даннаго явленія предварительному детальному изслѣдованію. Но Беличъ идетъ еще дальше: онъ произвольно подставляетъ *ѣ*, о которомъ источникъ ничего не говоритъ, а мы всѣ знаемъ, что обще-славянская гласная *ѣ* въ сербскомъ языкѣ дала гласную *а*; если и въ прилѣпскомъ говорѣ мы наблюдаемъ развитіе изъ *ѣ* гласной *а*. Читатель самъ отсюда сдѣлаетъ выводъ, искусно подсказанный ему Беличемъ, о вліяніи на прилѣпскій говоръ сербскаго языка. Что касается гласной *у* на мѣстѣ *ѣ*, которую Беличъ также поспѣшно называетъ «сербскиѣ *у*», то слѣдуетъ имѣть въ виду, что такія формы, какъ прилѣпскія: *мудар*, *лука*, *недунав*, *сут*, *штукна*, *чубрица* и др. представляетъ собою тѣ, именно, формы, которыя разсѣяны по всей территории болгарскаго языка и во всякомъ случаѣ не представляютъ собою еще «сербскаго *у*» въ томъ смыслѣ, какой этому явленію придаетъ г. Беличъ.

Затѣмъ Беличъ говоритъ, что въ прилѣпскомъ говорѣ *чр* переходитъ въ *цр*, прибавляя свое неизмѣнное, — «какъ въ сербскоѣ *языкѣ*». Отмѣчу, что сочетаніе *цр* вмѣсто *чр* очень хорошо знакомо и болгарскому языку: *црква* и *черква*, *царвули* и *чървули*, *черенъ* и *црен*, *червен* и *црвенъ* и т. п. представляютъ собою также и болгарскія чередованія; такое же «сербское» *цр* встрѣчается и на территории восточно-болгарскихъ говоровъ, напримѣръ, въ Старой Загорѣ, Татар-пазарджикѣ и въ восточ.-родопскихъ говорахъ.

Затѣмъ Беличъ говоритъ: *х* во многихъ случаяхъ исчезаетъ также *подъ вліяніемъ сербскаго языка*. Какъ можно въ данномъ случаѣ говорить о сербскомъ вліяніи, когда на всей территории болгарскаго языка мы всегда имѣемъ: *леп* или *ляп* вмѣсто *хлеп*; *ора* вмѣсто *хора*; *црлови* вмѣсто *чрхови*; *муѣ* и множественное число *муи* вмѣсто *муѣ*, *мухи*; *дойдоа*, *беа*, *вѣкаа*, *плата* и т. д. и т. д., т. е. тѣ самыя формы, какія отмѣчены у Мирчева для прилѣпскаго говора.

Я не буду больше утруждать вниманія читателя дальнѣйшимъ анализомъ метода профессора Белича, пользуясь которымъ онъ создалъ свой сербско-македонскій діалектъ и написалъ свою брошюру, направленную противъ болгарскаго народа и его святыхъ завѣтовъ...

Итакъ, я констатирую фактъ, что г. Беличъ, во-первыхъ, самъ непосредственно не изучалъ ни говоровъ западной Болгаріи ни Македоніи и, во-вторыхъ, что, пользуясь данными изъ вторыхъ рукъ и строя на нихъ свои діалектологическія схемы, онъ допустилъ въ

своей книгѣ: «*Сербы и болгары въ балканскомъ союзѣ*» тенденціозное использование источника и поспѣшныя, необоснованныя сопоставленія.

Есть еще у Белича одна діалектологическая, специально, тенденція, по поводу которой тоже слѣдовало бы поговорить подробнѣе. Эта специально діалектологическая тенденція заключается въ характеристикѣ «сербо-македонскаго» діалекта, какъ «смѣшаннаго говора, въ которомъ съ чертами македонскаго смѣшались черты сербскаго языка». (Стр. 38). Выше мы уже имѣли возможность убѣдиться въ томъ, что это за беличевскія «черты сербскаго языка»: однѣ изъ нихъ, какъ ѣ и ѣ, представляютъ собою печальное недоразумѣніе, другія же не носятъ въ себѣ ничего специфически сербскаго. И тѣмъ не менѣе, на страницѣ 61 своей книги онъ, исчисливъ эти черты, вновь утверждаетъ, «что эти діалекты представляютъ смѣшанный сербско-болгарскій діалектологическій типъ, въ которомъ сербскія черты очень существенны», что «подъ сильнымъ вліяніемъ сербскихъ говоровъ съ сѣвера и сѣверо-запада получился теперь въ западной Македоніи сербско-македонскій діалектъ (или сербско-болгарскій); въ восточной и южной Македоніи, хотя и тутъ можно констатировать все еще значительное вліяніе сербскаго языка, народныя говоры не утратили въ такой мѣрѣ своего македонско-болгарскаго типа».

Совокупность чертъ этихъ говоровъ, говоритъ дальше Беличъ (страница 63), обращала на себя вниманіе ученыхъ, и многими, очень авторитетными изъ нихъ (напримѣръ академикомъ И. В. Ягичемъ), высказывался правильный взглядъ, что эти говоры представляютъ смѣшанный («переходный») типъ сербско-болгарскій. И мною, и до сихъ поръ, высказывался всегда такой взглядъ по отношенію къ нимъ... И затѣмъ, поставивъ себя наряду съ «очень авторитетнымъ академикомъ И. В. Ягичемъ», Беличъ приводитъ цитату изъ своей статьи 1906 г.—«*Діалектологическая карта сербскаго языка*». Прочитавъ эту цитату, остаешься въ недоумѣніи, кого Беличъ считаетъ болѣе авторитетнымъ въ данномъ случаѣ, себя или академика Ягича, и кому изъ нихъ долженъ принадлежать приоритетъ въ установленіи правильного взгляда на вещи. Цифровыя же данныя, несомнѣнно, говорятъ скорѣе въ пользу академика Ягича, чѣмъ г. Белича, такъ какъ первый затронулъ этотъ вопросъ еще въ 1895 г. въ статьѣ—*Ein Kapitel aus der Geschichte der südslawischen Sprachen* (Arch., XVII, 47) и затѣмъ въ 1898 и 1900 гг. въ своей классиче-

ской статьѣ: *Einige Streitfragen*, (Arch. XX, гл. IV; Arch. XXII, гл. III). Профессоръ Ягичъ, исходя изъ историческихъ данныхъ, характеризующихъ собою процессъ заселенія балканскаго полуострова славянами, устанавливаетъ принципъ извѣстнаго единства всѣхъ юго-славянскихъ нарѣчій и констатируетъ фактъ закономерной преемственной послѣдовательности распространенія извѣстныхъ языковыхъ явленій по всей языковой территоріи съ одного ея конца до другого. Теорію Ягича образно можно было бы представить себѣ въ видѣ цѣпи, отдѣльныя звенья которой представляли бы собою отдѣльныя нарѣчія, и вотъ мѣста соприкосновенія другъ съ другомъ двухъ смежныхъ звеньевъ, образующихъ собою какъ бы конецъ одной группы явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ начало другой, такія мѣста или такія языковыя области Ягичъ и охарактеризовалъ терминомъ—*uebergangs-dialecte*, т. е. переходные говоры. Dagegen mus jedoch erwidert werden, dass die wahre Natur der Uebergangsdialecte allerdings nicht nur darin besteht, das daselbst in den Grenzgebieten zwei von verschiedenen Seiten kommende Strömungen ineinander fließen, sondern auch in solchen Erscheinungen sich kundgeben muss, die einerseits den Ausgang oder Endpunkt der einen, andererseits den Anfangspunkt der anderen Gruppe abgeben, wobei man nicht mit einem Merkmal allein, sondern mit einer Summe von mehreren und verschidenen operiren muss.

Такимъ образомъ, характернымъ признакомъ переходнаго нарѣчя высокочтимый славистъ считаетъ не то, что въ говорѣ является въ результатъ процесса взаимнаго вліянія другъ на друга двухъ смежныхъ нарѣчій, но присутствіе въ немъ такого комплекса явленій, который представлялъ бы собою конецъ извѣстной группы явленій для одного сосѣдняго нарѣчя и вмѣстѣ съ тѣмъ начало другой группы явленій, характерной для другого сосѣдняго нарѣчя. Мысль Ягича очень глубока, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ясна, и кто умѣетъ читать Ягича, тотъ никогда не отождествитъ двухъ понятій «смѣшанный» говоръ и «переходный» говоръ, утверждая, что Ягичъ считаетъ македонское нарѣчье «смѣшаннымъ» говоромъ, какъ это ошибочно дѣлаетъ Беличъ. Дѣйствительно, словацкое нарѣчье, македонское нарѣчье, кайкавское нарѣчье и кашубское нарѣчье Ягичъ характеризуетъ, какъ переходныя нарѣчія, первое отъ чешскаго къ южно-русскому и юго-славянскимъ, второе отъ сербо-хорватскаго къ болгарскому, третье отъ словинскаго къ хорватскому и сербскому,

четвертое отъ полабскаго къ польскому или наоборотъ, причемъ принципъ переходности Ягичъ понимаетъ въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, исключаящемъ всякую возможность отождествленія этого понятія съ понятіемъ смѣшанности, что, однако, допускаетъ Беличъ.

Wie ist die macedonische k' g' zu erklären? Ist das ein Grundzug des macedonischen Uebergangsdialectes? Es scheint aber in ganz Macedonien keine Gegend zu existiren, wo ausschliesslich k'—h und g'—h herrscht, sondern überall vermengt (смѣшаны) mit št—žd. Wie ist nun die Mischung entstanden? Ich vermag darauf keine Antwort zu geben. Doch für den Nachweis, dass die nächsten Nachbarn fortwährend Berührungspunkte zeigen, eignet sich auch das macedonische k'—h, g'—h vorzüglich. Eben so steht das macedonische uh (oder шч?) in einem gewissen Zusammenhang mit dem in westlichen Gebieten des Serbo-kroatischen noch jetzt lebenden sč, während das neuere serbocroatische, im osten dominierende št, sich mit dem üblichen bulgarischen um deckt. Auch das serbocroatische cr für čr greift bis nach Macedonien hinein. — Такимъ образомъ, Ягичъ характеризуетъ македонское нарѣчіе, какъ *переходный діалектъ* отъ сербскаго языка къ болгарскому не потому, что въ его говорахъ наблюдается какая то смѣсь элементовъ сербскихъ и болгарскихъ, но потому, что въ македонскомъ нарѣчїи присутствуютъ элементы въ родѣ k'—g', которые, по мысли автора, можно было бы разсматривать какъ характерный признакъ «переходности». Значить ли, однако, что, характеризуя — я сознательно пользуюсь въ данномъ случаѣ терминомъ «характеризуя», такъ какъ академикъ Ягичъ, создавая и обосновывая свою знаменитую теорію взаимоотношенія юго-славянскихъ нарѣчїй, вовсе и не имѣетъ въ виду какихъ либо національныхъ приуроченій и не рѣшаетъ судьбъ интересующихъ его нарѣчїй съ этой именно точки зрѣнія, т. е. вовсе не опредѣляетъ, какой народности принадлежитъ или должно принадлежать изслѣдуемое нарѣчіе, а именно характеризуетъ данное нарѣчіе, какъ комплексъ извѣстныхъ фонетическихъ, морфологическихъ и пр. явленій въ его отношеніи къ другому смежному съ нимъ нарѣчїю, представляющему собою другой комплексъ извѣстныхъ фонетическихъ, морфологическихъ и прочихъ явленій, — значить ли, повторяю, что, характеризуя въ своей системѣ взаимоотношеній славянскихъ нарѣчїй македонское нарѣчіе, какъ *переходный языкъ*,

Ягичъ тѣмъ самымъ высказался опредѣленнымъ образомъ и о національномъ приуроченіи этого языка къ той, а не къ иной народности? Эта проблема вовсе не входила въ намѣренія Ягича, и создавая свою теорію о переходныхъ говорахъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду ни отвѣчать на вопросъ о національности македонскихъ славянъ, говорящихъ на «переходномъ» македонскомъ нарѣчьи, ни давать какого-либо опредѣленнаго этнографическаго приуроченія этому нарѣчію.

Итакъ, приписываніе «очень авторитетному изъ многихъ ученыхъ» академику Ягичу «правильнаго взгляда» на македонскіе говоры, какъ представляющіе собою «смѣшанный типъ сербско-болгарскій», я нахожу со стороны Белича ошибочнымъ, ибо академикъ Ягичъ ничего не говоритъ ни о томъ, что македонское нарѣчіе представляетъ собою сербскій языкъ, ни о томъ, что оно представляетъ собою болгарскій языкъ, ни о томъ, что оно представляетъ собою смѣшанный типъ сербско-болгарскій. Такимъ образомъ, и отождествленіе г-номъ Беличемъ своихъ воззрѣній съ воззрѣніями академика Ягича я считаю со стороны Белича большою неосторожностью, впрочемъ—отъ души желаю ему, усовершенствуясь въ своихъ познаніяхъ, подняться, хотя бы до половины той высоты, на которой въ глазахъ ряда поколѣній незаблѣмо стоитъ высоко-чтимая личность И. В. Ягича,—подняться, если можетъ!

Прежде чѣмъ закончить настоящую главу, считаю своимъ долгомъ остановиться еще на одной статьѣ чешскаго слависта, профессора Д. Нидерле, напечатанной въ 1911 г. въ чешскомъ журналѣ «*Ceská Revue*» подъ заглавіемъ—«*Makedonska otazka*», т. е. македонскій вопросъ. Сдѣлавъ обстоятельный обзоръ обширной литературы по македонскому вопросу, профессоръ Нидерле приходитъ къ слѣдующему убѣжденію: въ языковомъ отношеніи, говоритъ онъ, всю Македонію цѣликомъ надо отнести къ Болгаріи, а не къ Сербіи—*jazykově dlužno jí v celku připojiti k Bulharsku ne k Srbsku*—и этотъ выводъ, продолжаетъ изслѣдовать какъ послѣднее заключеніе выдающихся современныхъ славистовъ, долженъ быть директивно для всякаго посторонняго наблюдателя, который не имѣетъ достаточной самостоятельной лингвистической подготовки для того, чтобы произнести свой собственный судъ.

Въ прежнее время, говоритъ онъ, понятіе о народности просто отождествлялось съ понятіемъ о вѣрѣ, но когда въ XVIII и XIX ст.

вплоть до 70-х годов путешественники спрашивали население о народности, то всюду они получали отвѣтъ: мы болгары, и это не отрицали тогда ни греки, ни сербы, не думавшіе тогда ни о Македоніи, ни о Солуни. Между тѣмъ, *еще до 70-х годовъ вся культурная жизнь Македоніи была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Болгаріей*: уже до этого болгары имѣли здѣсь свои школы, изъ среды же македонцевъ вышелъ цѣлый рядъ болгарскихъ народныхъ будителей и первыхъ болгарскихъ писателей, какъ—инокъ Паисій, Іоакимъ Кърчовскій, Кирилль Пейчиновичъ изъ Тетова, Христки Павловичъ, архимандритъ Анатолій, Ангель Палашевъ, Райко Иванъ Жинзифовъ, Ди. и Константинъ Миладиновы, создатель болгарской школы Неофитъ Рильскій,—здѣсь же въ Македоніи въ Солуни въ 1839 г. была основана и первая болгарская типографія.

Это обстоятельство имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что во всѣхъ почти (исключеніе составляетъ одинъ лишь австрійскій врачъ Мюллеръ) сочиненіяхъ вплоть до 70 г. г., говорившихъ о Македоніи, мы читаемъ, что славянское населеніе страны—болгарской народности. И только лишь въ 70 г., въ связи съ пробужденіемъ интереса къ Македоніи у Сербовъ и постановкой политическаго вопроса, возникъ у болгаръ и сербовъ споръ научный о національной принадлежности македонскихъ славянъ, приведшій къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сербами былъ выставленъ цѣлый рядъ доказательствъ, опровергавшихъ принадлежность македонскихъ славянъ къ болгарской народности.

Въ другомъ трудѣ: „*Обзоръ современнаго славянства*“ (СПБ. 1909), проф. Нидерле совершенно опредѣленно указываетъ юго-восточную и восточную границы сербской языковой области: Шарь-планина, Черна-гора, Вранье, Пироть, Зайчаръ (стр. 113)... Кромѣ этой сплошной области, мы встрѣчаемъ, говоритъ онъ, сербскія и хорватскія колоніи еще и въ другихъ мѣстахъ. Во-первыхъ, навѣрно, многія сербскія селенія находятся на албанской территоріи; существуютъ также сербскія колоніи въ Македоніи, хотя невозможно здѣсь приводить болѣе подробныя данныя вслѣдствіе того, что эти данныя вообще весьма спорны. Сербы здѣсь живутъ въ окрестностяхъ Тетова, Куманово, Скопля (стр. 115). Жителей собственно Македоніи, на югѣ отъ Скопля, мы, говоритъ Нидерле, причисляемъ къ *болгарамъ* (117). Въ общемъ же, сербское населеніе въ Старой Сербіи и Македоніи у Нидерле показано въ цифрѣ около 300,000 душъ.

Подводя итоги вопросу о славянахъ въ Македоніи (§ 39) въ томъ же обзорѣ современнаго славянства (стр. 152), Нидерле высказываетъ слѣдующія положенія:

1) Славяне въ Македоніи и Старой Сербіи представляютъ народъ, національное чувство котораго до сихъ поръ не полно и не равномерно развито, въ сравненіи съ обоими славянскими сосѣдями.

2) Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть этихъ славянъ чувствуетъ и признаетъ себя *болгарали* («бугаринъ»); далѣе, это названіе древнее, историческое, оно не произошло только изъ болгарской церковной пропаганды послѣднихъ десятилѣтій. Названіе «србинъ», хотя эти области когда то причислялись къ сербскому государству, не привилось. Оттого новая политико-церковная Болгарская пропаганда нашла сильный отголосокъ по всей землѣ, между тѣмъ какъ сербская имѣетъ впереди свѣтлую будущность и благодатную почву только въ сѣверной части, которая находится въ сношеніи и въ сферѣ непосредственныхъ интересовъ и вліянія сербскаго королевства, слѣдовательно, въ такъ называемой Старой Сербіи.

3) И съ филологической точки зрѣнія языкъ македонскихъ славянъ, хотя и представляетъ собою группу мѣстныхъ діалектовъ, другъ отъ друга нѣсколько уклоняющихся и въ общемъ составляющихъ что то среднее между экавскимъ сербскимъ нарѣчіемъ и восточнымъ собственно-болгарскимъ языкомъ,—все-таки приближается главными признаками больше къ языку болгарскому, чѣмъ къ сербскому... Потому то я выше, заключаетъ проф. Нидерле, и присоединилъ македонскихъ славянъ къ болгарамъ, признавая, что только въ Старой Сербіи находится значительное количество семействъ, которыя считаютъ себя сербами (стр. 152, 153).

Въ 1898 г. въ Лейпцигѣ вышло изслѣдованіе профессора Лейпцигскаго Университета и прекраснаго, между прочимъ, знатока Македоніи, Густава Вейганда: «*Die Nationalen Bestrebungen der Balkanvölker*».

Мое утвержденіе, говоритъ этотъ изслѣдователь, что Македонцы считаютъ себя *болгарали*, находитъ себѣ единогласное подтвержденіе у всѣхъ путешественниковъ и не только у тѣхъ, которые посѣтили Македонію въ недавнее время, но и у прежнихъ путешественниковъ. Увѣреніе сербовъ, что только въ недавнее время присвоено названіе болгаръ крестьянскому населенію Македоніи представляетъ собою чистѣйшій вымыселъ. Правда, во время моихъ поѣздокъ въ Македонію

въ 1886, 1889 и 1890 г.г. я встрѣтилъ нѣсколькихъ болгаръ, которые мнѣ говорили, что они греки, потому что они питали симпатію къ грекамъ, но я не встрѣтилъ ни одного, кто бы называлъ себя сербомъ... Чистыхъ сербовъ, исключая эмигрантовъ, вообще совершенно нѣтъ во всей Македоніи южнѣ сербской границы и Шаръ-планины. (.... mais des Serbes purs, hormis les émigrés, il n'y en a pas en général dans toute la Macédoine méridionale, de la limite serbe et du mont Char).

Такимъ образомъ, если политическимъ домогательствамъ отдѣльныхъ народностей въ Македоніи противопоставить ихъ этнографическія отношенія, то по мнѣнію проф. Нидерле, самымъ сильнымъ элементомъ въ Македоніи являются дѣйствительно *болгары*, какимъ они останутся, думаетъ онъ, и на будущее время, даже если допустить извѣстную этнографическую конъюнктуру; на второмъ мѣстѣ, значительно уступая въ своей силѣ болгарамъ, стоятъ магометане-турки, затѣмъ идутъ греки, весьма незначительны румыны и сербы.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, говоритъ Нидерле, что если бы рѣшеніе вопроса о будущей судьбѣ Македоніи *лозло бытъ и было бы поставлено на почву естественнаго права, то Македонія отошла бы цѣликомъ къ Болгаріи*, за исключеніемъ небольшихъ пограничныхъ чисто греческихъ областей, которыя отошли бы къ Греціи.

Однако, принципы естественнаго права по отношенію къ Македоніи сталкиваются здѣсь съ другими интересами и при томъ настолько сильными, что они и противорѣчатъ принципамъ естественнаго права и просто не считаются съ нимъ: это прежде всего политическіе и экономическіе интересы Австріи и Сербіи, и особенно жизненные интересы Сербіи.

Я не знаю, говоритъ Нидерле, имѣется ли сейчасъ въ спокойно и разумно разсуждающемъ молодомъ сербскомъ поколѣніи убѣжденіе, что Македонія—сербская страна или путемъ пропаганды можетъ быть сдѣлана сербскою,—но, несомнѣнно, что если эта утопія и исчезла въ сознаніи сербовъ, то въ нихъ постоянно живо стремленіе получить Македонію въ томъ видѣ, какова она есть, независимо отъ того, сербская она или болгарская... Для того, кто ближе слѣдитъ за балканскими дѣлами, ясно, что въ настоящее время разрѣшить споръ о Македоніи между сербами и болгарами мирнымъ путемъ не будетъ почти никакой возможности. Такимъ путемъ его можно было

разрѣшить въ 1885 г., но теперь нельзя, ибо теперь врядь ли Болгарія согласится на раздѣленіе сферъ въ духѣ сербскихъ предложеній, согласно которому западная сторона Вардарской долины съ Солуныю отошла бы къ Сербіи, а долина рѣки Струмы къ Болгаріи.

Идя по стопамъ старыхъ шовинистовъ, молодой сербскій ученый г. Беличъ въ своей брошюрѣ: «*Сербы и болгары*» тоже ссылается на обычай славы, извѣстный якобы только среди сербскаго населенія и въ Македоніи, какъ на серьезный доводъ въ пользу того, что македонскіе славяне сербы, а не болгары. Если вѣрно, что обычай вообще составляютъ отличительную черту каждаго народа, говоритъ Беличъ, то и обычай, о которомъ я говорю, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что всѣ тѣ, которые держатся этого обычая, составляютъ одно цѣлое, принадлежатъ къ одной народности (стр. 63). Какъ это ни странно, но г. Беличъ, какъ и его почтенные учителя, г. г. Веселиновичъ, Ястребовъ и др., очевидно, не представляетъ себѣ, что этнографическая деталь—самый ненадежный матеріалъ для какихъ бы то ни было научныхъ выводовъ, ненадежный, во первыхъ, потому, что никогда нельзя поручиться, насколько данная народность полно и всесторонне обследована въ этнографическомъ отношеніи, а слѣдовательно, при современномъ состояніи славянскихъ этнографическихъ изученій, никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, насколько данный признакъ, наблюдаемый у одной народности, встрѣчается или не встрѣчается или, быть можетъ, встрѣчался у другой сосѣдней съ нимъ родственной народности; съ другой стороны, этнографическій матеріалъ не надеженъ и потому, что нерѣдко не представляется положительно никакой возможности сказать, въ какой мѣрѣ наблюдаемый у данной народности этнографическій признакъ дѣйствительно представляетъ собою ея истинное достояніе или же заимствованъ народностью у сосѣдей или вообще у культуры, имѣвшей въ извѣстную эпоху развитія народности сильное на нее вліяніе. Этотъ вопросъ съ научно—методологической точки зрѣнія представляется вообще настолько сложнымъ, что онъ дѣлаетъ крайне трудными какія бы то ни было этнографическія изысканія въ этомъ направленіи. Въ частности, что касается сербской «славы» у македонскихъ славянъ, на которую ссылается въ своей брошюрѣ г. Беличъ, то этотъ аргументъ требуетъ къ себѣ, конечно, самага осторожнаго отношенія. Вотъ что по

этому поводу говорить, напримѣръ, профессоръ Нидерле въ указанной мною выше статьѣ:

Въ этнографическомъ отношеніи Македонія, съ одной стороны, находится въ связи съ Сербіей, съ другой стороны—съ Болгаріей, въ частности же македонская «слава» не можетъ быть достаточнымъ поводомъ въ пользу утвержденія о сербской національности македонскаго населенія, что сербскими этнографами въ родѣ Ястребова, Гопчевича и др. было между тѣмъ принято, какъ типичный сербскій этнографическій признакъ, на основаніи чего потомъ долго утверждалось—«*kde se slava slavi, tım je Srbin*». Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, «слава» вовсе не представляетъ собою какого либо характернаго признака серба, напротивъ, оказывается, она встрѣчается не только среди македонскаго населенія, говорящаго по-болгарски, но также, напримѣръ, и въ области Тимока, въ Родопахъ, въ Балканахъ, въ Пльвненскомъ, Рушукскомъ округахъ и другихъ мѣстностяхъ Болгаріи.

Праздникъ «Слава» заключается въ чествованіи отдѣльными семьями (кутянска слава) или общинами (општинска слава) дня извѣстнаго святого, считающагося покровителемъ данной семьи или общины. «Кутянска слава» у сербовъ носить названія:

- 1) Крсно име (изъ крстьно име),
- 2) слава,
- 3) благ дан,
- 4) свети или свето,
- 5) въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ—служба.

Различается также и нѣсколько видовъ — общинской славы.

Празднованіе «Славы» сопровождается преломленіемъ обрядового хлѣба и «поднятіемъ во славу», когда при возгласѣ: «во славу Божию, за честные кресты и пр.»—присутствующіе поднимаются со своихъ мѣстъ и поютъ: Ко пије вино за славе Божје и т. д. (см. у Миличевича: «*Славе у Срба*», Гадишница Николе Чупића I, 1877, стр. 89—163, и у проф. Пл. Кулаковскаго: «*О праздникѣ Слава у Сербовъ*» Русскій Вѣстникъ 1883, сент., 329—357).

По мнѣнію Ястребова, существованіе такого обычая у македонскихъ славянъ (въ Скопие, Велесѣ, Дебрѣ, Охридѣ и пр.)—служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что эти славяне принадлежатъ къ чисто сербской народности (то же Милошъ Милоевичъ и его школа, выработавшая вышеприведенный этнографическій принципъ для

опредѣленія границъ сербскаго племени: «гдѣ је слава, ту је србин»). Проф. Кулаковскій, посвятившій сербской славѣ специальную статью, замѣчаетъ: «слѣдуетъ быть осторожнымъ въ вопросѣ о принадлежности того или другого обычая тому или другому славянскому племени. Извѣстно, что сербы даже опредѣляютъ границы своего племени празднованіемъ славы, но одинъ обычай еще ровно ничего не говоритъ въ пользу той или другой этнографической границы племени».

Проф. Дриновъ указываетъ, что тотъ же праздникъ существуетъ не у однихъ сербовъ, но и у болгаръ, у грековъ, у румынъ, у православныхъ албанцевъ, наконецъ, и у русскихъ, словомъ у всѣхъ православныхъ христіанъ Европы, между которыми вся разница относительно этого обычая заключается въ большей или меньшей сохранности его, да въ нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ особенностяхъ (для русскихъ см. П. С. Ефименко: *Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи*—въ Извѣст. общ. л. ест., антр. и этногр., XXX, вып. I, стр. 140—143; также Горскій и Невоструевъ: «*Описаніе рукописей Синодальной Библіотеки*»—отд. 2-ой, 3, стр. 68; «*Исторія русск. ц.*» Макарія, т. II, стр. 116—118 (второе изданіе); проф. Сумцовъ: *Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ*, стр. 127). Что касается болгаръ, то здѣсь обычай славы указанъ еще Карджичемъ: Бугари сви око Тимока славе (славятъ) Николь дан, и осим (кромѣ) крснога колача, који се сијече као и у Срба (который надрѣзывается и ломается, какъ и у сербовъ), сваки умјеси по један велики сомун (хлѣбъ), у који се метне по читав шаран (въ которомъ запекаютъ цѣльную рыбу—таранъ). Въ дополненіе къ этому показанію проф. Дриновъ констатируетъ существованіе того же праздника и сопряженныхъ съ нимъ обрядовъ во всѣхъ болгарскихъ областяхъ.

Въ Болгаріи этотъ праздникъ носитъ названіе служба; это имя онъ носитъ, по показанію Дринова, и въ Дебрскомъ округѣ; кромѣ того, въ Болгаріи же онъ извѣстенъ также и подъ именами: *Божо име, свѣти, светецъ, светителски ден, черкуванье, чин* и пр.

Такую же параллель въ болгарскихъ обычаяхъ находитъ проф. Дриновъ и въ другихъ обычаяхъ македонскихъ славянъ, которые Ястребовъ разсматриваетъ какъ сербскіе, вродѣ: *патерица, святочные обычаи, день Боюявленія* и пр. (См. цитир. выше статью проф. М. С. Дринова въ „Изв. СПб. Слав. Благ. Общ. за 1887 г.).

VIII.

Болгарско-сербскія культурно-историческія взаимоотношенія.

Когда настоящій очеркъ болгарско-сербскихъ историко-этнографическихъ и лингвистическихъ взаимоотношеній по македонскому вопросу былъ уже написанъ, въ печати появилась еще одна книга, направленная противъ той же несчастной Болгаріи, составленная двумя сербами — М. Вукичевичемъ и Д. Семизъ и изданная ими въ СПБ. (1913) на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Сербы и Болгары въ борьбѣ за свободу и культуру*. Если бы эта книга была написана по сербски, ее можно было бы съ успѣхомъ игнорировать, какъ абсолютно не заслуживающую никакого вниманія, но написанная на русскомъ языкѣ, стало быть, для русскаго читателя, эта книга должна быть подвергнута съ нашей стороны самому суровому обличенію, какъ клеветнической навѣтъ на болгарскій народъ, какъ новая попытка вовлеченія русскаго читателя въ братоубійственную распрю, какъ, наконецъ, книга, безусловно, вредная съ точки зрѣнія интересовъ общеславянской солидарности и единенія.

Да, мы были совершенно правы, когда въ одной изъ предыдущихъ главъ принуждены были все еще говорить о славянствѣ современной Болгаріи, указывая на то, что и до настоящаго времени сербской научно-публицистической литературѣ не чужда странная, ничѣмъ не объяснимая и непонятная тенденція приписывать нынѣшнимъ болгарамъ монгольское происхожденіе, и вотъ эту же тенденцію мы, къ сожалѣнію, находимъ прежде всего и въ названной книгѣ двухъ сербскихъ авторовъ, ополчившихся *viribus unitis* противъ Болгаріи, чтобы добить ее, уничтожить, стереть съ лица земли, вычеркнуть ее совершенно изъ исторіи культуры человѣческой, свести на нѣтъ всѣя заслуги, заставить забыть о тѣхъ невѣроятныхъ страданіяхъ, которыя пережиты болгарскимъ народомъ за пять вѣковъ его безпросвѣтнаго рабства...

Нѣтъ, никакія усилія не заставятъ насъ забыть все это, и не нашей русской душѣ понять, что герой только тотъ, кто взялъ въ руки мечъ, ибо съ нашей точки зрѣнія — страданіе есть тоже героизмъ. «Претерпѣвый до конца — той спасенъ будетъ» — вотъ нашъ

основной принципъ, сущность нашего міропониманія, основа нашей психики, и совершенно напрасно г.г. сербскіе авторы на протяжении 250 страницъ своей книги стараются увлечь наше воображеніе печальнымъ соболѣзнованіемъ по адресу болгарскаго ничтожества, совершенно напрасно, потому что всѣ мы прекрасно знаемъ, что пережилъ на самомъ дѣлѣ болгарскій народъ за годы своего многовѣкового рабства, сколько пролилъ онъ своей крови, сколько перенесъ горя и испыталъ оскорбленій, знаемъ также и сколько лучшихъ его сыновъ гибло на турецкихъ висѣлицахъ и въ тюрьмахъ Діарбекира, Анатоліи и Малой Азіи, и не намъ, конечно, слушать объ историческомъ и культурномъ ничтожествѣ болгарской народности!

«Отъ тюркскихъ болгаръ мѣстные славяне восприняли способность къ воинской и государственной организаціи и, въ свою очередь, передали имъ свой языкъ, обычаи и міровоззрѣніе, хотя, конечно, не вполнѣ, такъ какъ и до сихъ поръ у болгаръ сохранились нѣкоторые слѣды нравовъ и обычаевъ ихъ тюркскихъ предковъ» (стр. 2). Вчитайтесь внимательно въ эту цитату, и вы поймете основную точку зрѣнія авторовъ цитируемой книги: болгары—турки усвоили отъ славянскаго населенія языкъ, обычаи и мировоззрѣніе, хотя не вполнѣ, такъ какъ и до сихъ поръ у болгаръ сохранились нѣкоторые слѣды нравовъ и обычаевъ ихъ тюркскихъ предковъ. Ясно, что современные болгары въ своей народной массѣ, съ точки зрѣнія г.г. Вукичевича и Семиза, это—турки, подвергшіеся сильному славянскому вліянію, которому не удалось, однако, совсѣмъ стереть съ ихъ фізіономіи нѣкоторыя особенности ихъ тюркскихъ предковъ.

«Современные болгары, читаемъ мы дальше на стр. 14, представляютъ собою смѣсь славянъ и тюркскихъ болгаръ. Вѣка понадобились для того, чтобы слились въ одно нераздѣльное цѣлое эти два племени. Нѣкоторыя особенности тюркской расы (какія ?) не въ силахъ были уничтожить ни вѣка, ни культура. У болгаръ и по сіе время сохранились такія характерныя особенности, которыхъ нѣтъ у другихъ славянъ (какія ?). Въ болгарской націи рѣзко выражены два типа: азіатскій (тюркскій) и славянскій...» и т. д. Что это за *нѣкоторыя* особенности тюркской расы, сохранившіяся у болгаръ и по сіе время и при томъ, какъ оказывается, настолько прочно, что ни вѣка ни культура не въ силахъ были ихъ уничтожить, мы не знаемъ, во всякомъ случаѣ ихъ слѣдовало бы авторамъ книги

назвать точнѣе, потому что:—«употребленіе конскаго хвоста въ видѣ военного знамени, клятвы на мечѣ, обычаи при ѣдѣ—все это характеризуетъ болгаръ (читай: древнихъ боргарь!), какъ представителей монгольской расы» (стр. 15) или: «болгарскій народъ (характеристика древнихъ болгаръ у византійскихъ источниковъ), грязный и нечистый, представляетъ собою большую кочевую орду, распадавшуюся на рядъ меньшихъ ордъ, съ ханами во главѣ, одинъ изъ которыхъ, великій ханъ или каганъ, былъ главаремъ всего народа» (стр. 15) — все это къ дѣлу не идетъ, потому, что, какъ всѣмъ извѣстно, современные болгары конскаго хвоста совсѣмъ не употребляютъ, никакихъ клятвъ на мечѣ не знаютъ, какихъ либо особыхъ отъ прочихъ славянъ обычаевъ при ѣдѣ, повидимому, не соблюдаютъ, словомъ: голословное утверженіе братьевъ-сербовъ о томъ, что *нѣкоторыя* особенности тюркской расы сохранились у современныхъ болгаръ, остается висѣть въ воздухѣ, какъ пустое слово, брошенное на вѣтеръ, а между тѣмъ юристу г-ну Семизу, слѣдовало бы, по своей профессіи, знать, что приписываніе другому *нѣкоторыхъ* особенностей, не подкрѣпленное опредѣленными фактами, на юридическомъ языкѣ имѣютъ и опредѣленную квалификацію. А на стр. 16 мы опять читаемъ: «Лишенный прилива свѣжихъ силъ, тюркскій элементъ мало-по-малу уступаетъ первенство славянскому элементу, хотя и не во всемъ, такъ какъ и до настоящаго времени въ болгарскомъ народѣ сохранились *нѣкоторыя особенности* тюркскихъ болгаръ».

Такова основная точка зрѣнія нашихъ сербскихъ авторовъ на болгарскій народъ. Что же касается ихъ отношенія къ болгарской культурѣ и къ самой личности болгарскаго народа, то цитируемая книга написана въ такомъ духѣ, что отъ болгаръ и болгарской культуры послѣ нея не осталось и слѣда. Общую мысль книги, съ этой именно точки зрѣнія, лучше всего характеризуютъ слѣдующія ея же строки: «Болгарскія царства развивались и расширялись необычайно быстро и также быстро гибли и исчезали. Такова судьба и болгарской культуры. Царство и культура болгарскія погибли, не оставив послѣ себя въ народной памяти и жизни почти никакихъ слѣдовъ» (стр. 20), — и затѣмъ на протяженіи всей книги развивается и обосновывается этотъ основной тезисъ на фонѣ изложенія блестящихъ страницъ высокой культуры, необычайной храбрости и безпримѣрнаго героизма сербовъ, при чемъ въ активъ сербовъ вписано рѣшительно все, на чемъ только могла остановиться пылкая фантазія г.г. Вуки-

чевича и Семиза вплоть до утверждения, что у болгарь, напр., «наследники знаменитыхъ царей почти всегда были люди слабые и ничтожныя», между тѣмъ, какъ у сербовъ — «послѣ знаменитаго Стефана Немани, основателя династіи Неманичей, послѣдовалъ рядъ способныхъ и даровитыхъ его потомковъ», или: «у болгарь не замѣтно тѣсной связи между династіей и церковью; у сербовъ — создатели государственной и церковной самостоятельности и порядковъ, первые законодатели и т. д.—все члены той же династіи—Неманичей... Тѣсное единеніе между государствомъ и церковью усиливается еще тѣмъ, что всѣ правители изъ дома Неманичей щедро помогали церквамъ и монастырямъ, и наконецъ тѣмъ, что большинство изъ этихъ правителей, но примѣру своего родоначальника Немани, на старости лѣтъ принимали монашество. Между тѣмъ у болгарь ни одинъ изъ правителей не пошелъ по стопамъ царя Бориса» (стр. 25) и т. п. «Заснулъ, говорятъ сербскіе авторы, болгарскій народъ въ рабствѣ крѣпкимъ сномъ» (стр. 41) — въ XIV в.; «не замѣтно у него ни малѣйшаго желанія вырваться на свѣтъ Божій, на свободу» — (стр. 44) въ XV в.; «Болгаринъ — какъ будто доволенъ положеніемъ раба» (стр. 44); «о болгаряхъ совершенно ничего не слышно. Болгарскій народъ дремлетъ» — (стр. 60) все въ томъ же XV в. Не лучше обстоитъ дѣло и дальше. «На всемъ протяженіи XVI и XVII вѣковъ болгары точно въ легаргическомъ снѣ» (стр. 61) или продолжаютъ— «спать глубокимъ сномъ рабства» (стр. 70); вообще же—«свободная жизнь ихъ не прельщала и не воодушевляла; отдѣльные лица, старавшіяся расшевелить и воодушевить своихъ соплеменниковъ, разочарованные покидали навсегда свою родину» (стр. 72); болгарскій народъ въ XVII ст. «не проявляетъ признаковъ жизни и не знаетъ, что на земномъ шарѣ существуютъ родственныя ему славянскіе державы и народы», онъ—«ничего не дѣлаетъ, и, какъ кажется, ничего не чувствуетъ, мирно неся турецкое ярмо» (стр. 72—73), «поэтому, при всемъ желаніи, говорить подробнѣе о дѣятельности болгарь за это время не приходится» (стр. 94) и т. д. Но, быть можетъ, сербскіе авторы окажутъ маленькое вниманіе болгарскому народу—хотя бы для XVIII в.? Нѣтъ! оказывается, что и въ знаменитый вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ о. Паисія, вѣкъ скромныхъ «килійныхъ» школъ и знаменитыхъ «дамаскиновъ»—«для болгарь, попрежнему, это вѣкъ, глубокаго рабскаго сна» (стр. 104), «Мы, говорятъ братья-сербь, охотно отмѣтили бы и заслуги болгарь передъ славянствомъ и че-

ловѣчествомъ въ XVIII в., но ихъ не было» (стр. 117); вообще, «до начала XIX в. у болгаръ не было ни борьбы за свободу, ни дѣятельности на культурной нивѣ» (стр. 159) и т. д.

Вотъ тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ написана книга М. Вукичевича и Д. Семиза, избравшихъ на этотъ разъ языкъ русскаго народа для выраженія своихъ мелкихъ чувствъ по отношенію къ сосѣднему братскому народу, который въ своей исторіи пережилъ, конечно, также много страданій и такъ же неустанно боролся за свою жизнь, честь и свободу, какъ боролся и доблестный сербскій народъ, и страданія котораго вызываютъ въ насъ, его братьяхъ, такое же чувство благоговѣнія, какое вызываютъ и страницы славы сербскаго народа, но, помимо всего прочаго, въ исторіи болгарскаго народа есть и такіе факты, которые одинаково цѣнны для всего славянства и которые вызываютъ во всѣхъ насъ, маленькихъ людяхъ отдаленныхъ вѣковъ, чувство сыновняго почтенія и безграничной признательности къ болгарскому народу и его культурѣ.

Нѣтъ, не забыта эта культура никѣмъ изъ насъ, ибо на ней мы выросли, на ней мы воспитали свои чувства, ей въ значительной мѣрѣ мы, всѣ славяне, обязаны и успѣхами своей культурной жизни и своимъ славянскимъ самосознаніемъ.

Есть въ исторіи славянства великія страницы, но самая великая изъ всѣхъ это та, которая была вписана въ нее славянскими первоучителями, святыми братьями Кирилломъ и Меодіемъ. Здѣсь источникъ и начало славянской культуры и славянскаго самосознанія. На фундаментѣ, заложенномъ св. братьями, выросло и окрѣпло славянство, какъ культурная сила, которая въ теченіе тысячи лѣтъ способна была бороться на югѣ и сѣверѣ, на востокѣ и западѣ съ другими противными силами, не разъ пытавшимися, поглотивъ славянство, растворить его въ своей крови.

Чувство культурно-національнаго и племенного самосознанія, во всѣ тяжелые времена многовѣковой исторіи славянства, было для него якоремъ спасенія и несло съ собою свободу и счастье народной жизни. И тѣ великія и многозначительныя событія, которыхъ мы сейчасъ являемся счастливыми свидѣтелями, не говорятъ ли намъ о томъ же, о той несокрушимой силѣ, которая кроется въ нашемъ культурно-національномъ и племенномъ самосознаніи. Только такое самосознаніе характеризуетъ собою высокую культуру и можетъ быть твер-

дымъ оплотомъ для народа въ годы ниспосылаемыхъ ему тяжелыхъ испытаній.

Но чувство племенного самосознанія, какъ и всякое чувство, воспитывается и укрѣпляется въ рядѣ поколѣній извѣстными факторами, играющими роль воспитателя этого чувства. Въ числѣ такихъ факторовъ, игравшихъ съ древнѣйшихъ временъ въ жизни славянства роль воспитателя культурно-національнаго и племенного самосознанія, безъ всякихъ оговорокъ, мы должны поставить прежде всего древне-церковно-славянскій языкъ и славянское Богослуженіе, языкъ св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. На немъ мы впервые стали мыслить и выражать свои несложныя чувства, на немъ впервые мы, всѣ славяне, восточные и западные, услышали великое слово Божіе, слово любви и мира, на этомъ именно языкѣ предъ нами впервые раскрылись страницы міровой исторіи и Божественнаго Промысла, на этомъ языкѣ впервые намъ стали близки и понятны горе и радости миллионовъ другихъ людей, на немъ же наше примитивное славянское культурное самосознаніе впервые начертало свои общечеловѣческіе идеалы и опредѣлило свои національныя задачи. И въ этомъ отношеніи ничто не раздѣляетъ насъ, славянъ, другъ отъ друга, ничто не ставитъ одного изъ насъ выше, другого ниже, мы всѣ равны, мы всѣ дѣти одной славянской культуры на основѣ языка св. славянскихъ первоучителей, который въ исторіи славянства явился своего рода спайкой отдѣльныхъ частей разрознишагося славянства въ одно несокрушимое культурное и племенное цѣлое.

Мы не можемъ, однако, забыть при этомъ также и того, что языкъ св. братьевъ, которому суждено было въ исторіи многомилліоннаго славянства на всемъ протяженіи его жизни играть доминирующую роль культурно просвѣтительнаго фактора и объединяющаго элемента, что этотъ языкъ въ основѣ своей одинъ изъ говоровъ современнаго намъ живого болгарскаго языка, въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ говоръ въ IX в. былъ знакомъ св. Кириллу и Меѳодію, уроженцамъ южно-македонскаго города Солуны.

Напрасно названные мною сербскіе авторы стараются отрицать и этотъ безспорный приоритетъ болгарской культуры въ исторіи славянства, утверждая, что языкъ, на который перевели Кириллъ и Меѳодій и ихъ сотрудники Священное Писаніе и часть церковныхъ книгъ, былъ какой-то особый, вымершій, древній діалектъ, и о происхожденіи его будто бы до сихъ поръ существуетъ споръ между учеными.

Правда, когда то, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда славяновѣдѣніе не располагало еще тѣми данными, которыми оно располагаетъ теперь, споръ въ этой области дѣйствительно существовалъ, но сейчасъ вопросъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка слѣдуетъ считать окончательно рѣшеннымъ и рѣшеннымъ въ томъ именно смыслѣ, какъ его рѣшаютъ такіе представители современной славянской науки, какъ проф. Лескинъ или академикъ Ягичъ. Первый изъ нихъ въ введении къ своей — *Grammatik der albulgarischen Sprache* — говоритъ, на примѣръ, dass das Altkirchenslavische zum bulgarischen Zweig des Slavischen gehört, geht schon aus einem Umstande sicher hervor, der Vertretung von ursprünglichem tj, dj, kt, gt durch št, žd, т. е. принадлежность древне-церковно-славянскаго языка къ болгарскому языку явствуетъ ужъ изъ одного обстоятельства замѣны первоначальныхъ tj, dj, kt, gt чрезъ št, žd въ родѣ, напр.: вѣѣштѣ, лѣѣждѣ и т. п. (Heidelberg, 1909, XXVII).

Академикъ Ягичъ въ специальномъ трактатѣ, посвященномъ тому же вопросу — *Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache* (Berlin, 1913), совершенно опредѣленно считаетъ древне-церк.-славян. языкъ говоромъ болгаро-македонскаго нарѣчія и, сопоставляя его особенностями съ характерными особенностями юго-восточныхъ болгарскихъ говоровъ, опредѣляетъ мѣстность его происхожденія территоріей между Салониками и Константинополемъ (§ 53, стр. 270—281). На той же точкѣ зрѣнія стоялъ и покойный славистъ V. Obłak; на той же точкѣ зрѣнія стоятъ и другіе современные намъ слависты, какъ, напр., русскій славистъ, проф. С. М. Кульбакинъ, авторъ лучшей книги, каковая только у насъ имѣется въ этой области: *Древне-церковно-славянской языкъ* (Харьковъ, 1911 и сл.).

Такимъ образомъ, Болгарія дала славянству языкъ, на которомъ выросла современная намъ славянская культура и которому суждено было впервые вызвать къ жизни въ славянской средѣ и чувство племенного самосознанія и затѣмъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ служить для славянъ не только языкомъ молитвы, но и быть органомъ, объединяющимъ славянство въ одно культурно-національное, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ одно политическое цѣлое.

Но высокая честь, по праву принадлежащая болгарскому народу, заключается не только въ томъ, что онъ далъ славянскому міру языкъ культуры и просвѣщенія, но также и въ томъ, что многострадальная Болгарія явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелью славянской

культуры. Здѣсь, именно, въ Болгаріи въ концѣ IX в. нашли себѣ радушный пріемъ у благочестиваго царя Бориса изгнанные жестокиимъ образомъ изъ Моравіи, послѣ смерти св. Меѳодія, его ученики и со-трудники во главѣ съ св. Климентомъ и Наумомъ, а затѣмъ въ зна-менитый вѣкъ сына Борисова, царя Симеона (IX—X), при непосред-ственнымъ участіи учениковъ и сподвижниковъ св. братьевъ, создалась и выросла та первая и при томъ огромная по своимъ размѣрамъ и разнообразная по своему содержанію славянская литература, которая впервые переносила на славянскую почву всѣ успѣхи тогдашней ви-зантійской культуры и послужила основнымъ ядромъ, которое, будучи перенято вполнѣ сербскими и русскими, легло въ основу ихъ на-ціональной культуры и затѣмъ уже здѣсь на новыхъ мѣстахъ под-вергалось дальнѣйшей обработкѣ и углубленію. И это богатѣйшее культурное наслѣдіе, переданное Болгаріей своимъ сосѣдямъ, было такъ огромно, что сейчасъ мы о немъ можемъ составлять себѣ только лишь приблизительное представленіе по косвеннымъ даннымъ, по тѣмъ немногимъ, сравнительно, памятникамъ, какіе сохранились внѣ Болга-ріи, и у сербовъ и русскихъ, такъ какъ книжныя сокровища въ са-мой Болгаріи въ большинствѣ погибли въ огнѣ, которому съ одина-ковой ревностью предавали болгарскія книги и вообще все болгарское какъ турки, такъ и греки.

На счетъ этого болгарскаго наслѣдства южное славянство и Россія жили по крайней мѣрѣ вплоть до XVIII-го в., когда въ жизни славянства занялась новая заря культурнаго возрожденія, открывав-шая предъ нимъ новые горизонты и выдвигавшая новыя задачи жизни.

Во главѣ этого литературнаго движенія въ Болгаріи стоялъ самъ царь Симеонъ († 927). Онъ провелъ свою молодость въ Византіи и получилъ здѣсь прекрасное воспитаніе, развилъ въ себѣ и любовь къ литературѣ, которую сохранилъ до самой своей смерти. Такъ, ца-реградскій патріархъ Николай Мистикъ въ 923 году пишетъ уже пятидесятилѣтнему тогда Симеону: знаю, говоритъ онъ, что еже-дневно ты напояешь свою прекрасную душу живоносною водою уче-нія; знаю, что и ты любознательно перечитываешь книги древнихъ... По словамъ патріарха Николая, знавшаго Симеона лично, онъ отли-чался несравненнымъ благородствомъ души, здравымъ разсудкомъ, по уму не имѣлъ себѣ равнаго, ненавидѣлъ зло, отвращался отъ не-справедливости, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями. —*

Въ виду высокой образованности Симеона, его приближенные называли его «полугрекомъ», а современники его говорили о немъ, что онъ прочелъ всѣ книги. Человѣкъ выдающейся энергіи и дарованій, Симеонъ поставилъ своею задачей—поднять культурный уровень своего народа до высоты византійской образованности и такимъ путемъ подготовить почву для успѣшнаго политическаго соревоанія съ Византїей. Заслуга Симеона въ исторїи славянской культуры заключается въ томъ, что онъ, въ указанныхъ выше цѣляхъ, не только самъ работалъ на литературномъ поприщѣ, составляя, напр., очень популярный въ др.-сл. письменности сборникъ изъ множества сочиненій Иоанна Златоуста, извѣстный подъ именемъ «*Златоструя*», но сумѣлъ сгруппировать вокругъ себя и специальный кружокъ литераторовъ и вдохновить ихъ на служеніе нуждамъ народнаго просвѣщенія, то поручая имъ переводы опредѣленныхъ византійскихъ авторовъ, то заставляя ихъ дѣлать компіляціи, то, наконецъ, вообще покровительствуя извѣстнымъ дѣятелямъ на томъ же поприщѣ, въ родѣ, напр. св. Климента.

Имя св. Климента, епископа Величскаго, болгарина по происхожденію, просвѣтительная дѣятельность котораго была посвящена Македонїи, стоитъ во главѣ древнеболгарской литературы. Непосредственный сподвижникъ и ближайшій сотрудникъ и ученикъ св. Меѳодія, онъ принесъ съ собою на славянскій югъ традиціи своего учителя и посвятилъ продолженію и утверженію его дѣла всю свою жизнь. Будучи назначенъ, по желанію царя Симеона, епископомъ Величскимъ въ Македонїи, онъ, говоритъ его біографъ, не давалъ сна очамъ, ни вѣждамъ дреманія, напротивъ, въ попеченїи о народѣ находилъ для себя пищу и удовольствїе; всегда поучалъ и всегда устроялъ, изгоняя невѣжество, упорядочивая безпорядочное, и былъ всѣмъ вся, смотря по нуждѣ каждаго.

Успѣхъ просвѣтительной дѣятельности св. Климента въ Македонїи былъ огромный. Въ первые же годы своего пребыванія въ области Кутмичивица онъ имѣлъ уже 3500 учениковъ.

Что же касается его литературной дѣятельности, то окончательные итоги ея пока не могутъ быть подведены, такъ какъ и по настоящій день продолжаютъ еще отыскиваться все новыя и новыя сочиненія, которыя или несомнѣнно должны быть отнесены къ авторству св. Климента или съ большей или меньшей вѣроятностью могутъ быть ему приписаны. Изъ сочиненій, несомнѣнно принадлежа-

шихъ св. Клименту, до настоящаго времени открыто около 20. Кроме того, Клименту же приписываются и обѣ *паннонскія легенды* — эти знаменитыя біографіи св. славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меводія, являющіяся для насъ единственнымъ источникомъ, раскрывающимъ предъ нами во всей широтѣ жизнь и дѣятельность святыхъ братьевъ; ему же приписывается и составленіе той славянской азбуки, которая всѣмъ намъ извѣстна подъ именемъ *кириллицы*. Посвятитеъ свою дѣятельность Македоніи, св. Климентъ и скончался здѣсь же въ Македоніи въ 916 г. и былъ погребенъ въ Охридѣ.

Если св. Климентъ стоялъ ближе къ народу и писалъ для народа, то его современникъ и такой же подвижникъ въ духѣ идей св. братьевъ Іоаннъ Экзархъ, авторъ знаменитаго «Шестоднева», былъ скорѣе человѣкомъ ученымъ. Ему принадлежитъ переводъ догматическаго сочиненія Іоанна Дамаскина «*Слово о правой вѣрѣ*» или «*Небеса*», а также діалектики того же автора подъ заглавіемъ «*Любомудріе*», цѣлый рядъ проповѣдей и наконецъ знаменитый *Шестодневъ*, представляющій собою шесть словъ, изъясняющихъ шестидневное твореніе міра, интересный въ томъ отношеніи, что онъ является какъ бы первымъ опытомъ въ древне-слав. письменности соединенія богословской науки и проповѣди съ философіей, исторіей, природовѣдѣніемъ; толкуя шестидневное твореніе міра по библии, авторъ цитируетъ взгляды философовъ — Аристотеля, Платона, Фалеса, Демокрита и др., говоритъ о красотахъ природы, касается и современнаго быта родного ему болгарскаго народа, его нравовъ и нѣкоторыхъ современныхъ ему историческихъ фактовъ, обнаруживая огромную начитанность и широкую богословскую эрудицію.

Въ это же время, въ 894 или 898 г. Константинъ Пресвитеръ, одинъ изъ первыхъ славянскихъ борцовъ съ опредѣленнымъ славянскимъ сознаніемъ, составилъ свое знаменитое «*Учительное Евангеліе*», состоящее изъ 51 бесѣды и снабженное вступленіемъ и заключеніемъ переводчика. По своему міросозерцанію это вдохновенный славянинъ, радующійся успѣхамъ просвѣщенія среди родного ему болгарскаго народа и тому, что—«не греци бо точію обогатися отцемъ симъ (Іоанномъ Златоустомъ), но и словенскій родъ, мнимый погранъ быти всѣми». А въ своей извѣстной «азбучной» молитвѣ онъ съ восторгомъ говоритъ о стремленіи «словенскаго племени» къ христіанскому просвѣщенію.

Чтобы правильно оцѣнить значеніе «*Учительнаго евангелія*»

Константина Пресвитера, этого перваго въ древне-болгарской литературѣ проповѣдническаго сборника, необходимо принять во вниманіе, говорить покойный митрополитъ Антоній, общее направленіе тогдашней греческой церковной проповѣди, религиозныя потребности новообращенной паствы и наконецъ направленіе и общій ходъ развитія стараго словено-болгарскаго, чехо-моравскаго, сербскаго и русскаго проповѣдничества вообще. Свободный отъ литературной моды, Константинъ пошелъ самостоятельнымъ путемъ, который самъ считалъ лучшимъ для успѣшнаго достиженія намѣченной цѣли; съ необычайной рѣшительностью онъ возстановилъ старый проповѣдническій методъ, ясно сознавая дѣйствительныя религиозныя нужды народа: новообращенный народъ не имѣлъ нужды въ ораторскихъ рѣчахъ, но въ простыхъ урокахъ и наставленіяхъ въ истинахъ вѣры: этой цѣли и должно было удовлетворить его Евангеліе. Благодаря этому, проповѣдническое церковное дѣло съ самаго начала въ Болгаріи было поставлено на правильную почву. Первый оригинальный систематическій сборникъ поученій на всѣ недѣльные дни года въ Россіи появился только въ XVII в. Поэтому, если не по содержанію, то по замыслу и формѣ, *Учительное Евангеліе* Константина было работою вполне оригинальною, и въ исторіи славянорусской проповѣднической литературы за Константиномъ должна быть признана честь перваго составителя систематическаго проповѣдническаго сборника на старо-болгарскомъ языкѣ.

Будучи впоследствии возведенъ въ санъ епископа, Константинъ продолжалъ свою литературную дѣятельность и написалъ множество сочиненій переводныхъ, компилятивныхъ и оригинальныхъ, въ томъ числѣ, по порученію царя Симеона, въ 896 г. перевелъ *слова Анастасія Александрійскаго противъ аrianъ*.

Въ эту же начальную эпоху болгарской литературы Григоріемъ пресвитеромъ были переведены *Пятикнижіе Моисея, кн. Іисуса Навина, Судей, Руфь* (И. Евсѣевъ: *Григорій пресвитеръ*, Изв. 2-го Отд. И. Ак. Н. 1902, VII, 3, 356), была составлена неизвѣстнымъ авторомъ Толковая паляя и повѣсть о крещеніи князя Бориса, оказавшія вліяніе на нашу древнерусскую лѣтопись (А. А. Шахматовъ: *Толковья Палая и Лѣтопись*, СПб. 1914), огромная Энциклопедія или такъ называемый «Изборникъ Симеоновъ», въ который вошло 383 статьи, принадлежавшія перу свыше 25 авторовъ, извѣстный также и въ древне-русской письменности подъ именемъ

«Изборника Святослава», и множество других сочинений церковно-проповѣдническаго, учительнаго, историческаго, апокрифическаго и пр. содержанія, образовавшихъ всѣ вмѣстѣ огромное культурное наслѣдіе, которое отъ болгаръ перешло затѣмъ къ сербамъ и въ Россію и вызвало здѣсь мѣстное литературное движеніе, усвоившее богатое наслѣдіе Болгаріи и двинувшее по мѣрѣ своихъ силъ дальше впередъ дѣло славянскаго просвѣщенія. Въ высшей степени знаменательнымъ при этомъ представляется тотъ фактъ, что эта болгарская литература конца IX и начала X-го в., литература, созданная кружкомъ царя Симеона, уже проникнута опредѣленнымъ славянскимъ сознаніемъ, живетъ во имя просвѣщенія славянскаго народа и радуется успѣхамъ культуры среди славянскаго племени. А это значитъ, что уже въ началѣ X-го в. въ Болгаріи существовала опредѣленная славянская культура и опредѣленное славянское сознаніе.

Но и въ послѣдующіе затѣмъ вѣка литературная дѣятельность въ Болгаріи никогда не прекращалась; въ зависимости отъ политическихъ условій понижалась, правда, ея интенсивность, но работа продолжалась и не только продолжалась, но попережнему оставалась источникомъ культуры и для сосѣдей, сербовъ и русскихъ. Укажу напр., знаменитую «Тырновскую школу» основанную во второй половинѣ XIV в. знаменитымъ ученикомъ Григорія Синаита, Θεοδοσίємъ Търновскимъ, изъ которой вышли такіе выдающіеся дѣятели на поприщѣ славянскаго просвѣщенія и литературы, какъ, напр. послѣдній болгарскій патріархъ Евѳимій, которому на славянскомъ югѣ принадлежитъ та же роль въ области письменности, какую впоследствии сыгралъ у насъ Никонъ своимъ пересмотромъ и исправленіемъ книгъ старой редакціи, и который, кромѣ того, оставилъ цѣлый рядъ сочиненій, одинаково цѣнныхъ какъ для болгаръ, такъ и для сербовъ и русскихъ, которыми тѣ и другіе дѣйствительно воспользовались, вродѣ, напр., *устава литуріи Іоанна Златоуста, служебника, похвальнаго слова Константину и Еленѣ, житія преподобнаго Ивана Рилскаго, болгарскаго подвижника X в., житія преподобнаго отца Иларіона Меленскаго, препод. матери Филвгеи, св. Петки, царицы Θεοφανіи* и др., при чемъ эти сочиненія цѣнны не только какъ чествованіе памяти святыхъ и подвижниковъ, но и какъ богатый историческій источникъ. Сочиненія святителя Евѳимія Търновскаго были очень хорошо извѣстны и весьма популярны и въ Сербіи и въ Россіи. Такъ, напр., его *житіе св. Петки*

(Параскевы Пятницы) извѣстно въ Сербіи въ трехъ редакціяхъ и имѣется въ сербскихъ рукописяхъ и старопечатныхъ изданіяхъ XIV—XVI в. в., *житіе Иларіона Меленскаго* сохранилось у сербовъ въ рукописи XV в. и т. д. Къ числу учениковъ Евѣимія принадлежали, между прочимъ, болгаринъ по національности, Киприанъ, митрополитъ Кіевскій, болгаринъ Григорій Цамблакъ, сначала игумень Дечанскаго монастыря въ Сербіи, а съ 1415 митрополитъ Кіевскій, авторъ цѣлага ряда сочиненій, въ томъ числѣ и похвальнаго слова въ честь своего учителя Евѣимія, житія бѣлградскаго мученика *Ивана новаго*, составленнаго имъ въ Сербіи, житія сербскаго краля *Стефана Уроша III (Дечанскаго)*, житія митр. *Киприана* и др. Проф. П. Поповичъ въ своей *Исторіи сербской литературы* такъ, между прочимъ, характеризуетъ *Житіе Стефана Дечанскаго*, составленное Цамблакомъ: тонъ житія очень теплый, и авторъ горячо вступаетъ за короля—святого, жизнь котораго онъ описываетъ, болѣе горячо, чѣмъ это дѣлается у кого либо изъ болѣе раннихъ біографовъ. Дечанскій здѣсь представленъ только какъ мученикъ, и ни одно изъ лицъ, жизнь которыхъ описывали наши древнія біографіи, не представлено тамъ такъ рѣзко обрисованными чертами мученичества, какъ представленъ въ описаніи Цамблака этотъ король, въ молодости ослѣпленный своимъ отцомъ и въ старости задушенный собственнымъ сыномъ. Цамблакъ какъ разъ и выдвигаетъ на первый планъ это его мученичество, тѣ моменты, которые сообщаетъ ему этотъ обликъ мученика... Композиція въ его отношеніи къ Дечанскому—очень хороша, изложеніе—очень живо и цвѣтисто, и это произведеніе Цамблака въ литературномъ отношеніи принадлежитъ къ числу наилучшихъ произведеній нашей біографической письменности.

Къ числу учениковъ Евѣимія принадлежалъ также и болгаринъ Константинъ Костенечскій, прозванный *философомъ*, литературная дѣятельность котораго принадлежитъ всецѣло Сербіи, авторъ знаменитаго грамматическаго трактата: «*Сказаніе о писменехъ*», очень популярнаго и въ русской древней письменности, а также—*Житія деспота Стефана Лазаревича*. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи—много историческихъ подробностей, часты хронологическія даты, изложеніе событій не ограничивается узкими рамками того, что имѣетъ связь съ личностью деспота, но оно въ широкихъ, отдѣльных картинахъ обнимаетъ исторію сосѣднихъ народовъ, въ

особенности турокъ, описываетъ земли, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ виду всего этого произведеніе Константина имѣетъ, въ ряду себѣ подобныхъ, болѣе историческій характеръ; оно лучшее историческое произведеніе древней сербской литературы (П. Поповичъ).

Такимъ образомъ, не только въ X—XI в., но и дальше, въ XIV—XV в. в. болгарская литература, какъ мы видимъ, продолжаетъ служить источникомъ просвѣщенія и для сербовъ, а болгарскій народъ даетъ сербамъ литературныхъ дѣятелей, которыхъ сербы по достоинству считаютъ своими лучшими писателями. Такой же памятникъ какъ, напр., *Хроника* Константина Манассіи (XII в.), переведенная на славянскій языкъ впервые въ Болгаріи въ XIV в., встрѣчается въ сербскихъ рукописяхъ начиная съ XVI-го в., т. е. болгарское литературное наслѣдіе дѣйствительно проходитъ чрезъ всѣ вѣка древне-сербской письменности, напоая божественными глаголы сердца и души сербскаго читателя. Начиная же съ XIII в. въ связи съ политическими невзгодами, переживавшимися тогда Болгаріей, центръ литературной работы переходитъ въ Сербію, и Сербія вплоть до XV в. становится во главѣ литературнаго движенія у южныхъ славянъ.

Что же касается Болгаріи, то традиціи славянскихъ апостоловъ, св. братьевъ Кирилла и Меѳодія, никогда здѣсь не забывались и не умирали и послѣ этого, не взирая ни на какіе ужасы рабства, напротивъ, въ эти то тяжелые вѣка рабства языкъ матери и старославянская письменность были для болгаръ тою путеводною звѣздой, которая, какъ свѣтлый маякъ, свѣтила имъ впереди, ведя народъ къ культурно-національному возрожденію, въ исторіи котораго старославянская письменности и народному языку принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Не подлежит никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что сербо-болгарскій споръ изъ-за Македоніи ведетъ свое начало сравнительно съ недавняго времени и представляетъ собою типичное наслѣдіе турецкаго абсолютизма.

Естественное чувство племенного самосохраненія, съ одной стороны, и цѣлый рядъ внѣшнихъ культурныхъ вліяній, привхлотившихъ, начиная со второй половины XVIII вѣка, въ жизнь южнаго славянства—съ другой, имѣли своимъ слѣдствіемъ національный подъемъ и культурное возрожденіе болгаръ и сербовъ, приведшее въ началѣ XIX-го вѣка къ восстановленію свободной сербской державы. Культурно-историческія судьбы угнетеннаго единороднаго и единокровнаго болгарскаго населенія придунайской Болгаріи, Восточной Румелии, Фракіи и Македоніи слились съ этого момента въ одномъ руслѣ, въ единомъ для всей этой территоріи великомъ національномъ завѣтѣ, сформулированномъ въ трехъ словахъ: «смерть или свобода». Объединенный этимъ общимъ завѣтомъ, болгарскій народъ началъ свою упорную борьбу съ своими вѣковыми угнетателями, и первый призывъ къ этой борьбѣ во имя свободы вышелъ изъ Македоніи. Первый моментъ этой борьбы, совпадающій съ концомъ XVIII-го и началомъ XIX-го вѣка и обнимающій собою дѣятельность первыхъ будителей болгарскаго національнаго сознанія: о. Паисія Хилендарскаго, іеросхимонаха Спиридона и епископа Софронія Врачанскаго, можетъ быть охарактеризованъ какъ періодъ пробужденія національно-историческихъ традицій болгарскаго народа. На почвѣ пробужденія національно-историческихъ традицій въ началѣ XIX-го вѣка въ Болгаріи вырастаетъ новый моментъ въ исторіи общественно-политическаго движенія, обще-національное пробужденіе принимаетъ широкій національно-культурно-просвѣтительный характеръ и обнимаетъ дѣятельность Венелина, македонца Неофита Рильскаго, Палаузова, Априлова, македонца Гоакима Кърчовскаго, Кирилла Шейчиновича изъ македонскаго Тетова, Хаджи Теодосія изъ македонскаго Дойрана, македонца Христаки Павловича Дупничанина, македонцевъ бр. Миладиновыхъ, ма-

кедонца Жинзифова, Константина Фотинова, Петко Славейкова, епископа Иларіона Макаріопольскаго и цѣлаго ряда другихъ самоотверженныхъ борцовъ на томъ же поприщѣ національно-культурнаго просвѣщенія своего народа.

Царство небесное и вѣчный покой этимъ доблестнымъ страдалцамъ за народъ!

Помянемъ ихъ своимъ добрымъ словомъ и благословимъ ихъ свѣтлую память!

Они, македонцы и болгары, объединенные мыслью о свѣтломъ будущемъ своего родного болгарскаго народа, работали рука объ руку на поприщѣ народнаго просвѣщенія, они вмѣстѣ создали болгарскую народную школу, они дали ей первыя книги на родномъ языкѣ, они создали болгарскую литературу и, наконецъ, они же освободили болгарскій народъ отъ церковнаго ига и путемъ долгой и упорной борьбы добились въ концѣ-концовъ въ 1870 г. свободы національной церкви и учрежденія независимаго отъ греческой патріаршіи болгарскаго экзархата.

Параллельно съ этимъ культурно-національно-просвѣтительнымъ движеніемъ съ 60—70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Болгаріи крѣпнеть и развивается новое движеніе, національно-революціонное, которымъ характеризуется уже третій до-освободительный періодъ общественно-политическаго движенія въ Болгаріи, обнимающій собою дѣятельность Г. Раковскаго, Л. Каравелова и Хр. Ботева и приводящій Болгарію къ событіямъ 1876—1878 гг. и къ возсозданію независимаго Болгарскаго княжества, представлявшаго собою маленькій клочекъ общеполгарской территоріи, оставшейся въ остальныхъ своихъ частяхъ по прежнему подъ турецкимъ гнетомъ и попрежнему же одухотворенной своимъ національнымъ завѣтомъ: смерть или свобода! Дѣйствительныя границы болгарской народности по прежнему оставались, конечно, тѣми же самыми, какими онѣ были намѣчены всѣмъ ходомъ предыдущей совмѣстной исторической жизни отдѣльныхъ составныхъ частей единаго болгарскаго народа. Объ этихъ границахъ въ 1877 году никто и не спорилъ. Бисмаркъ и князь Черкасскій одинаково смотрѣли на этнографическіе предѣлы болгарской народности, хотя первый основывался на картѣ Киперта, резюмировавшей показанія европейскихъ путешественниковъ, а послѣдній—на изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ русскихъ славистовъ, бывшихъ лично на мѣстѣ, Григоровича и

Гильфердинга. Всѣ эти показанія устанавливали предѣлы Болгарскаго племени приблизительно такъ, какъ они были опредѣлены вскорѣ границами санъ-стефанскаго трактата. (См. П. Н. Милюковъ: *Сербо-болгарскія отношенія по македонскому вопросу*— „Сборникъ“ Русск. Бог., СПб. 1900, стр. 270). Интересный фактъ по этому же поводу на основаніи сербскаго источника передаетъ П. Н. Милюковъ. Когда одинъ сербскій посланникъ упрекалъ впослѣдствіи гр. Игнатъева за его пристрастіе къ болгарамъ при заключеніи санъ-стефанскаго договора, Игнатъевъ вскочилъ со своего мѣста и, вынувъ изъ стола весь тотъ матерьялъ, который былъ въ Санъ-Стефано при утверженіи мира, развернулъ передъ своимъ собесѣдникомъ сербскія карты и сербскіе учебники, подтверждавшіе, что земли, отданныя болгарамъ, вовсе не были сербскими, а болгарскими (см. страницу 274 названнаго выше изданія).

Въ дополненіе къ этому отмѣчу и еще одинъ любопытный фактъ: въ 1868 г. сербъ Міятовичъ, переводчикъ на сербскій языкъ англійской книги Макензи и Ирби — *«Путешествіе по славянскимъ землямъ Европейской Турціи»* — не счелъ нужнымъ такъ или иначе опровергать категорическаго утвержденія авторовъ книги о принадлежности Македоніи къ числу болгарскихъ земель, и не счелъ нужнымъ, очевидно, потому, что въ это время вопросъ о Македоніи совершенно не интересовалъ сербовъ, и принадлежность Македоніи болгарамъ не вызвала въ нихъ тогда еще никакого сомнѣнія. И только съ 1870 г. въ связи съ учрежденіемъ болгарскаго экзархата и подчиненіемъ его вѣдѣнію христіанскаго населенія турецкихъ областей и затѣмъ, въ связи съ блестящими результатами, въ смыслѣ подъема національнаго сознанія, на первыхъ же порахъ дѣятельности болгарской свободной церкви, явившейся для Македоніи и другихъ порабощенныхъ болгарскихъ провинцій огромнѣйшей культурной силой, привлекавшей на свою сторону все больше и больше прозелитовъ не только въ болгарскихъ областяхъ Македоніи, но и за предѣлами ея среди завѣдомо сербскаго населенія,—вызвало къ жизни, начиная съ 1870 года, сербскую пропаганду, которая стала добиваться учрежденія своего архіепископства въ Скопье и быстро организовала вокругъ себя сербское общественное мнѣніе, привлекла къ своимъ услугамъ сербскую науку, создала огромнѣйшую специальную литературу, вспомнила границы Душанова царства и объявила Македонію Старою Сербіей, а ея славянское населеніе сербами.

А между тѣмъ Берлинскій трактатъ, обезцѣнившій всѣ понесенныя Россіей и Болгаріей жертвы, отдалъ Македонію вновь во власть Турціи. Естественно, болгарскій народъ не могъ примириться съ этимъ насильственнымъ отторженіемъ отъ освобожденной Болгаріи огромной болгарской территоріи и поставилъ свою ближайшую задачею воссоединеніе, во что бы то ни стало, отторгнутыхъ областей.

Дальнѣйшія событія въ этомъ направленіи, однако, имѣли, между прочимъ, для болгаръ своимъ послѣдствіемъ — разрывъ съ Россіей, натянутыя отношенія съ ближайшими сосѣдями — румынами и сербами—и воссоединеніе въ 1885 г. Румелии. Послѣднимъ актомъ былъ осуществленъ болгарами первый пунктъ намѣченной ими послѣ Берлинскаго трактата освободительной программы. Теперь оставалось осуществить второй пунктъ — воссоединить Македонію, закрѣпленную за болгарами санъ-стефанскимъ договоромъ, купленнымъ дорогою цѣною братской крови великаго русскаго народа. Дѣйствительно, послѣ 1885 года освобожденіе Македоніи становится основною и главнѣйшею задачею общественно-политической жизни въ Болгаріи. Однако, стремясь къ осуществленію этого второго пункта своей національной программы, Болгарія столкнулась теперь уже съ тремя сильными противниками—Европой (Берлинскій трактатъ), Турціей и Сербіей, и борьба ея по необходимости стала принимать крайне напряженный характеръ, въ жертву ей стали приноситься всѣ жизненные интересы страны, македонскій вопросъ сталъ для Болгаріи опаснѣйшимъ подводнымъ камнемъ, который все время держитъ страну въ ужасномъ напряженіи всѣхъ ея моральныхъ и экономическихъ силъ, и о который одно за другимъ разбиваются болгарскія правительства; македонскій вопросъ превращается, наконецъ, для Болгаріи въ своего рода домокловъ мечъ, который въ теченіе 35 лѣтъ виситъ надъ повседневною болгарской жизнью, задерживая ея нормальное развитіе и выбивая изъ колеи нормальной жизни народную психику. Въ концѣ концовъ для Болгаріи въ сосѣдствѣ съ угнетенной Македоніей создалось положеніе деревни на склонахъ вулкана, обдающаго ее ежeminутно своимъ пепломъ и угрожающаго ежечасно залить ее своею лавою, пока, наконецъ, кровавыя событія въ македонскихъ городкахъ Шпитъ и Кочане, имѣвшія мѣсто въ 1911 г., вновь категорически не поставили предъ общественно-политическимъ сознаніемъ болгарскаго народа старой проблемы: смерть или свобода!—

во имя создания, наконецъ, нормальныхъ условий жизни собственной страны.

И Болгарія героически взялась за оружіе во имя осуществленія второго пункта своей исторической національной программы — освобожденія Македоніи, подготовивъ предварительно союзный договоръ съ сосѣдями и обезпечивъ себя ихъ дружественной поддержкой...

Въ 1898 г. въ Бѣлградѣ была издана въ высшей степени интересная брошюра д-ра М. Миловановича, бывшего одно время сербскимъ министромъ юстиціи, подъ заглавіемъ: «Срби и бугари», — брошюра въ высшей степени интересная въ томъ отношеніи, что она прекрасно характеризуетъ установившіеся уже къ тому времени дѣйствительные взгляды въ Сербіи на общее положеніе вещей, при чемъ, оказывается, уже тогда было совершенно ясно, что, въ существѣ дѣла, претензіи сербовъ на Македонію основываются совсѣмъ не на «историческихъ» или «этнографическихъ» правахъ, а на безспорной нуждѣ сербскаго государства имѣть свою гавань, ибо теперь, когда послѣ Берлинскаго трактата она оказалась отрѣзанной отъ Адриатическаго моря, она абсолютно не можетъ существовать, какъ самостоятельная держава, если не получитъ свободнаго выхода на Егейское море, если солунская гавань не попадетъ или непосредственно въ сербскія руки, или не будетъ поставлена въ такія условія, чтобы Сербія могла пользоваться ею вполне свободно, безъ всякихъ ограниченій. (См. П. Н. Милуковъ, 285).

Спрашивается, нарушивъ союзъ, обезпечивавшій нормальную жизнь для всѣхъ свободныхъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, что выиграла Сербія, добровольно уступивъ Греціи ту самую территорію пресловутаго Душанова царства, которой ни въ какомъ случаѣ она не могла уступить, даже согласно прямому смыслу союзнаго договора, братской Болгаріи, и тѣмъ самымъ съ легкимъ сердцемъ лишившись того, что до сихъ поръ въ устахъ сербскихъ политиковъ было абсолютнымъ условіемъ для дальнѣйшаго существованія Сербіи, какъ самостоятельной державы, т. е. лишившись свободнаго выхода къ Егейскому морю?

А между тѣмъ нарушеніе сербами союзнаго договора въ тотъ моментъ, когда болгарскій народъ стоялъ еще подъ ружьемъ въ окопахъ и грудью своею защищалъ общеславянскіе интересы, произвело ошеломляющее впечатлѣніе въ Болгаріи, какъ жестокой ударъ въ самое сердце народной жизни, разомъ уничтожавшій все, что было

подготовлено здѣсь годами самоотверженныхъ усилій и добыто нако-
нецъ на полѣ брани цѣною дѣсятковъ тысячъ жизней доблестныхъ
сыновъ родины!

Нужно ближе подойти къ болгарской народной жизни, нужно
понять ея національныя традиции, всмотрѣться въ прекрасную душу
народа, чтобы постичь весь ужасъ того положенія, въ которое сталъ
болгарскій народъ, переживъ трагедію крушенія національной мечты
о конечномъ объединеніи всего народа, изстрадавшагося подъ вѣко-
вымъ гнетомъ и принесшаго такъ много жертвъ на алтарь славян-
ской свободы...

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, въ томъ, что и на этотъ разъ, послѣ
всего пережитаго, Болгарія быстро оправится отъ понесенныхъ ею тяже-
лыхъ жертвъ и испытаній: творческій гений ея талантливаго, жизнеспособнаго и богато одареннаго отъ природы народа быстро выведетъ
народную жизнь на путь болѣе нормальной, болѣе уравновѣшенной
и спокойной созидательной культурной работы, и болгарскій народъ
постепенно сумѣетъ залѣчить свои тяжелыя раны и забыть свое горе,
ибо этого требуютъ отъ него прежде всего здраво понимаемые имъ
интересы его собственной народной жизни и ея развитія; больше того,
несомнѣнно, болгарскій народъ, во имя собственнаго же блага, быстро
и настойчиво, какъ всегда, приложитъ всѣ необходимыя мѣры къ
созданію нормальныхъ сосѣдскихъ взаимоотношеній съ Сербіей, но
и Сербія съ своей стороны должна немедленно же пойти навстрѣчу
осуществленія этой же очередной задачи, диктуемой насущными
интересами обѣихъ сосѣднихъ славянскихъ державъ.

Въ жизни славянства занимается новая заря. Грядущій свѣтлый
день, котораго такъ тѣтено ждали десятки поколѣній нашихъ от-
цовъ и дѣдовъ, несетъ съ собою свободу и счастье всей обездолен-
ной семьѣ славянскихъ народовъ, и никто изъ славянъ, конечно,
не можетъ остаться внѣ благъ той свободы, на защиту которой
всталъ великій русскій народъ въ кровавой борьбѣ съ вѣковымъ
врагомъ славянства на югѣ и западѣ.

Пусть же этотъ прекрасный грядущій день торжества славян-
ской свободы встрѣтитъ славянскіе народы какъ одну семью, братски
объединенную въ одномъ чувствѣ, въ одномъ сознаніи своего куль-
турнаго и національнаго единства. Пусть теперь же, въ эту великую
историческую минуту торжества права и справедливости, въ жизни

нашихъ южныхъ братьевъ-славянъ исчезнуть тѣ случайныя преграды, которыя создали здѣсь изъ двухъ братскихъ народовъ непримиримыхъ враговъ, нарушили добрососѣдскія взаимоотношенія и поселили вражду. Пусть, наконецъ, геройскій сеобскій народъ найдетъ въ себѣ достаточно моральной силы, которая ему присуща и въ немъ живетъ, добровольно признать то, что давно и единогласно признано исторіей, наукой и національнымъ сознаниемъ самого македонскаго народа, видѣвшаго въ болгаряхъ всегда своихъ ближайшихъ братьевъ по языку и крови, и дѣйствовавшаго съ ними же единодушно и рука объ руку въ борьбѣ за вѣру, жизнь и свободу, и пусть, тѣмъ самымъ, такъ же мужественно, какъ мужественно вмѣстѣ съ русскимъ народомъ онъ даетъ отпоръ общему врагу славянъ на полѣ брани, онъ пойдетъ и на встрѣчу разрѣшенія той же великой славянской проблемы, которая съ такимъ самоотверженіемъ рѣшается сейчасъ кровью лучшихъ сыновъ великодушнаго русскаго народа во имя свободы и счастья всего славянства.

К О Н Е Ц Ъ .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА - СОФИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Вступление	7
I. Сложность македонской проблемы	9
II. Сербская точка зрѣнія и сербскіе методы трактовки вопроса	17
III. Заселение Балканскаго полуострова славянами	22
IV. Образование славянской болгарской державы и древнѣйшій періодъ исторіи славянской болгарской народности	31
V. Образование сербской державы и древнѣйшій періодъ исторіи сербской народности	37
VI. Академикъ Н. П. Кондаковъ о культурно-историческихъ судьбахъ Македоніи	46
VII. Вопросъ о языкѣ и народности македонскихъ славянъ	54
VIII. Болгарско-сербскія культурно-историческія взаимоотношенія Заключение	112 126